

ЛКЧ К 84.09 (= 498)

А 86

К-56039

выдана-
атри

А. Артемьев
Саламби

Дорогим моим Василию и
Марии Захаровичи —
с любовью и уважением —
Александр Артемьев —
13/II-6/2.

С О В Е Т С К А Я Р О С С И Я

k-056039

А. Артемьев

Саламби

ПОВЕСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• СОВЕТСКАЯ РОССИЯ •
МОСКВА • 1960

Авторизованный
перевод с чувашского
С. ТРЕГУБА

Оформление художника
П. Н. САРКИСЯНА

K-56039

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

УД

РЕГИСТР

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДЕВИЧИЙ ВЕК

*В девушках гулять,
что в гостях побывать.*

Пословица

Весь день назойливо шумел дождь. К вечеру он прекратился, оставив на дороге тускло поблескивающие лужи.

Но и осенний вечер не скучен, если над селом заливается гармонь.

Вот она заиграла где-то на окраине деревни. Неразлучные подруги Маша и Даша, склонившись над столом, переписывали из журнала слова новой песни. Услышав гармонь, они подбежали к окну и прислушались. Гармонь

все приближалась и приближалась. Девушки уже отчетливо слышали, как малиновыми колокольчиками рассыпались лады и согласно вторили им строгие басы.

— Это Виктор,— сказала Маша.

— Нет,— возразила Даша. — Твоему Виктору еще поучиться надо, чтобы так играть...

— Кто же, по-твоему?

— Известно кто — Коля...

Подруги бросились к зеркалу и стали прихорашивать.

Зеркало не стыдится говорить людям правду и тем самым многих, конечно, огорчает. Никто из местных девушек не пенял, должно быть, столько на зеркало, сколько Маша. Как хотелось ей хоть чем-нибудь походить на Дашу!

У Даши почти детское личико с ясными синими глазами, а у Маши лицо скуластое, из-под нахмуренных бровей смотрят черные глаза. Высокая и тонкая в талии, Даша напоминает крепко связанный ржаной сноп. Низкорослая и полная Маша похожа на слабо связанный овсяный сноп. Одеваются же они одинаково: сегодня обе в белых платьях с вышивками и кружевами на подолах, в белых фартуках и платках.

Даше недавно исполнилось двадцать. Маше перевалило за двадцать пять, но выглядела она и того старше. Сварливая сноха не раз называла ее старой девой и назойливо советовала погадать перед зеркалом на жениха.

Под самыми окнами гармонь умолкла, и в просвет между занавесками просунулось широкое, рябоватое лицо Виктора.

Даша открыла дверь, и в избу шумно ввалились парни и девушки. Приземистый и плотный Виктор поставил гармонь на лавку у двери, подошел к столу, взял лежащий здесь журнал и уткнулся в него. Он говорил мало, словно покупал каждое слово. Недаром девушки прозвали его молчуном.

Последним в избу вошел долговязый, рыжий Павел Шамбулкин в шинели нараспашку. Он был немножко под хмельком. Размахивая руками, Шамбулкин притворно ругался:

— Что это вы, как попы в старину, не закрываете за собой калитку и заставляете это делать других?

— То-то ты и Даша ее так долго закрывали,— пошутила Лена Михайлова.

На ней было синее пальто, боты, синий же, сдвинутый набекрень, берет, на руке поблескивал серебряный браслет с часами.

«Подумаешь, краля! — злилась Даша. — Со средним образованием!.. Все равно вместе с нами телятницей работаешь».

Только что смеявшаяся со всеми Лена стала вдруг серьезной.

— Почему вы сегодня на занятия зоокружка не приходили? — спросила она Дашу.

— Как-нибудь обойдемся без вашего кружка, сами зоотехнику изучаем, не беспокойтесь,— ответила за нее Маша.

— А мы сейчас узнаем, какую технику вы тут изучали,— съязвил молчавший до сих пор Виктор. Он вынул из журнала тетрадку и молча передал ее Шамбулкину. Тот, прищурив левый глаз и вытянув руку с тетрадкой, посмотрел на нее издали, словно прицеливаясь.

— Песня любви! — воскликнул он. — Вот это зоотехника! Тише, ребята, читать буду.

Роса падает на сады,
Кругом ночная прохлада;
Где же, милый, где же ты?
Мне так с тобой встретиться надо!

Все притихли. Шамбулкин продолжал:

Грустно и тяжело мне одной.
Я боюсь одиночества и темноты.
Что случилось, друг мой, с тобой?
Где же ты? Где же ты?

Шамбулкин остановился и стал перелистывать тетрадку.

— Продолжай, Павел,— раздались голоса. — Хорошие стихи.

— Не могу,— улыбнулся Шамбулкин. — Здесь больше ничего не написано, а стариками давно сказано: неписаного не читай! Чьи это стихи? — спросил он Машу.

— Я их из журнала выписала, можно взглянуть.

Лена взяла журнал, нашла стихотворение, которое начал читать Шамбулкин, и продолжала:

Почему глаза твои сияющие
Не освещают теперь мою душу?
Почему твой смех залихватый
Не раздается на нашей улице?

Она сделала коротенькую паузу и сказала:

— А знаете, ведь это песня Саламби. Она так любила ее напевать.

— Верно,— подтвердила Маша.— Эту песенку недавно передавали по радио.

— Да, хорошо поет Саламби,— мечтательно протянул Виктор.

— А кто написал эту песню? — допытывался Шамбулкин.

— Музыка какого-то Анатолия Алмазова, а стихи...

— Алмазова, говоришь? — вскочив, перебил Лену сидевший у самой двери Коля Семенов. — Анатолий Алмазов? Покажи-ка...

Все обернулись к нему.

Колю уже нельзя было назвать подростком, но и взрослым парнем он еще не стал: в этом году пошел в десятый класс. Жил Коля со своей старой матерью, хорошо учился и выполнял всю нелегкую крестьянскую работу. Одет он был небогато: в старых сапогах и не по росту длинном пиджаке, которые остались ему от погибшего на войне старшего брата. Всегда застенчивый, чувствуя всеобщее внимание к себе, он так покраснел, что не стали заметны его веснушки.

Преодолев смущение, Коля сказал:

— Да, это, конечно, он.

— Кто он? — раздалось несколько голосов.

— Старший сержант Алмазов...

Шамбулкин собрался было пошутить, но его остановили печальные глаза Коли.

— Старший сержант Анатолий Алмазов. Три года назад он написал мне из Маньчжурии. Он моего брата там... на фронте своими руками схоронил...

Никто не обронил ни слова. Вспомнили брата Коли, Валерия, веселого, бойкого паренька, балагура и гармониста. И в этот вечер он был бы, конечно, здесь, с ними.

Но чудес на свете не бывает... Где-то далеко в Маньчжурии, среди сопок, покоится его могила — маленький холмик со столбиком и пятиконечной красной звездой.

С улицы постучали в окно.

— Кто там? — спросил Павел, приподнимая занавеску.

— Здесь ли Маша? — послышался писклявый голос Машиной снохи. — Скажите ей, чтобы скорее шла домой. Я только что из города приехала, пусть отведет лошадь в конюшню.

Маша выбежала на улицу. Вслед за ней выскочила и Даша.

— Друг без дружки ни на шаг, словно срослись, — вдогонку им бросил Шамбулкин. — Если взять замуж одну, то и другая за ней потянется...

Коля Семенов взял гармонь и тихо заиграл свой любимый вальс «На сопках Маньчжурии». Погруженный в воспоминания, он не слышал ни разговора, ни смеха парней и девчат, собравшихся на вечеринку, не заметил, как пара за парой они закружились в танце.

Ему вдруг почудилось, что мелодия вальса звучит не здесь, в тихой чувашской деревушке, а там, на берегу Желтого моря, и сам он теперь не здесь, а в том далеком краю, где погиб его старший брат.

Гулко хлопнула дверь. Неразлучные подруги так стремительно вбежали в избу, словно спасались от погони.

— Ах, девочки! — всплеснула руками Маша.

— Ах, девочки! — вслед за ней воскликнула Даша.

— Ну, чего раскудахтались, как куры? — набросился на них Павел.

— Вам-то что! А тут такое тво-орится! — захлебывалась Даша.

— У Саламби... ребенок, — выпалила Маша.

Коля перестал играть на гармонии.

— Ты, Маша, не шуми, — строго произнес Виктор. — Кто это вам сказал?

— Моя сноха. Она ездила в город и вернулась вместе с Саламби.

— Ну и что из этого?

— А ты коль ничего не знаешь, так помолчи, — одернула Виктора Даша и затараторила: — В городе сноха заехала на квартиру Саламби, чтобы передать ей письмо от матери, а Саламби как раз собиралась домой...

— Зачем же домой в учебное время?

— Ее исключили из института за то, что она... родила в девках,— не утерпела Маша.

— Кто это сказал?

— Сноха.

— Вместо того чтобы работать в колхозе,— рассудительно заметил Павел,— твоя сноха таскается всюду да сплетни собирает. Не язык у нее, а хвост ящерицы.

— Ты больше за собой следи да людей зря не оскорбляй,— огрызнулась Маша.— В чужом глазу соломинку видишь...

Коле было больно слышать дурные вести о Саламби, которую в недавнем прошлом все считали невестой его брата. Руки у Коли опустились. Гармонь скользнула по коленям и чуть не свалилась на пол.

А Маша продолжала:

— Когда ехали из города, сноха спросила Саламби: «Отец-то у ребенка — кто? Не студент ли?» — Так Саламби, говорит, ничего не ответила. Мальчик уже большой, года три ему. И разговаривает не по-чувашски, а только по-русски.

Виктор грубо толкнул Машу в бок: прикуси, мол, язык. Та обиженно скривила губы и умолкла. Но тут заговорила Даша:

— И кто бы мог подумать такое о Саламби? И во сне не приснилось бы. Как это она могла три года прятать свой грех от людей?

— Так ведь она ребенка в детдом отдавала,— не выдержала Маша.— Ты же слышала, что говорила сноха. Вот тебе и славная девушка. Девичья-то слава, что зеркало: дохнешь и запотеет...

Остановили ее грозно нахмуренные брови Виктора. Все снова обернулись к Даше.

— Теперь в доме у них все плачут: и старуха, и Саламби, и ребенок.

— Мне передавали совсем другое,— вступила в разговор молчавшая до сих пор Лена.— Саламби хотела взять на воспитание ребенка из детдома, но мать воспротивилась. Зря вы на нее наговариваете.

— С чего бы мне на нее наговаривать? — вспыхнула Маша.

— Кто знает! А грязь, которую вы льете на Саламби,

к ней не пристанет. Нет, не пристанет,— повторила она и вышла, хлопнув дверью.

Все приумолкли. Только Маша зло проворчала:

— Тоже мне — дама крестей! Раньше сама не могла терпеть Саламби, когда Валерий на нее заглядывался, а теперь заискивает перед ней.

Колю больно резанули эти слова. Он с трудом сдержался.

Кто-то тихо постучал в окно, выходящее во двор. Виктор приподнял занавеску, взгляделся в темноту.

— Кто это? — спросили у него.

— Саламби, вот кто! Не говорите о ней больше ни слова...

Когда вошла Саламби, Коле показалось, что стены комнаты как будто раздвинулись, стало просторнее, светлее. Девушка была в голубом платье и в легких хромо-вых сапожках. Она протянула ему руку и приветливо улыбнулась:

— Здравствуй, Коля!

Юноша всматривался в ее голубые глаза и чувствовал, как в груди у него разливается что-то теплое, нежное, чему нет названия. Ее глаза цвета весеннего неба как бы спрашивали:

«Неужели ты осуждаешь меня и, как они, не веришь в мою чистоту?»

Коля тихо и не сразу ответил:

— Здравствуй, Саламби.

Девушка не задержалась около него. Она уже здоровалась за руку с другими, называя каждого по имени.

В выражении ее лица, в голосе, в улыбке чувствовалась то детская простота и наивность, то девичья стыдливость, то женская ласковость и нежность. Глядя на нее, Коля сам хотел быть лучше, чище, добрее. Хотел сделать для нее что-то приятное, большое. Ее радость радовала и Колю, ее позор не давал покоя и ему.

Откинув резким движением косу за спину, Саламби сказала как ни в чем не бывало:

— Даша, я пришла попросить у вас большой таз. Своего такого у нас нет, а мне с дороги нужно помыть ребенка.

Коля крепко сжал зубы, чтобы не закричать от негодования. Скрип девичьих сапожек напомнил ему тот день,

когда в армию уезжал Валерий: тогда также скрипели слуги тарантаса, а девичье платье напомнило ему голубой платочек, которым махал его брат, посылая последний привет односельчанам, провожавшим его у околицы.

Юноша не заметил, как ушла Саламби.

— Коля! — окликнул его Павел.

Он встрепенулся.

— Ты что опустил крылья, как солдат после тяжелого похода?

Коля огляделся. Многих уже не было.

— Ну, мне пора идти на ферму, — сказал Павел. — Нужно кое-что там проверить, а то, сам знаешь, начальство...

Забрав гармонь, Коля вместе с Павлом вышел из дома.

*

Когда подруги возвращались из конюшни, между ними произошел такой разговор:

— Знаешь, Даша, что сообщила мне сноха? — заговорщицким шепотом спросила Маша.

— Что?

— Саламби опять хочет работать телятницей

— Разве она бросила учебу в институте?

— Какая там учеба, когда у нее ребенок! Ее же исключили из института.

— За что?

— А вот за это самое: не роди в девках.

— Я что-то не слышала, чтобы твоя сноха говорила это, — возразила Даша. — Ходили ведь слухи, будто Саламби хотела усыновить какого-то сироту-мальчика и даже писала об этом матери.

— Исключили, — твердо повторила Маша. — Сноха от тебя скрыла, а мне по секрету передала. Саламби говорила ей, что хочет опять устроиться телятницей.

— Да ведь на ферме-то теперь неважно идут дела.

— Ты еще не знаешь характера Саламби. Сноха сказала ей, что нынче на ферме не хватает кормов, снижаются удои, болеют телята. А Саламби ответила, что всего этого она не боится и обязательно устроится на ферму.

— Ну что же, пусть приходит, — сказала Даша. — С ней веселее будет работать.

— Дурочка ты,—упрекнула ее Маша.— Разве забыла, как мы мучились из-за нее? Она ведь лучшей телятницей тогда слыла. А нас все стыдили...

— Но она и нам с тобой много помогала.

— Сообрази, что говоришь. Значит, пусть опять нас позорят, как в прошлые годы? Она придет на ферму, станет старшей телятницей, а ты в подпасках у нее ходи.

— Она образованнее нас, в институте учится,—не сдавалась Даша.

Упорство подруги задело Машу за живое.

— Слепая ты и не видишь, к чему стремится Саламби. Она хочет занять место Павла, стать заведующей фермой. Сноха мне все передала. Ты думаешь, Саламби будет заниматься черной работой? Так и жди! Ты еще не раз поплачешь из-за нее. Забыла, как твой Павел ходил к ней? За книгами, дескать... Знаем мы эти книги. Вот я и говорю: все вспомнишь, если забыла...

Нет, Даша не забыла. Она хорошо помнит, как Павел в одно время зачастил к Саламби. Правда, книги у нее он брал, но не для отвода ли глаз? Может быть, Маша права, что и теперь Саламби может стать между нею и Павлом, которого Даша так горячо любит.

И когда Маша под конец, распалясь, стала поносить Саламби последними словами, Даша уже не только не возражала ей, но даже слегка поддакивала.

Маша похвалила свою единомышленницу:

— Так-то вот лучше, Дашенька: приятные речи и слушать приятно.

*

Подруги вышли запирать ворота за Колей и Павлом.

— Недаром говорится: в девушках гулять, что в гостях побывать,—затараторила Маша.

— Где уж быть долгим-то девичьему веку, от семнадцати до двадцати,—сказала Даша, но тут же спохватилась.— Лет до двадцати пяти, не дольше.

— И не говори,—согласилась Маша.— А потом уже считают за старую деву,—с обидой произнесла она.— Вот и выходит, что надо уметь хорошо прожить свои девичьи годы. Добрая-то слава за печкой лежит, а худая по свету бежит. Так-то...

Подруги, перебивая друг дружку, рассуждали о том, как быстро проходят юные годы, и о том, что лишь немногие умеют их хорошо прожить...

«О чем эти сороки так тараторили?» — подумал Коля, идя по улице. Он даже не попрощался с ними, не пожелал им спокойной ночи.

ДВА ПИСЬМА

Чтобы не разбудить мать, Коля вошел в избу на цыпочках, но в темноте наскочил на стул, и гармошка издала протяжный звук. Мать проснулась и, присев на постели, жалобно заговорила:

— Эх, сыно-ок! Опять где-то до полночи шатался. Валерий не был таким. Некому тебя поругать, научить, никого ты не слушаешься. Вот вернется Валерий...

Все в деревне давно знали, что Валерий погиб, и только старая мать не хотела этому верить. Ей все казалось, что старший ее сын жив и вот-вот вернется домой.

— Вернется, пожалуй, к Новому году, и сон так подсказывает, — в который раз повторила она. — Мало ли было солдат, пропадавших без вести? И-и, сколько угодно! Во время войны многие получали похоронные, а потом солдатики домой приходили. Придет и наш Валерий, придет, сердце мое чует...

Вон Петя-то из Сормварри нашелся ведь. Три года пропадал. Да еще в Турикасе, говорят, какой-то солдат вернулся, тоже из Китая, где и Валерий наш... Саланов ему фамилия. Надо б к нему сходить, может, он видел там Валерия?..

Старушка разбредила свою душевную рану, и неизвестно было, когда успокоится, замолкнет...

Коля зашел в другую комнату, включил свет, плотно закрыл дверь. Через стенку все еще слышался голос матери, однотонный и печальный.

Юноша сел за столик, поставил перед собой маленький портрет Валерия в черной рамке. Уж сколько раз Коля смотрел на него. Точно таким же, как на портрете, являлся к нему брат во сне: гимнастерка с белым подворотничком, пилотка со звездочкой над правой бровью. Рослый гвардеец широко улыбается, словно живой — вот-вот заговорит...

Коля достал из ящика стола два письма: одно в обычном большом конверте, другое в треугольном. Он наизусть помнил эти письма, но каждый раз перечитывал их с глубоким волнением.

Перед ним снова возникли ровные строчки, написанные женской рукой.

«Здравствуй, Валерий! Во-первых, шлю тебе большой и горячий привет.

Валерий! Я так долго ждала от тебя писем, но ты ни разу не написал мне. Каждое утро я встречала с надеждой, что сегодня получу от тебя письмецо. И этот счастливый день все же не наступил.

Отвечаю на все твои вопросы, которые, как ты пишешь, волнуют тебя. Не хорошо бы это говорить девушке, но я не скрою, что уважала тебя с детства. Тогда мне хотелось очень немногого: сидеть с тобой за одной партой, быть вместе в играх. И как я завидовала тогда Лене Михайловой, которой ты дарил все свое внимание.

Узнав от той же Дены, что ты призван в армию, я всю ночь не смыкала глаз. А на другой день, когда тебя провожали, я ничего не могла сказать тебе при народе да, может быть, не сказала бы и наедине. Когда ты помахал издали платком, я поняла, что ты уезжаешь надолго, а может быть, и навсегда. Я готова была разреветься, как ребенок, и побежать за тобой... С тех пор березы перед нашим домом несколько раз сбросили свой убор.

Ты изредка писал Лене, она показывала мне иногда твои письма. В них я напрасно искала свое имя, ты никогда не упоминал его, как будто меня и не существовало. Не осуждай меня за такую откровенность, но мне хочется рассказать сейчас обо всем за все годы молчания.

Когда ты воевал на Западе, от тебя совсем редко приходили письма, и мать твоя жаловалась на это. Вместе с ней и я тяжело переживала твое долгое молчание.

После того как победили фашистов, через нашу станцию начали проходить эшелоны с возвращавшимися домой фронтовиками. Приехали и многие наши односельчане. Недавно возвратились Виктор Мурзаев и Павел Шамбулкин. Оба возмужали, оба с медалями. Виктор по-прежнему молчалив, а Павел все так же балагурит. Они уже приступили к работе в колхозе: Виктор, как и я,—рядовой колхозник, а Павла назначили заведую-

щим молочной фермой. По вечерам оба приходят на нашу улицу и по-прежнему дружат с Машей и Дашей.

Письмо твое шло долго, ведь путь не близок. Помнишь, когда мы учились в шестом классе, ты не мог как-то найти на карте Маньчжурию? Учитель вызвал меня, и я показала. А теперь тебе самому пришлось пройти по этой далекой стране.

Валерий, мы здесь тебя очень ждем. Привези с собой в гости и своего друга Алмазова, хорошо встретим обоих. А откуда он, этот твой музыкант? Привет ему!

Я до сих пор жила дома, выращивала телят в колхозе. Работать на ферме было очень трудно, не хватало кормов. Телята заболели, был и падеж. Летом, когда скот выгоняли в поле, телят пасла мама, а я ходила на сенокос и на уборку хлебов. Приходилось и пахать и боронить, потому что в колхозе оставались одни старики, женщины и подростки. Но теперь жизнь становится лучше.

Я в этом году решила поступить в сельскохозяйственный институт на зоотехническое отделение. Мама не хочет пускать, говорит, что от этого наш очаг погаснет. Я пытаюсь ее успокоить, обещаю после окончания института вернуться в свой колхоз, а она твердит свое: «Пошлют тебя в Сибирь, и тогда конец нашему дому». Она даже платья мои попрятала, чтоб я не уехала.

Валерий! Как получишь это письмо, постарайся поскорее ответить. Я жду твоих писем, как цветы ждут в засуху дождя, а еще больше жду тебя самого. Когда выедешь домой, дай мне знать телеграммой — я встречу тебя под старым вязом у Петушиного лога. Еще забыла написать: мне сегодня исполнилось двадцать.

Желаю тебе самого большого счастья. Будь здоров и невредим. Пиши. Еще раз тебе горячий привет. Саламби Акрамова. 23 августа 1945 г.»

Коля тяжело вздохнул. Он долго сидел, глядя на письмо. «Кому теперь оно нужно? Кто будет радоваться этим нежным словам?»

Второе письмо Коля не открывал. Он помнит его и так: «...В боях за Родину погиб смертью храбрых... Похоронили мы его на вершине сопки. Его письма и карточки высылаю вам. Старший сержант Анатолий Алмазов. 2 сентября 1945 г.»

И вот уже в который раз Коля с болью вспомнил, как через несколько дней после гибели Валерия через станцию с Востока на Запад начали проходить воинские эшелоны: победители возвращались из Порт-Артура. Но среди них не было Валерия. Напрасно солдатская мать ждала своего сына.

МАТЬ И ДОЧЬ

Саламби молча сидела у стола и терпеливо слушала мать, которая лежала на печке.

— Благословение родителей дороже всего, говорили в старину. А старая пословица вовек не сломится, ее ни обойти, ни объехать. Не слушаете вы теперь старых людей, все норовите делать по-своему. Не надо было гордиться, что грамоту разумеешь, не надо было кичиться своим умом. Не послушалась меня. Говорила я тебе, не связывайся с чужим ребенком, не бери на себя такую обузу... Где это видано, чтобы девушка раньше времени стала матерью?

Трехлетний мальчик с кудряшками, Валерик, облокотился на колени Саламби и уставился на нее своими большими голубыми глазами. Он не знал, что говорит старушка на непонятном ему языке, но по голосу ее чувствовал, что она чем-то недовольна.

— Трех дочерей я вырастила, замуж выдала. Далеко дочери уехали, да что делать — не век вековать девке в отцовском доме. Ни одна не ославилась себя непослушанием, ни за одну я не краснела. В кого же это ты такая уродилась? — Охая и ахая, старушка повозилась на печи и умолкла.

Грустно шумели березы под окном, в окно барабанили крупные капли дождя.

— Мама, спать, — сказал Валерик по-русски.

Саламби начала разбирать постель.

— А-ах! Так и колет в бок, сил нет. И за что на меня напала такая хвороба? Не знаю, до какого еще горя доживу с тобой...

Обхватив пухлыми ручонками ножку стола, Валерик со страхом смотрел на ворчавшую бабушку.

— Иди бай-бай, — ласково позвала его Саламби. Но мальчик еще сильнее прижался к ножке стола и запла-

кал. Саламби взяла его на руки и уложила. Утомленный дорогой, ребенок тотчас же уснул.

Время приближалось к полуночи. Дождь перестал, ветер утих. Саламби все сидела около мальчика и слушала жалобы матери.

— Как ни уговаривала я тебя — не помогло. Тайком убежала ты в город, в институт этот... Вышла бы замуж, так никакой заботы не было бы. Федор из Эришказов несколько раз приезжал сватать. Он в институтах хоть и не учился, но сразу видно: умен, лишнего слова не скажет... А ты от ворот поворот ему указала. Теперь женился он на другой девушке, и живут они очень богато.

Саламби продолжала молчать. Пожалуй, во всей деревне нельзя было сыскать женщины строже ее матери: даже самые отчаянные мальчишки боялись залезать в ее огород. Никто из ее детей не смел ей перечить. Не будь мать сегодня больна, Саламби досталось бы куда больше. Она это знала.

— Не думаешь ты о нашем доме, о своей жизни, — корила ее мать. — Да и сама я виновата — давно надо было выдать тебя замуж, а я пожалела: молода, думаю, пусть еще поживет у матери. А она пожила: вильнула хвостом — да в город. А теперь вот дом наш обветшал. На крыше сарая полынь растет. Ох, горе мое, горе!..

Полежав минуту молча, старушка снова заговорила:

— А в позапрошлом году заезжал парень из Бурманказов. Чем плох был! Вся грудь в медалях. Раньше у нас, бедных девушек, монист столько не было. А парень-то какой! И умом и лицом пригож. Так ты и его по-хорошему не встретила: как приехал он, убежала в сад. Кого же теперь еще-то ждать?..

Саламби вспомнила того парня из Бурманказов. Это был действительно хороший парень. Но мало ли на свете хороших парней?

— Кого теперь ждать? — переспросила старушка. — Девичий век недолог. Близок будет потом локоть, да не укусишь. И не такие девушки стареют в отцовском доме. Вот примем кого-нибудь в дом, и живите себе на счастье.

— Не говори об этом, мама, — не вытерпела Саламби. — Никого мне не нужно. Буду растить Валерию. — И, накинув на плечи пальто, вышла.

Старуха долго лежала в раздумье. «Куда же ушла Саламби? — тревожилась она. — Как бы чего с собой не сделала, боже упаси!.. Все-то нынче пошло шиворот-навыворот. Раньше нас выдавали замуж, не спрашивая про любовь или согласие, а теперь...»

Старушка прислушалась: не в сенях ли дочь? В детстве Саламби пряталась за дверью, когда ее ругала мать. Да нет. Уходя, она закрыла дверь, и не слышно было, чтобы вернулась.

С трудом слезла она с печки и пошла в угол, к ведру с водой, чтобы напиться, но, не дойдя до ведра, свернула к спящему ребенку. Валерик лежал на спине, раскинув руки. Долго стояла она над ним. Как хотелось ей в свое время иметь сына! Да бог так и не услышал ее молитвы. Она осторожно поправила одеяло, перекрестила ребенка и прошептала:

— Слава богу, что мальчик.

*

Поникнув мокрыми ветвями, словно задумавшись, стояли перед домом березы.

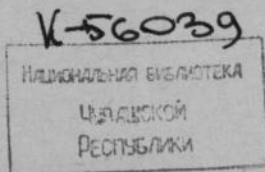
Саламби хотела уже возвратиться в избу, но, услышав знакомый смех, задержалась на ступеньках крыльца. Смеялась Маша. Они с Виктором возвращались с вечеринки домой.

Тяжело было Саламби именно в эту ночь видеть счастье других. Она спустилась с крыльца и пошла в сад, чтобы развеять одолевшие ее думы.

С веток яблонь, стоило их чуть задеть плечом, шумно падали крупные холодные капли. Девушка остановилась у старой, покосившейся бани. Вот под окошечком маленькая скамейка. Под ней Саламби в детстве хранила свои куклы. Давно это было...

Немного постояв, она пошла дальше, к одинокой яблоне, росшей у самой ограды. Днем отсюда видна вся деревня. Но сейчас трудно было что-либо различить. Только на верхней улице одиноко светилось окно. Саламби знала: это у Коли. Наверное, он не может оторваться от книги...

— Саламби, это ты? — послышался вдруг рядом девичий голос, и за оградой вырос темный силуэт.

— Лена? Как ты меня напугала! Куда собралась?
— Шла на ферму, да заприметила тебя. Поговорить надо.

— О чем? — устало произнесла Саламби.

Лена рассказала ей, что слышала от Маши и Даши.

Саламби готова была к подобным сплетням. Она равнодушно выслушала Лену. Та, заметив это, перевела разговор на другое.

— А с институтом ты теперь как: на время бросила или совсем?

— Может, и не бросила бы, да деваться некуда, — вздохнула Саламби. — Мама хворает, а присмотреть за ней, кроме меня, некому.

— А как же с учебой?

— До следующей осени мне, вероятно, придется забыть об институте. Но это ничего: поучусь пока дома, поработаю в колхозе, пройду практику.

— Да ведь здесь для тебя, пожалуй, не найдется подходящей работы. В клубе разве заведующей или в правлении учетчицей.

— А если на ферму телятницей? — спросила Саламби.

— Незавидное это дело, Саламби.

— Почему?

— Потому что прежнего порядка на ферме нет, и кормов вечно не хватает. Удои снизились, телята часто болеют. Шамбулкин ферму забросил, все хлопочет по своему хозяйству, собирается поставить себе новый дом. Да и Маша с Дашей под стать Шамбулкину: день прошел — и слава богу.

— Все равно буду работать на ферме — по этой части мне как раз и нужна практика, я ведь на зоотехническом. А трудности меня не пугают, — сказала Саламби. Но рассказ подруги обеспокоил ее.

Снова начал накрапывать дождь.

— Ну, я пойду, пока дождик опять не разошелся, — заторопилась Лена.

— Заходи, — пригласила ее Саламби. — Заходи домой. Посидим, поговорим.

— Обязательно зайду, — пообещала Лена и скрылась в ночной темноте.

Двое суток Лена пробыла на ферме. Она не могла в это время навестить Саламби, хотя и думала о ней, хотела ее видеть.

Все, от стариков до подростков, считали Саламби лучшей девушкой в селе — скромной, трудолюбивой, сердечной.

В чем же уступила ей она, Лена? — спрашивала себя девушка. Не занимать ей у Саламби ни красоты, ни трудолюбия. И все же парни больше тянулись почему-то к Саламби. Да, Саламби была для Лены опасной соперницей.

Но теперь она связала свою судьбу с ребенком, и первенство, несомненно, перешло к Лене. Правда, Саламби по-прежнему хороша собой, может, даже стала лучше, чем была прежде. Но она ведь не свободная девушка: у нее ребенок.

Ребенок... Говорят, что он приемный. Почему же Саламби не хотела в этом признаться там, в саду, когда Лена пробовала вызвать ее на откровенный разговор? А может быть, ребенок совсем и не приемный? Хотя и трудно верить Маше, но она уверяет, что ее сноха будто бы даже знает отца ребенка. И потом... Как это Саламби могла взять на воспитание чужого мальчика? После смерти ее отца живут они небогато. Она училась. Зачем было взваливать на свои плечи такую тяжесть? Что же связывает ее с этим мальчиком? Кто его отец?

Эти мысли не давали Лене покоя.

✱

— Лена, ты все еще не одета? — спросила ее мать, внося в избу охапку дров. — В клуб тебя звали. Отец давно ушел, даже ужина не дождался. Вот человек, — укоризненно покачала она головой, — хлебом его не корми, только бы собрание было.

— Не собрание сегодня, мама, а занятие кружка. Из Турикаса пришел садовод Саланов.

— Значит, это был он. Черномазый такой парень. Я видела, как он к Саламби заходил,

— Они вместе в институте учились.

Лена оделась, повертелась перед зеркалом и, сунув в карман пальто сложенную тетрадку, вышла из дому.

— Не гуляй поздно,— строго напомнила ей вдогонку мать.

Народ в клубе еще собирался. Отец Лены был уже здесь. Он покуривал свою трубку, пуская дым в печку. Парни столпились в одном углу и чему-то громко смеялись. Лена подсела к девушкам.

Маша и Даша, обе в белых чесанках, белых пуховых платках и черных кафтанах, весело переговаривались. Шамбулкин рассказывал что-то очень смешное.

Саламби и Саланов пришли в то время, когда народ уже заполнил клуб.

— Салам, Михайлова! — приветствовал Лену Саланов, пожимая ей руку. Он улыбнулся, обнажая белые, ровные зубы. В черных его глазах заиграли веселые искорки, лицо просветлело.

Вскоре началось занятие кружка. Саланов рассказал о своих опытах по садоводству. Говорил он ровным голосом, не заглядывая в блокнот, изредка приглаживая ладонью свои черные волосы и часто повторяя слово «значит».

Лена то и дело посматривала в сторону Саламби, одетую в летнее черное пальто и повязанную красным с цветами платком. Сложив руки на коленях, она внимательно слушала Саланова. Брови ее сходились, когда девушки за спиной что-то говорили о ней шепотом.

Колхозники начали задавать лектору вопросы. Больше всех старался отец Лены.

Когда занятие кончилось и Саланов ушел, Виктор вынул из-под лавки гармонь, заиграл плясовую. Но никто не тронулся с места.

— Придется, пожалуй, мне первому начать, у меня нога легкая,— сказал Павел и вышел в круг. Всегда шумный, он в танце как бы перевоплощался: будто не танцует парень, а идет по пуховой постельке, его тяжелые солдатские сапоги лишь на крутых поворотах издают чуть слышный шорох. Легко пляшет Павел, но почему-то идет вперед боком, словно против сильного ветра.

Вдоволь натешившись, он начал поочередно выводить девушек на середину круга. Очередь дошла до Маши. Она было нырнула в толпу, но Павел успел схватить ее за руку и водворил в круг.

— Пляши, пляши,— одобряюще крикнул Виктор и круто рванул мехи гармони. Девушки принялись хлопать в ладоши в такт музыке.

— Я не умею плясать «барыню», сыграй мне чувашскую «линьку-линьку»,— попросила Маша. Виктора даже в пот бросило: ведь знает, проклятая девка, что он научился играть пока только сормовские припевки да «барыню».

На выручку позвали Колю. Тот охотно взял гармонь, поудобнее устроился на стуле и заиграл «линьку-линьку».

Маша тронулась, будто тяжелый воз, и постепенно начала набирать скорость. А потом как принялась выделывать разные фигуры — только держись! И откуда у нее такая прыть взялась?

— Впрямь, как в поговорке: «Зарекалась кума от пирогов, да пирогов и объелась»,— весело заметил Павел. А Маша все гнула и гнула половицы, ни на кого не глядя. Давно устал гармонист, давно сердито хмурился Виктор, усмехались парни и девушки, а Маша все еще плясала. Она опомнилась лишь тогда, когда прозвучал отбой. Зрители дружно и громко захлопали в ладоши.

«Попробуй потягаться со мной, краля!»—сердито подумала плясунья, глянув на хлопавшую в ладоши Лену, подошла к ней и вызывающе топнула возле ее ног, приглашая девушку в круг.

Лена не заставила себя ждать. Она танцевала весело, бойко, по-мужски выбивая дробь, потом ей захотелось вызвать в круг Саламби. «А может ли Саламби теперь танцевать среди девушек? — мысленно спросила она себя. И тут же решил: конечно, может, что за вопрос?»—передала «эстафету» подруге.

Все притихли. Коля старался из последних сил. Лена заметила это, взглянула на гармониста, и тот заволновался, покраснел. «Как он любит ее, бедняжка»,— подумала она.

Вдруг произошло что-то неладное: Саламби, слегка

притопнув для вида, сразу пригласила в круг Дашу. Та спряталась за подругу. Тогда Маша потащила ее к двери, и они вместе скрылись. Никто не догадался их остановить.

Саламби растерялась. Она нервно потерла кулаком бровь и вышла из круга.

Павел, желая сгладить неприятное впечатление от происшедшего, вылетел на середину и начал всех смешить скоморошным танцем.

Но тут ушла Саламби. Коля перестал играть.

— Ты что? — спросил его Павел. — А-а, устал! Тогда отдай гармонь Виктору.

Виктор заиграл. Однако никто уже не хотел танцевать.

*

Лена вернулась домой, чтобы переодеться и пойти на ферму. Дома не спали. Отец сидел за столом и рассказывал о лекции Саланова: он всегда отчитывался перед своей супругой во всем, что видел или слышал на собрании. Увлечшись рассказом, он не заметил, что дочь пришла невеселая. Обратила на это внимание мать. Но она решила: расспрошу завтра.

А у Лены не выходила из головы Саламби. «О чем она думала, когда одна стояла в середине круга? Что она делает сейчас дома: спит или плачет горькими слезами?»

*

В следующий вечер, придя с фермы домой и вспомнив о приглашении Саламби, Лена торопливо поужинала, переоделась и собралась идти к ней.

— Не гуляй поздно, а то неровен час... — не забыла и на этот раз предупредить ее мать. Отец же, взглянув на дочь поверх очков, снова погрузился в чтение газеты.

Саламби тем временем искупала и уложила спать Валерика. Матери в этот день было немного полегче, и она спокойно уснула на печке.

Помыв себе голову, Саламби села перед зеркалом

причесываться. Тогда-то послышался стук в дверь, и вошла Лена.

— Заходи, Леночка, я жду тебя.

«Какая она красивая!» — подумала Лена, посмотрев на Саламби, на ее пышные, рассыпавшиеся по плечам волосы.

Девушка стала заплетать косу.

— Сделай две косы, Саламби, и завяжи вокруг головы коронкой, тебе это очень идет, — искренне посоветовала Лена.

Саламби согласилась.

— У тебя много учебников, — посмотрев на этажерку, заметила Лена. Раскрыв первую же книгу и увидев на ней надпись «Саланов», спросила:

— Это книга Саланова?

— Да. Мы же с ним вместе учились. Я часто пользуюсь его книгами.

Из книги неожиданно выпала фотокарточка.

— Что это за парень, такой серьезный и грустный?

— Молодой композитор Анатолий Алмазов, — ответила Саламби. — Учится в Казанской консерватории. Помнишь, его песня была напечатана в журнале?

— А как ты с ним познакомилась?

— Совсем случайно. Он фронтовой друг Валерия, они вместе воевали. А познакомил меня с ним Саланов.

Проснулся Валерик и скинул с себя одеяло. Саламби любовно укрыла ребенка, и он снова уснул.

«Кто же его отец? — мучительно думала Лена. — Неужели Валерий? По словам Маши, Саламби встречалась с ним на станции. Но ребенок не похож на Валерия. Неужели этот композитор? Не могла же она взять в дом совершенно чужого ребенка».

— Отец кто, студент? — указывая на Валерика, не выдержала Лена.

— И сама не знаю, — ответила Саламби, потирая бровь.

— Ты прости меня, Саламби, — в голосе Лены слышались нотки обиды. — Я не верила и не верю клевете, но твоя замкнутость... Как будто бы не доверяешь мне.

— Понимаю,— душевно проговорила Саламби.—
Пойдем в ту комнату, здесь мы можем их разбудить.

...Уже второй раз пропели петухи, а девушки все еще сидели за столиком: так долго рассказывала Саламби о своей жизни в городе, о годах учебы в институте. Она собиралась рассказать подруге только о маленьком Валерике, но начала издалека, и сами собой в памяти всплывали подробности студенческой жизни.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«САЛАМБИ — ПРИВЕТЛИВОЕ ИМЯ»

... 1945 год. Осень. На каждом шагу чувствуется, что совсем недавно отгремела война.

В городе, как и в деревне, большинство мужчин ходит в армейских шинелях. Немало их, в шинелях, и среди студентов. В институт ходят не с портфелями, как раньше, до войны, а с полевыми сумками. И студенческая среда изменилась: в одной аудитории сидят рядом только что окончивший среднюю школу юнец и демобилизованный, возмужавший в

боях воин. До войны местные студенты разговаривали только на русском и чувашском языках, теперь же можно было услышать немало других языков и наречий: в городе осталось много людей, эвакуированных с западных областей страны.

Саламби поселилась в маленьком деревянном домике на окраине города у одной старушки. Там жили еще две студентки: Нина Соловьева из сельскохозяйственного института и Нина Петрова — из педагогического. Соловьева недавно демобилизовалась из армии. Рослая, статная и крепко сложенная, она ходила, как солдат, высоко держа голову с коротко стриженными каштановыми волосами. У нее было открытое, волевое лицо. Петрова — миниатюрная, светловолосая девушка с двумя косичками, очень стеснительная; она легко краснела, говорила тихо, при посторонних держалась незаметно. Здесь, на квартире, ее шутя прозвали Маленькой Ниной, в отличие от Большой Нины.

Хозяйка дома — Анна Ивановна, женщина лет шестидесяти, полная, круглая, добрая и веселая; она никогда ни с кем не ругалась, ни на что не жаловалась, быстро сходилась с людьми, всегда держала на квартире студентов, дружила с ними, тепло вспоминала тех, которые жили у нее прежде. Трудно было определить ее национальность: то ли русская, то ли чувашка, то ли татарка, на всех трех языках она говорила одинаково свободно. У нее никогда не было ни семьи, ни детей. Потому, видимо, она так привязывалась к студентам и относилась к ним, как к родным, жила их нуждами и интересами. Но ведь и на солнце есть пятна. Премилая Анна Ивановна тоже имела малюсенькое пятнышко, как шутил частый гость в этом доме, однокурсник Большой Нины Петя Казаков. Днем ли, ночью — Анна Ивановна вечно возилась на кухне: что-то варила, жарила, парила, постоянно ела и пила. Молодежь прозвала ее Анна-Ванн¹.

На этой веселой квартире всем дали прозвище. Исключение составила одна Саламби. Казаков сказал примерно так: «У нее, мол, имя не христианское, а языческое, и потому в наказание за вероотступничество не

¹ Каламбур, безобидная чувашская идиома: Анна — спустилась, Иаванна — свалилась.

дадим ей никакого прозвища, пусть себе ходит с именем, данным ей Киреметем»¹.

Квартира Анны Ивановны состояла из двух комнат. В передней жили студенты, а во второй, служившей и кухней, обитала сама хозяйка. Оттуда постоянно слышались шипение пара, треск горящих дров, звон посуды; оттуда валил дым, доносились запахи чеснока, подгоревшего лука, жарящейся картошки.

Саламби быстро освоилась с городской жизнью, привыкла к очередям и уличной беготне. Она познакомилась со многими студентами, но по-прежнему оставалась застенчивой, робкой. «Уж больно ты стыдлива,— упрекала ее Большая Нина.— Маленькая Нина и та смелее тебя». Саламби обычно улыбнется в ответ и ничего не скажет. С тех пор как узнала о гибели Валерия, она стала молчаливой, замкнутой.

Как-то в воскресный день Саламби одна осталась в комнате и читала: обе Нины пошли по магазинам.

— Здрате, Анна-Ванна! — раздался в коридоре звонкий девичий голос.

Саламби вздрогнула, как ученик, заслушавшийся учителя, вздрагивает от неожиданного звонка.

— Видать, свекровушка у тебя будет добрая: ты как раз к обеду пришла,— услышала она затем Анну Ивановну.— Иди суп хлебать.

Потом забарабанили пальцами в дверь.

— Войдите,— сказала Саламби и, стыдясь своей поношенной серой кофты, набросила на плечи пуховый платок.

В комнату, как вихрь, ворвалась Муза. Она бросилась к Саламби, обняла ее, обдав запахом дорогих духов.

— Фу! У вас опять дыма полно! — заверещала гостя.— Когда же ваша хозяйка перестанет топить плиту? И в выходной день читаешь? Как тебе не надоест, Саламби? Какой роман? Можно заглянуть? Фу! «Организация школьного сада». И тебе, девушке, не скучно заниматься такими вещами?

Муза закрыла книгу и швырнула ее на полку.

¹ Языческий бог у чувшей.

— Мы сегодня в институтском саду сажаем деревья, проводим неделю сада,— пыталась объяснить ей Саламби.

— Неделя сада! — девушка презрительно повела плечами.— В прошлом году этим занимались студенты пединститута. И все их яблони погибли от морозов. Вот чем она кончилась, неделя сада.

Муза подошла к зеркалу и стала прихорашиваться. Она была гибка, как волжская ива. Синее драповое пальто ловко обхватывало ее фигуру. Стройные ноги в дорогих чулках были обуты в лакированные туфли на высоких каблуках. Заметив эти туфли, Саламби спрятала под скамейку свои стоптанные сапоги.

Муза, любуясь собой, вертелась у зеркала. Саламби взглянула на нее и подумала: «Недаром сказано, что красавице зеркало вместо иконы».

Да, Муза красива. Ее овальное лицо бледновато от пудры и нежно от крема; синие глаза напоминают лепестки расцветающего льна; иссиня-черной краской подведены тонкие брови; ровно подстриженные длинные ресницы загнуты кверху; короткие кудри с рыжеватым оттенком напоминают золотую березу в осенний солнечный день.

Еще в первую с ней встречу Саламби силилась вспомнить, где и когда она видела точно такую же красавицу. Теперь вспомнила: в детстве, на конфетных бумажках.

— Саламби,—сказала Муза голосом обиженного ребенка,— до чего пышны у тебя волосы! Никогда не вздумай завиваться. Я от этой завивки года через два совсем без волос останусь. Выпадают. А знаешь, какая у меня была пышная коса! Распушу по плечам — словно пшеничный сноп. Я тебе не рассказывала одну забавную историю, связанную с моей косой?

— Нет.

Муза засмеялась и, расхаживая по комнате, начала рассказывать.

— Ты знаешь, я ведь тоже из деревни,— говорила она.— Наша деревня недалеко от железнодорожной станции. Мы, девчата, в свободное время выходили на перрон к поездам, продавали пассажирам ягоды. Это было в войну. На станцию прибыл воинский эшелон с Востока. Перрон сразу заполнили солдаты. Я стояла в стороне. Подбегает ко мне один молоденький солдатик и поку-

пает стакан земляники. Купил — уходи. Но солдатик не уходит. «Дайте, сестренка, еще стаканчик, у вас необыкновенная земляника». Я ему еще стаканчик. Солдатик, все ни с места, глаз с меня не сводит. «Уезжаем на фронт, там ведь не до ягод будет». Я-то знаю, какие ему ягоды нужны, все же говорю: «Что ж, возьмите еще». — «Денег нет, сестренка», — отвечает. Я ему целый пакетик ягод отдаю бесплатно — не берет. «Так не возьму, вам тоже деньги нужны на учебники, учитесь, наверное, да?» Слово за слово — завязалась беседа. Я все рассказываю о себе и, шутя, по его просьбе адрес свой дала. Солдат был такой симпатичный, подтянутый, опрятный, а на погоне у него одна желтая полоса. Солдат-то не простой, думаю. «Простите, вы командир?» — спрашиваю у него. «Ефрейтор», — отвечает он. Для меня тогда лейтенант или ефрейтор — было все равно. Только кивнула головой, будто поняла, что он командир.

«По вагонам!» — крикнули в это время. Поезд тронулся, а мой ефрейтор все ни с места. Я даже смутилась почему-то. «Отстанете от поезда!» — говорю. Он осмелел, улыбается. «Можно ли потрогать вашу косу? Я такой косы на нашем Алтае не встречал». А поезд шел все быстрее. Ефрейтор вдруг взял мою косу и поцеловал. Я обмерла от стыда и страха. А он побежал за поездом, успел вскочить на подножку последнего вагона. И все махал мне пилоткой, пока поезд не скрылся за поворотом. Я тоже помахала ему платком. Смешно! Потом гляжу: пакетик-то с ягодами у меня остался, я совсем забыла его передать пареньку.

Муза засмеялась. А Саламби вспомнила, как она провожала Валерия, и глаза ее заволокли слезы.

Саламби отвернулась, подошла к окошку.

— Потом я этого ефрейтора во сне несколько раз видела, правда, — не обращая на нее внимания, продолжала Муза. — Через месяц письмо от него пришло. Эх, знала бы ты, какая радость получить письмо с фронта, от близкого человека! Какое это счастье, правда?

Саламби смотрела в окошко и думала: «Неужели и ты, Муза, радовалась, как я? Любила, как я?»

— А потом что случилось, не помню. То ли я ему не ответила вовремя (не люблю отвечать на письма, а

получать страшно люблю), то ли он погиб—в общем, прервалась наша переписка. Так ничем и кончилась моя первая любовь. Потом я сдуру и косу свою отрезала; приехала в город и отрезала. Завивку сделала. Пропали мои густые волосы. Теперь боюсь, как бы не остаться лысой. Я уже сейчас стесняюсь ходить без косыночки. А кому нужна безволосая девушка? Говорят, что раньше у нас безволосыми ходили только гулящие девки, или те, которые детей до замужества наживали. Их стригли.

Муза тут же игриво запела:

Ты смотри, никому не рассказывай,
Что душа лишь тобою полна...

Она не допела, послышался легкий стук в дверь.

— Можно!—недовольным тоном крикнула Муза, которой помешали любоваться своим голосом.

Тогда в комнату вошел незнакомый Саламби, безупречно одетый молодой человек—настоящий джентльмен, как сказала потом Муза. Встретишься-де с таким раз, а потом три раза его во сне увидишь.

Он был в синем макинтоше, черной шляпе, белых перчатках и зеленом кашне.

— Здравсте! — улыбнулся незнакомец, показывая золотой зуб, и слегка поклонился девушкам. Потом он тенорком спросил о Нине Соловьевой. Они, оказывается, односельчане, и он привез письмо от ее родителей. Молодой человек положил на стол треугольником сложенный конверт.

Девушки попросили его присесть. Он кивком головы поблагодарил их, аккуратно сдернул перчатки, но не присел.

Муза оживилась.

— Вы из одной с Ниной деревни? Ой, как я рада! Будем знакомы. Подруга Нины, Муза Любимова.

Девушка протянула парню свою маленькую ручку с крашеными ногтями.

— Леон Вирьялов,—отрекомендовался тот и пожал руку Музе.

Словно росинка на синих лепестках расцветающего льна, засверкали ее глаза.

— Вирьялов? Что-то знакомая фамилия. Вы случайно не учились в Казанском университете?

— Учился, как помнится... Вы тоже там учились?

— Нет, там училась моя племянница, она вспоминала какого-то Вирьялова,— сказала нехотя Муза и тут же перевела разговор на другое.

— Познакомьтесь, пожалуйста. Это моя лучшая подруга — Саламби Акрамова.

Саламби нехотя протянула ему руку. Вначале, увидев белые, нежные руки парня, она было постеснялась своих огрубевших от работы рук, но тут же вспомнила слова матери: «Белые ручки чужие труды любят».

— Саламби? Какое красивое имя! Старинное, приветливое.

— Вы поэт! — польстила ему Муза.

— Не скрываю, грешу этим малость,— признался Вирьялов, повернувшись к ней.— Но работа у меня не очень-то поэтичная: я деревенский учитель, ботаник, или биолог, как хотите. Проза жизни, одним словом.

Из коридора донесся голос:

— Почему дверь не закрываете, дыму напустите! — и у порога появилась грузная фигура Анны Ивановны. Хозяйка, заметив незнакомого парня, поспешила скрыться на кухне, но Вирьялов успел разглядеть и дымящуюся ложку с кашей в ее руке и засаленный черный фартук. У парня чуть заметно шевельнулись краешки губ:

— Кто это у вас?

Муза покраснела:

— Сварливая старуха, хозяйка дома. Анной-Ванной зовем.

Саламби возразила:

— Очень хорошая женщина.

Потом все приумолкли. Пришедший почувствовал какую-то неловкость и поспешил откланяться. Он надел шляпу, поправил кашне.

— Простите, меня ждут на улице товарищи. Жалею, что приходится так быстро расставаться с вами. Простите, пожалуйста, прощанье. Надеюсь, еще встретимся. Ауф-видерзеен!

— Счастливо!

— До свидания!

Как только за Вирьяловым закрылась дверь, из кухни послышался голос Анны Ивановны:

— Что же не посидели с моими девушками? Может, покушаете с нами? У нас сегодня овсяная каша. Доктора говорят, очень питательная...

Муза ударила кулачком по столу.

— Ох, эта старушка! Вечно позорит нас перед людьми! Дыму напустила, с кухни несет, фу! Вечно ест, как беззобая утка. Обручи на нее надо надеть, чтобы не лопнула от объедения!

Гнев тут же сменился восторгом:

— Ой, Саламби, какие есть кавалеры, а? Культура... образование... поэт! А ты ни разу не улыбнулась даже.

Муза взглянула на себя в зеркало и расстроилась:

— Ой, мамочки! Ой, стыд! Гляди-ка, Саламби, до чего растрепались у меня сзади волосы. Как же ты не предупредила меня?

— Я и не заметила,— сказала Саламби, впервые улыбнувшись.

В коридоре слышались голоса, смех.

— И-и-и, детки мои пришли! Идите чай пить, чай кирпичный! — радовалась Анна Ивановна.

Появились две Нины и Петя Казаков.

— Салам, Саламби! — сказал парень, ставя в угол свою палочку. Затем он поклонился Музе.— О, Муза!.. Любимова, конечно. Как говорил поэт: всегда томительно волнуют кровь неразделимые Муза и Любовь.

Казаков — русский, был ранен на фронте в ногу, поэтому и ходил с палочкой. Он говорил по-чувашски, любил побалагурить и этим напоминал Павла Шамбулкина.

— Стоп, девушки! Письмо! Маленькая Нина, пляши: тебе письмо от жениха! — воскликнул он, обнаружив на столе письмо, оставленное Вирьяловым.

Петрова покраснела, как маков цвет, немного потопталась на месте и потянулась за письмом. Но парень заставил ее проплясать всю пляску.

— Спасибо, хорошо пляшешь,— Казаков уже протянул ей письмо, но спохватился и, как бы неожиданно для себя обнаружил, что оно адресовано не ей, а Большой Нине.— Вот адрес, прочти, если не веришь. Стоп! Девушки, конверт заклеен тестом. Теста хватит на крендель. К тому же письмо без марки. Если каждый кавалер будет писать доплатные письма, куда же деться бедной студентке? На конверте нет никаких штемпелей. Таин-

ственно... Анна-Ванна скажите, пожалуйста, кто принес сие послание?

Муза подмигнула Саламби, чтобы та не говорила.

Анна Ивановна ввалилась в комнату, словно шестипудовый мучной куль. В руках у нее был стакан горячего крепкого чая. Медленно отпивая его, она восторженно произнесла:

— Ах, Ниночки мои. Был у нас сегодня жених! Ну, прямо пальчики оближешь, объедение.

— А я что, похуже? Уж не стыдите меня перед девушками, Анна-Ванна,— притворно взмолился Казаков.

— Ну-у, сравнил! То не парень, а, можно сказать, луна и солнце.

— Это как же вас понять, Анна-Ванна.

— Так мы, чуваши, говорим о красивых: на одной щеке луна, а на другой солнце. Глянула я на него, девочки мои, и обмерла. Слово сама помолодела лет на пятьдесят. Вот, думаю, жених-то для Маленькой Нины!

Анна Ивановна так затряслась от смеха, что задрезжали стекла. А Петрова от смущения спряталась за Саламби.

— Стоит, значит, он между двумя девушками, на обеих глядит. Ах, боже мой! — не унималась Анна Ивановна.

— Как буриданов осел,— попытался унять ее пыл Казаков.

— Какой там еще осел?

— Был такой осел, который стоял меж двух охапок сена и не знал, с которой начать.

Все покатались со смеху.

— Ты-то за словом в карман не полезешь,— сказала Анна Ивановна.— Но постой-ка, доскажу. Стоит он между двумя красавицами и мучается: какую из них полюбить? Одна другой краше. И будешь мучиться. Ты вот, Петя, говоришь: бурданов осел. А сам-то можешь ответить, какую полюбил бы?

— Я обеих люблю, да третья у меня есть, которая меня поедом ест за такие штучки,— не растерялся Казаков.

Вместе со всеми от души смеялась даже строгая Нина.

— А скажи-ка мне, Петенька, ты не видишь ника-

кой разницы между Музой и Саламби? — спросила серьезно старушка. Стакан с чаем застыл у нее в руке.

— Разница между ними есть, и большая, — ответил он, подумав. — Муза — весенний радостный день, а Саламби — осенний печальный день.

Анна Ивановна уточнила:

— Весна-то красна, но больно пуста, а осень добром полна, богата.

— Вы, Анна-Ванна, поэт! — шутил Казаков. — Вы, видать, обожаете осень, как сам Пушкин.

— С вами тут проговорила, — засуетилась хозяйка, — а у меня, наверное, кисель подгорел. Гороховый кисель, деточки. Зайдите, угощу.

— Кто принес это письмо? — спросила Нина Большая у Саламби, когда вышла Анна Ивановна.

— Какой-то Леон Вирьялов.

— А-а, Левен, — сказала Нина, открывая конверт.

— А вы, Муза, не участвуете в неделе сада? Или студенты пединститута не любят яблок? — спросил вдруг Казаков.

— Я сюда затем и пришла, — как ни в чем не бывало ответила Муза. — Я ждала Маленькую Нину. Вместе с ней и пойдем. Странно, зачем вы меня об этом спрашиваете в таком тоне?

— Простите, я было подумал, что вы собирались в филармонию на танцульки. На таких каблуках в саду неудобно будет работать, можете свихнуть свои прелестные ножки.

— У меня нет сапог.

— Возьми мои, — предложила Нина Большая.

— Правда?

— Вот! — Казаков мгновенно вытащил из-под скамейки большие кирзовые сапоги.

— А я не подниму их, — испугалась, увидев сапоги, Муза. — И ноги в них свихнуть легче, чем в моих туфлях.

— Не свихнешь! — резко произнесла Нина. — Я в них пол-Европы пешком прошла, и ничего с моими ногами не случилось.

Саламби выручила Музу, отвлекла внимание от сапог.

— Кто там у вас руководит посадками? — спросила она Маленькую Нину.

— Кажется, Саланов, из сельхозинститута, — ответила та.

— Какой Саланов?

— Не знаю. Петя, наверное, знает.

— Семен Саланов — это наш студент третьего курса, отличник, — откликнулся Казаков.

— Не он ли до войны в институтском саду виноград выращивал? — спросила Саламби. — В нашем селе, кажется, был Семен Саланов?

— Да, — подтвердила Нина Большая. — Он из нашей деревни. Толковый парень. Кое-каких известных садоводов за пояс заткнет. И отец у него садовод. Они прекрасный колхозный сад вырастили, другого такого во всем районе не найдешь. Талантливый парень! Был ранен на войне...

Муза артистически всплеснула руками:

— Какие замечательные парни у вас в деревне: новаторы, ученые, поэты!

— О, Муза! — в тон ей произнес Казаков. — Вам бы туда... к поэтам!

Муза слегка растерялась: она не знала, обижаться ей или смеяться.

Анна Ивановна позвала всех отведать ее киселя:

— Врачи хвалят, очень питательная пища.

Но молодежь очень торопилась на работу.

*

Саламби вместе со всеми трудилась в саду института: рыла ямы для саженцев. Болела поясница, на руках появились мозоли. И все-таки было приятно, что ты делаешь нужное, полезное дело.

В минуты отдыха Большая Нина вспомнила:

— А знаешь, Саламби, ведь Семен Саланов приехал из Порт-Артура. Он хотел повидаться с тобой.

— Правда? — заволновалась Саламби.

«Если он вернулся из Порт-Артура — значит, должен знать о Валерии. Иначе о чем хотел бы поговорить со мной?» — подумала она.

Когда кончилась работа, Саламби сказала Большой Нине:

— Вы идите с Петей домой, а я загляну в сад пединститута.

Маленькая Нина была еще здесь, в своем институтском саду.

— Ну, как работали? Руки не болят? — спросила ее Саламби.

— Чего им болеть. А вот Муза... «Не хочу, говорит, маникюр портить». Посылаем ее по воду — приносит полведра: «Не хочу, говорит, из-за ваших яблонь фигуру себе портить». Талия-то у нее, как у осы. Нагибаться не может, словно аршин проглотила. Ну и смеялись же над ней!

— Где она?

— После обеда убежала домой. — Нина беззвучно засмеялась. — Лень раньше ее родилась.

— И Саланов ушел? — с тревогой спросила Саламби.

— Саланов? Нет, он здесь. Вон его шинель на дереве висит. Он спустился к речке руки помыть. Вот Саланов здорово работает! Пока мы успевали одну яму вырыть, он две выроет. Сильный, как Улып¹. Только Музе он не понравился. «Фу, какой черномазый, скуластый, словно из цыганского табора», — сказала она о нем. Черномазый, да хорош. Так ведь у вас поют? — многозначительно улыбнулась Нина. — А, кстати, почему ты им интересуешься?

Не успела Саламби ответить, как к ним подошел парень среднего роста, черноволосый, смуглый, с живыми черными глазами, в гимнастерке и в кирзовых сапогах.

— Простите, я к вам, — обратилась к нему Саламби.

Нина отошла в сторонку.

— К вашим услугам, Семен Саланов.

— Саламби Акрамова.

— Саламби? Очень рад. Я давно слышал о вас и давно ждал этой встречи. Кажется, мы земляки?

— Я из Анаткаса. Учусь на первом курсе зоотехнического отделения. Где и от кого вы могли обо мне услышать?

Ее волнение передалось ему.

— Я услышал о вас в Маньчжурии, — ответил он, глядя ей прямо в глаза.

¹ Сказочный богатырь.

— Не от Семенова Валерия?

Губы ее задрожали.

Саланов повел плечами.

— Нет. Я не знаю его и никогда не встречал. Слышал, правда, о нем. Он, кажется, тоже из Анаткаса?

— Да,—ответила Саламби.—От кого же вы обо мне слышали?

— От одного солдата. Мы с ним вместе возвращались из Порт-Артура. Чуваши он, нездешний, из южного района.

— А как его звали?

— Алмазов. Анатолий Алмазов.

Саламби вздрогнула. Это был тот самый музыкант, о котором писал ей Валерий и которого она приглашала в гости.

— Алмазов! Может быть, вы знаете его адрес?

— К сожалению, не знаю. Но он живет, должно быть, в этом городе. Он, кажется, собирался поступить в музыкальное училище. Если он здесь, то я обязательно разыщу его.

— Ради бога! — взмолилась Саламби.— Я была бы очень вам благодарна!

— Он и сам желал видеть вас и мать Валерия,—сказал Саланов, обрадовавшись, что перед ним сейчас стоит та самая девушка, о которой так много рассказывал ему Алмазов.— Он, вероятно, еще не успел устроиться здесь. Мы ведь совсем недавно вернулись из армии.

В этот день Саламби больше ничего не удалось узнать об Алмазове.

*

К Октябрьскому празднику погода испортилась: день и ночь моросило, землю заволокло туманом.

Рано утром Анна Ивановна разбудила девушек: девушки собирались съездить домой за продуктами.

Саламби и Большая Нина решили ехать вместе — они ведь землячки. Вещи сложили в один чемодан. Тащил его Казаков; он проводил девушек за город. Здесь они рассчитывали сесть на попутную машину.

— Довольно, Петя, спасибо! — сказала Саламби.

— Готов идти с вами хоть на край света,—шутил Казаков.— Как это я проживу здесь без вас двое су-

ток? — он метнул лукаво-строгий взгляд на Соловьеву. — Смотри там, Нина, у своих парней не тово... Да не забудьте привезти мне орехов, а Anne-Ванне шыртан¹.

Попутных машин, как на зло, не было. Пришлось идти пешком.

Километров через пять девушки свернули уже на размытую проселочную дорогу.

— Когда я иду полем в такую скверную погоду, то мне всегда вспоминаются фронтовые дороги, — сказала Нина. — Смотри, сколько грязи прилипло к моим гвардейским сапогам. Тебе, быть может, не приходилось еще видеть такой грязи?

— И не такую видела, когда картофель на крахмальный завод возила. Дождь, грязь... Пешком идти еще ничего. А вот возиться с нагруженной телегой! Измажешься вся. Да, в войну здесь было не сладко. Рабочих рук не хватало, женщины да подростки и пахали и сеяли.

— Знаю, что было нелегко...

Несколько минут они шли молча. Каждая думала о своем. Первой заговорила Большая Нина.

— А ты знаешь, Саламби, что раньше девушки хоть в какую грязь старались не пачкать своих разукрашенных лаптей. Я была тогда еще маленькой, но старшая сестра мне про это рассказывала. Базар от нас в семи километрах, а каждый базар был ярмаркой невест. Попробуй девушка появиться там в грязных лаптях! Сестра говорила: «До базара идем в старых лаптях, а там, за гумнами, надеваем новые». — Вот как было...

Многое успели вспомнить подруги, о многом переговорить: о своем детстве и о военных годах, о девичьей своей жизни, об институте. В конце концов они до того выбились из сил, что не могли уже не только двигать ногами, но и ворочать языками. Дождь усилился. На девушках не осталось ни одной сухой нитки. Благо на обочинах дороги встречались деревья, под которыми можно было хоть немного передохнуть.

— Дерево на дороге — пол-избы, — шутила Нина. — Хоть изба эта покрыта дождем и обнесена ветром, все же не каждая капля тебе на голову попадет.

¹ Чувашская колбаса.

В одной деревне, которую они проходили, удалось подсушиться. Торватая хозяйка угостила их праздничным пивом и хотела было попотчевать пирогами, но девушки постеснялись взрослого сына хозяйки и быстро отправились в путь.

Километров десять они проехали на попутной подводе. А потом у Петушиного лога расстались: Нине надо было идти дальше. Как ни приглашала ее Саламби к себе в гости, она не согласилась.

— Не обижайся, Саламби. Зайду на обратном пути. А сейчас меня ждут дома.

— Ну, счастливо дойти, Нина!

У Петушиного лога взору открывалась деревня Саламби. Но сейчас за туманом и густой сеткой дождя ее не было видно. Только вступив в деревню, Саламби наконец-то разглядела знакомые силуэты домов, ветряной мельницы, старых ветел. Девушка от радости забыла и голод и усталость.

Как хорошо явиться в родные места даже после короткой разлуки с ними!

*

Матери не было дома. Она, вероятно, пошла в гости к соседям. В жарко натопленной комнате Саламби еще сильнее почувствовала усталость. Девушка умылась, наспех поужинала и с книгой улеглась на кровать.

С улицы доносились голоса подгулявших односельчан. Вот совсем близко раздались звуки гармонии и притихли у самого дома. Девушка привстала, прислушалась: «Неужели к нам? Но ведь никто не заметил моего прихода». Она прошла в другую комнату и, не зажигая огня, выглянула в окно.

На дороге напротив дома остановились трое: долговязый Павел Шамбулкин, приземистый Виктор Мурзаев и Коля Семенов с гармонью.

Гармонь эту привез из армии Виктор. Звук у нее был такой сильный, что на свадьбе или ярмарке ее легко можно было отличить от других гармоней. Она звучала на всю деревню. «Я не отдам ее и за два пианино», — хвастался хозяин.

Каким бы добрым ни был Виктор, а когда дело касалось гармонии, — черствее черствого становилось его серд-

це. Он никому не давал даже подержать свой инструмент, разве только Коле, которого ценил как хорошего музыканта. Да и его каждый раз предупреждал: «Смотри, не растягивай сильно, планочки отлетят».

А тот готов был всю ночь ходить за Виктором, чтобы хоть немного поиграть на его волшебной гармонии. Коля знал семьдесят семь¹ музыкальных произведений! Втайне Виктор мечтал научиться играть, как Коля. Но не так-то легко было это осуществить. С грехом пополам ему удалось разучить только две вещи: «Сормовскую» и «Барыню».

Всегда, проходя мимо Машиного дома, Виктор брал гармонию в свои руки и растягивал ее чуть ли не во всю ширину улицы. Вот и сейчас он нажимал на басы что было мочи.

«Пошли к Маше на вечеринку,— догадалась Саламби, и ей вдруг самой захотелось пойти туда: там веселье, песни, танцы.— Нет, что время терять попусту, надо отдохнуть с дороги, завтра опять в путь». Она снова прилегла с книгой. Но не успела прочесть и полутора страниц, как заснула крепким сном. Мать еле разбудила ее утром.

— Вставай, доченька, поешь горячих блинчиков! Глянь на улицу: пока ты спала, зима настала.

Саламби посмотрела в окно и ахнула: березы перед домом, крыши, заборы, дорога, поле — все было покрыто снегом.

— Ах, как красиво! — по-детски всплеснула она от радости руками.

— Красиво, да ненадолго,— заметила мать.— Пригреет солнышко, и станет хуже вчерашнего. Хотела лошадь запрячь, проводить тебя до шоссе. Да как в такую погоду запрягать? Не потянет ни сани, ни телегу. Должны были приехать твои сестры, не приехали,— наверное, погоды испугались. И ты, доченька, подождала бы санного пути. Вон и сапожки-то твои развалились. В чем пойдешь?

— Белые чесанки с галошами надену,— ответила Саламби.— Как бы там ни было, мама, к завтрашнему утру мне нужно попасть в город.

¹ Синоним множества у чувашей.

— Душа твоя, вижу, совсем в институт переселилась. А мне одной какво? Хозяйство вести — не лапти плести. Сколько тебе приходится выносить из-за этого института!

— Я, мама, готова все вынести, лишь бы его окончить. А не окончу, тогда лучше в деревне не показываться. Засмеют.

— Я-то против учения ничего не говорю, — смягчилась мать. — Раз поехала — надо учиться. Неученый человек, хотя и зрячий, все равно слепой. Но ведь трудно тебе жить в городе. И я помочь не могу: нет ни мяса, ни масла, одна картошка.

— Была бы картошка, мама, не пропадем. Картошка хлебу присошка, — утешила ее Саламби.

К полудню заглянула Большая Нина, одетая по-зимнему, с солдатским вещевым мешком за плечами и чемоданом в руке. Саламби быстро собралась в дорогу.

В поле вышли через огород. Котомку Саламби до Петушиного лога несла мать. Как она еще совсем недавно, в сентябре, ругала свою дочь за то, что та, не сказав никому ни слова, уехала в город поступать в институт. А теперь старается помочь дочке, чем может. Да, материнский гнев, что вешний снег: сколько ни выпадет, — все растает.

— До зимних каникул не жди меня, — сказала Саламби, прощаясь с нею. — Если кто поедет на базар в город, картошку мне с ним отправь.

Старушка размякла, в ее глазах показались слезы.

— Как доедете-то? Дорога вон какая! А лошадь запрячь нельзя.

— У нас, у студентов, как у солдат, лошадь в ногах, — отшутилась Нина.

Дорога действительно была нелегкой. Снег растаял, и местами девушки утопали в грязи по щиколотку. Только к полуночи, смертельно усталые, добрались они до города.

*

— Как раз успели к чаю — свекровки у вас будут добрые, — обрадовалась Анна Ивановна. — А Петя вас как ждал! Соловей лета, пожалуй, так не ждет! Только что ушел. Еще приходил какой-то парень, односельча-

нин Большой Нины. Он что-то хотел сказать Саламби, но мне не открылся. Разве скажут старушке то, что хотят сказать девушке? Черноглазый такой, степенный, обходительный.

— Кто приходил, Ниночка? — спросила Саламби у смутившейся Петровой.

— Саланов. Он оставил тебе записку, вот.

Девушка развернула записку:

«Я встретил Алмазова. Он учится в Казанской консерватории, приезжал сюда на два дня. Завтра утром уезжает обратно.

Очень жаль, что мне не удалось повидаться с Вами.

Алмазова не будет здесь до зимних каникул».

Как ни устала Саламби, но долго не могла уснуть. Все думала: скорей бы наступили зимние каникулы!..

*

Дни стали короче, ни на что не хватало времени. В институте с утра до вечера шли лекции, потом разные собрания, заседания. Днем надо было сидеть в аудитории, вечером — в библиотеке. В выходные дни — воскресники, кроссы. От писанины у Саламби немели пальцы, а от чтения гудело в голове.

Незаметно и Новый год подошел. За неделю до праздника на городской площади поставили елку, вокруг нее бегала шумная детвора. Студенты начали готовиться к встрече Нового года.

Подруги решили провести предновогодний вечер у Анны Ивановны. Они привели в порядок комнату и кухню. Собранные деньги — складчину — Казаков вручил Музе, и та с радостью принялась закупать продукты. Она проявила себя в полную меру: достала муки, хорошего вина, колбасы, свежей рыбы, яблок. Не посрамила себя, конечно, и Анна Ивановна. Плита на кухне пылала, как домна: на ней варили, жарили, парили.

Под Новый год Саламби, Нина Большая и Казаков побыли недолго на вечере в своем институте; потом заглянули в пединститут. Там их встретила Маленькая Нина.

— Эх, опоздали! — огорченно произнесла она. — Муза спела две песни. Как чудесно! Трижды ее вызывали.

- Концерт кончился?
- Сейчас идет спектакль.
- Вызови Музу, пойдем домой.

Но где ее найти? Как пропела, так и пропала. Саланов с каким-то незнакомым парнем встретил ее, и все трое куда-то исчезли.

— Потеряла, значит, людей, как иголку в стогу сена,— попытался разыграть Нину Казаков.

Саламби, услышав о каком-то «незнакомом парне», подумала: «Не меня ли они ищут?»

— Вы идите домой, а мы с Петровой поищем Музу,— сказала она и потянула за собой Маленькую Нину.

— Вот здесь Муза живет.— Нина показала на четырехэтажный дом...— Видишь два окна, занавешенных розовым тюлем? Это окна ее комнаты.

— Шикарная, должно быть, квартира,— заметила Саламби.— Муза несколько раз звала меня в гости, но я все никак не выберусь.

— Она живет у своего родственника. У него нет детей, вот он и удочерил Музу,— сказала Петрова.— Живет она у него как у Христа за пазухой. «Папочка» работает где-то по торговой части. Он для нее ничего не жалеет.

— Откуда ты все это знаешь?

— Как не знать: мы же с ней на одном факультете, в одной группе. Да она не раз и меня приглашала к себе,— призналась Нина и, виновато улыбнувшись, добавила:

— Она переписывает у меня конспекты.

— Значит, живет, как кукушка, а ты — как трясогузка,— пошутила Саламби.

Нина не поняла шутки.

— Какая кукушка? Какая трясогузка?

— Не знаешь? Кукушка подкладывает свои яйца в гнездо трясогузке, и та высиживает ее птенцов вместе со своими.

— Да, голос у нее такой же звонкий, как у кукушки.

Девушки поднялись на третий этаж. Постучали — никто им не отозвался. В комнате кто-то играл на пианино.

— Разве Муза играет? — спросила Саламби.

— Нет, она еще не научилась. Наверное, кто-нибудь другой. А пианино «папенька» приобрел для нее.

Нина громче забарабанила по двери. И тогда колокольчиком зазвенел голос Музы. Широко улыбаясь, она открыла дверь.

— Ой, девочки! Знаете что: у меня чудесный музыкант, маэстро! У нас сегодня дома никого, все ушли в гости,— прошептала Муза. Затем она помогла подругам раздеться, подвела их к зеркалу, чтобы они причесались, надушила дорогими духами и пригласила в свою просторную, светлую комнату.

Как только они вошли, музыка оборвалась. Двое парней в кителях без погон, сидевшие у пианино, вскочили, точно по команде.

— Познакомьтесь — Саламби, Нина,— сказала Муза.— Девушки, вы Саланова знаете. А это наш дорогой гость — Анатолий Алмазов, студент Казанской консерватории.

Саламби вздрогнула. Она ждала этой встречи, но не думала, что встреча произойдет сейчас, здесь. Алмазов крепко пожал ее руку.

— Анатолий, сыграй что-нибудь чувствительное,— попросила Муза.— Люблю Чайковского.

Ее глаза, похожие на лепестки цветущего льна, заблистали, на щеках обозначились ямочки. Голубое платье, сшитое по последней моде, плотно облегало ее стан. За спиной, как две длинные косы, болтались концы белого шарфа.

Алмазов с улыбкой кивнул ей и заиграл «Сентиментальный вальс».

Как и Саланов, он был среднего роста, смуглолиц. В его свободных, легких движениях чувствовалась скрытая сила. Когда он кивал головой в такт музыке, длинные пряди его темнорусых волос спадали на широкий лоб и закрывали глаза. У Алмазова был энергичный подбородок, меж бровей пролегла глубокая складка, отчего его лицо постоянно казалось не то задумчивым, не то сердитым.

Вот умолкли последние аккорды. Первой зааплодировала Муза:

— Bravo, bravo!

— Ты волшебник, Анатолий,— вздохнул Саланов.— Хорошо, что тебя не ранило в руку. Это счастье. Золотые у тебя руки!

— По-моему, это ты волшебник,— улыбнулся Алмазов.— Тебя вон смолodu называют новатором, преобразователем природы.

Его слова и улыбка понравились Саламби.

— Ну, что мои руки? — возразил Саланов.— Они годятся только для грубой работы.

И как бы в подтверждение он показал свои ладони.

— Я даже на балалайке не играю. Завидую музыкантам. Впрочем, и сам могу виртуозно исполнить один известный романс.— Он сел за пианино и принялся выстукивать пальцем... «Чи-жик-пы-жик, где ты был?»

*

Саламби шла рядом с Алмазовым. Долго ждала она этой встречи. Почему? Неужели надеялась, что встреча с фронтовым другом Валерия успокоит ее, облегчит ее страдания? Нет, она любила Валерия, и ей хотелось как можно подробнее знать о последних днях и минутах его жизни: о чем думал? что говорил? Ей близки и дороги были люди, которые были близки и дороги ему.

...И вот наконец-то она узнала все, что могла узнать. Боль не прошла. Она стала острее...

*

Анна Ивановна встретила их у порога и напoмнила, что пора уже всем сесть за стол.

В комнате были Казаков с Большой Ниной и тот самый парень, односельчанин Нины, которого Анна Ивановна назвала «луна и солнце». Вирьялов, оказывается, снова привез Соловьевой письмо от родителей.

Он был в черном бостоновом костюме, с черным бантом вместо галстука.

Муза, заметив Вирьялова, засияла. Она познакомила всех с Алмазовым.

Саламби села между Анной Ивановной и Салановым, остальные попарно: Алмазов с Маленькой Ниной, Казаков с Большой Ниной, Муза с Вирьяловым.

Начали разливать вино в стаканы, и оказалось, что одного стакана, Казакову, не хватает. Все стали шутить, смеяться. Петя под общий хохот принес из кухни большой медный ковш, налил туда немного вина и, ухватив его обеими руками, проговорил:

— Конечно, невесело на душе, когда мало вина в ковше. Но я предлагаю, товарищи, тост за великую нашу победу, за новые успехи в труде и учебе в новом, тысяча девятьсот сорок шестом году, за мирную, счастливую жизнь, за крепкую дружбу нашу, любовь и так далее...—И, оставаясь верным себе, добавил:—Только не торопитесь, не пейте до дна, тостов еще много, а вина мало.

Саламби краешком глаза наблюдала за тем, кто как пьет. Саланов, Алмазов, Казаков выпили залпом. Вирьялов отпил немного и сморщился.

У всех развязались, как говорят, языки.

— Почему Саламби не снимает платка, разве у нее плохие волосы? — спросил Музу Вирьялов.

— Ой, что вы! С ее косой можно выступать в Большом театре. Чудесная коса! У меня была точно такая же, правда...

— А с кем из ребят она дружит?

— Она здесь ни с кем не дружит. Где-то в армии, кажется, есть у нее жених.

— Интересно,— протянул Вирьялов, следя за Саламби.— Если ее приодеть,— настоящая красавица! Нимфа! Офелия!

— Вы — поэт, Леон! Скажите, пожалуйста, что-нибудь о каждом сидящем здесь,— прошептала Муза, кокетливо улыбаясь.

— Анна Ивановна необъятна, как баобаб,— широко растопырил руки Леон и, найдя свое сравнение весьма удачным, добавил: — Надо записать это, пока не забыл, пригодится...

— А Саламби?

— Она, как аракурия,— ответил Леон после некоторого раздумья.

— Что это за аракурия?

— Есть такое вечнозеленое дерево, колючее, на него и птица не садится, и ветви его нельзя обломать.

— Где вы видели, Леон, такое удивительное дерево?

Вирьялов смутился, но не растерялся.

— Сам я, признаться, его не видел, Саланов рассказывал. Он во многих странах...

Но Музу не интересовал Саланов.

— А какие глаза у Саламби? — перебила она.

— Как незабудки.

— Незабудки? У нас называют это голубым глазом. Правда, у Саламби глаза голубые, и сама она напоминает белую голубку.

Большая Нина, всегда режущая напрямик, возмутилась тем, что Вирьялов все время перешептывается с Музой.

— Говорите громче, Левен, чтобы все слышали!

Вирьялов было обиделся: как это так? Его публично называли Левеном! Но тут Казаков затянул студенческую застольную. Все дружно поддержали. Затем Большая Нина запела чувашскую народную «Пчелка золотая».

— Нет для меня лучше этой песни! — сказал Саланов. — За сердце берет.

И «Пчелка» была подхвачена всеми. Два звонких голоса заглушили другие. Казаков сделал знак Нинам и мужчинам замолчать. Теперь пели только Саламби и Муза.

— Никогда не приходилось слышать такого пения! — воскликнул восхищенный ими Вирьялов.

Грустная мелодия заполнила комнату:

— Ах, ты, дума, думушка,
Нет покоя мне с тобой... —

выводила Саламби, и на глазах ее выступили слезы. Маленькая Нина закусила нижнюю губу; у Саламби запрыгала на левом виске жилка; помрачнел Алмазов, сурово молчала Большая Нина; а мягкосердечная Анна Ивановна всхлипывала и пришептывала: «Господи! Господи!» — Песня напомнила ей о том, что молодость прошла без любви и счастья, что над цветком ее юности не летала ни одна золотая пчелка, что у нее нет своей семьи, и только эти, чужие дочери и сыновья, скрашивают ее одиночество.

Спели еще несколько песен. Потом Муза предложила пойти всем вместе на площадь.

Анна Ивановна опять осталась дома одна.

— Возвращайтесь скорее! — крикнула она. Но ее никто уже не слышал.

Они шли рука об руку, во всю ширину улицы и пели.

— Что за чудесная девушка, эта Муза! — признавался Большой Нине захмелевший Вирьялов.

Она охлаждала его пыл:

— Не хвали, коли не знаешь, Левен. Не все то золото, что блестит.

— Но я, честное слово, не вижу в ней ничего плохого.

— Трещина в колоколе не заметна, пока в него не ударишь.

Вирьялов нервничал:

— Посмотрим, кто из нас прав. — Он отошел к Музе.

Рядом с Соловьевой появилась Саламби.

— Почему Леон так часто приезжает в город? — спросила она ее.

— Он у нас в поэты метит, — со смешком ответила Соловьева. — Привозит в редакцию свои стихи, да что-то не печатают их. Должно быть, не очень-то клеится у него это дело.

— Он дружит с Салановым?

— Дружит? Как топор с поленом.

Погода немного смягчилась. Падая крупный снег. Многоцветными огнями сияла елка на пустынной площади — ведь было уже далеко за полночь, — но в репродукторах все еще гремела танцевальная музыка...

*

После Нового года наступила пора экзаменов. Студентам некогда было, как говорится, передохнуть. А Казаков сказал: «Некогда почесать затылок».

Как-то Саламби сидела одна в комнате и зубрила конспекты.

— Салам, Анна-Ванна! — услышала она голос Музы. И вслед за ним — Анны Ивановны:

— Свекровушка добрая будет у тебя, аккурат к ужину пришла. Жареной картошкой сегодня угощу.

Муза обняла Саламби и, как всегда, подошла к зеркалу.

— Как у тебя с экзаменами? Сдала? — спросила Саламби.

Муза махнула рукой:

— Хватит тебе, Саламби, день и ночь корпеть над книгами. Пойдем в филармонию. Там сегодня новая программа, а после концерта танцы под аккордеон. Между прочим, исполняют и песню Алмазова.

Саламби чуть не вскрикнула: «Пойдем!» Но сказала другое:

— Нет, Муза, не могу. Времени нет, и... смотри, как я одета.

— Да сбегает ко мне, и я тебя так разодену!

— Спасибо, Муза, но не могу: завтра у меня экзамены. В другой раз. Ладно?

Муза ушла обиженная...

Маленькая Нина, обычно тихая, стеснительная, вбежала вдруг в комнату, бросила на кровать портфель и пустилась в пляс.

— Что с тобой, Маленькая моя, ликуешь, как старая дева перед замужеством? — сказала, увидев это, Анна Ивановна.

— А я и не собираюсь выходить замуж! — бойко ответила Нина.

— Не зарекайся. Девичье «нет» — не отказ. Девушка садится в сани жениха и все кричит: «Не пойду замуж!» Кто тебе поверит? Невелико счастье старой девой прожить. Об этом уж со мной не спорь, доченька. Я на себе испытала такое счастье.

Пока они судачили, Саламби вытащила из портфеля зачетку Нины и раскрыла ее: экзамен Нина сдала на «отлично».

— Ну обрадовала ты меня, доченька, — суежилась вокруг нее Анна Ивановна. — Чем бы попотчевать тебя? А как Муза? — спросила она.

Нина ответила не сразу.

— Муза много путала и провалилась. «Брошу, говорит, пединститут, все равно из меня не получится преподавательница. Если и получится, то пошлют в какую-нибудь деревню, и будешь там чахнуть. Поступлю лучше в музыкальное училище».

Вскоре Нина вышла прогуляться. Саламби снова начала просматривать конспекты.

На следующий день в зачетке Саламби появилась первая пятерка.

Прошло три года после окончания войны. Всюду произошли заметные перемены. Не миновал их и дом Анны Ивановны.

Не встретишь уже здесь Казакова и Большой Нины. Они окончили институт и разъехались по разным местам. «Поживем, значит, врозь годика два, проверим себя,— говорил, прощаясь с девушкой, Казаков.— Если легко будет жить друг без друга, значит, мало мы друг друга любим, а если будет неумогу, то прощай холостяцкое житье. Поженемся».

Муза не верила, что Казаков поедет на работу в район. «Его отец работает в Министерстве сельского хозяйства. Он не позволит, чтобы единственного сына отправили в колхоз»,— говорила она. Но, к ее удивлению, Казаков сам изъявил желание поехать именно в колхоз, и не в передовой, а в самый отсталый.

Не заглядывал в дом Анны Ивановны Саланов. Он жил и работал теперь в своем родном колхозе и был увлечен опытами по акклиматизации южных плодовых деревьев.

Время внесло свои поправки в судьбы людей.

Муза бросила учиться в педагогическом институте и поступила в музыкальное училище. Она решила стать певицей, «чтобы выступать на эстраде, ездить на гастроли по большим городам».

Вириялов оставил учительскую работу в деревне и поступил на литературный факультет педагогического института.

Саламби и Маленькая Нина учились уже на четвертом курсе. На четвертый курс консерватории перешел Алмазов. Многие его песни передавались по радио. И вот этой осенью в жизни Саламби произошли события, которые во многом изменили дальнейшую судьбу девушки.

*

По понедельникам студенты обычно посещали театр: в этот день специально для них продавали недорогие билеты.

Саламби надела свое новое голубое платье с незабудками, уложила коронкой косу вокруг головы.

— Господи, какая красавица! — восхищалась ею Анна Ивановна.

В театр она пришла вместе с Ниной. Вирьялов встретил их у подъезда, помог сдать пальто на вешалку, достал программу концерта. Затем, усевшись между ними, он посмотрел по сторонам, ища знакомых. Его сияющее лицо как бы говорило: «Видите, с какими девушками я сижу!»

Саламби не обращала на него внимания. Она была поглощена другим: вот-вот погаснут сверкающие люстры, утихнут логи, партер, балкон, заполненные шумной молодежью, поднимется занавес, и перед нею откроется волшебный мир...

В первом отделении выступили приехавшие из Москвы молодые артисты, ученики Тарханова. Они показали картины из комедий «Ревизор» и «Горе от ума». Студенты восторженно аплодировали.

Саламби не отрывала глаз от сцены, а Вирьялов... от нее. Во время антракта он взял девушек под руки и вышел с ними в вестибюль. Их провожали десятки любопытных глаз.

Саламби чувствовала себя неловко.

— Душно здесь, — сказала она, освобождая свою руку от руки назойливого кавалера.

— Тогда прогуляемся к Волге, — предложил, не поняв ее, Вирьялов. — Второе отделение начнется не скоро.

Саламби согласилась. Но когда они выходили, Нина отстала и затерялась в толпе.

Река протекала у самых стен театра. Вирьялов облокотился на деревянную балюстраду. Саламби прислонилась к росшему здесь тополю.

— На этом тополе повесился когда-то один молодой поэт, — многозначительно сказал Вирьялов.

Саламби сделала вид, что не расслышала. Она поежилась от легкого озноба, и Вирьялов, следивший за каждым ее движением, быстро распахнул свой макинтош и осторожно накинул на ее плечи. Девушка не отстранилась, чтобы не обидеть его. Но он понял это по своему.

— Саламби, — вкрадчиво произнес он.

Она в ответ улыбнулась и кокетливо сказала:

— Прочтите какое-нибудь стихотворение о Волге, о юности, о любви.

И тогда случилось то, чего она никак не ожидала. Вирьялов схватил ее руку, прижался к ней горячими губами и залепетал:

— Саламби... любимая...

Что было ей делать? Она резко отдернула свою руку, скинула с плеча макинтош.

— Уйдем отсюда.

— Одно слово,— молил он ее.— Я вас... с первого взгляда... навеки...

Саламби повернулась и пошла к театру. Вирьялов покорно следовал за ней.

— Простите, если я вас обидел,— шептал он.— С этого вечера я буду считать себя глубоко несчастным человеком. Простите...

*

Антракт, оказалось, давно кончился, и вход в партер был закрыт. Вирьялов и Саламби хотели пройти на балкон. Но и туда нельзя было проникнуть.

В полутемном буфете Вирьялова окликнул сидевший за уставленным бутылками столиком молодой человек низенького роста в коричневом костюме с жилеткой. Рядом сидел тучный мужчина средних лет.

Вирьялов подобострастно раскланялся.

— Саламби Акрамова,— представил он им девушку.

— Профессор Чушков,— отрекомендовался толстяк и посмотрел на нее поверх бутылок своими узкими глазами.

— М-да,— прогнусавил он,— м-да,— интересное имя, древнее, языческое, у Бальзака, кажется, есть такой роман «Саламбо».

— Не у Бальзака, а у Флобера,— робко поправил его Вирьялов.

Тот не удостоил его даже взглядом. А приземистый вскочил и воскликнул:

— Ты гений, Вирьялов! Чего стоите? Садитесь.

Он, не церемонясь, усадил девушку, а Вирьялову указал пальцем на пустой стул. Чушков снисходительно кивнул, давая понять, что он не против этого приглаше-

ния. Лицо его выражало самодовольство. На нем было как бы написано: «Вот я, высокообразованный человек, снизошел к вам, простым смертным. Вы должны это достойно оценить. Не часто случается такое!»

Саламби поняла это.

— Лео, ты — талант! — продолжал трещать приземистый. — Тугрики у тебя есть?

Вирьялов смущенно прошептал ему что-то на ухо, видимо, признался, что денег нет.

— Бездарь! — неожиданно грубо крикнул человечек и запустил свою пятерню в длинные волосы, закрывавшие его узкий лоб. — И в литературный институт не мог поступить! Говорил тебе: дай мне свои стихи, через неделю все сделаю и в печать протолкну. Пожалел три сотни, а теперь и в стенгазете не можешь их напечатать. Мы и не таким, как ты, с профессором романы писали.

— Простите, Саламби, я до сих пор не познакомил еще вас, — сказал Вирьялов, стараясь замять неприятный для него разговор. — Это Ланкин.

Тот, кого называли Ланкиным, торжественно поднял руку и провозгласил:

— Загляните в пятый номер!

Саламби подумала: что значит этот загадочный «пятый номер»?

Широко размахивая руками, Ланкин заговорил о литературе. Чушков изредка вставлял отдельные слова. Из разговора Саламби поняла, что человечек этот сочиняет пьесы, критические статьи, помогает за деньги каким-то литераторам «дотягивать» их романы. А Чушков пишет какие-то «научные труды» по языкознанию.

— Ты — первый соловей нашей литературы, — пробасил Чушков, опорожня очередную кружку пива.

— Загляните в пятый номер! — повторил Ланкин, обращаясь к Саламби.

И, перегнувшись через столик, поцеловал пухлую ручку Чушкова.

«Куда я попала? — недоумевала девушка. — Возможно, они артисты и разыгрывают передо мной какую-то сцену? Но тогда зачем так унижается перед ними Вирьялов? Она собралась встать, чтобы уйти, но в эту минуту к буфету подошли Алмазов и Саланов. Они были

сейчас одеты в одинаковые черные костюмы, и это делало их похожими друг на друга.

Саламби обрадовалась их появлению, и в то же время ей сделалось стыдно.

— Анатолий! Гений! — крикнул Ланкин и тут же подлетел к нему.

Алмазов и Саланов крайне удивились, конечно, тому, что застали здесь Саламби.

— Прошу познакомиться: это профессор Чушков, — суетился Ланкин. — Да кончай пиво лакать! — бросил он Чушкову. — У тебя, видать, не горло, а рукав от тулупа.

Потом он оглядел незнакомую фигуру Саланова.

— Вероятно, новое молодое дарование? Не так ли?

— Простой садовод, — хмуро ответил Саланов. И в свою очередь спросил:

— Простите, а вы кто?

— Загляните в пятый номер! — развязно прокричал Ланкин.

Саламби, все еще не оправившись от смущения, спросила:

— Вы какими судьбами здесь?

— Приехал по делу в Министерство сельского хозяйства, — отозвался Саланов. — Анатолий пригласил на концерт. А мы опоздали.

Ланкин налил Алмазову и Саланову по бокалу пива.

Заговорили об искусстве. Чушков и Ланкин пренебрежительно отозвались о родной литературе, театре. Вирьялов их поддержал. Алмазов и Саланов горячо возражали. Разгорелся спор.

Саламби не вмешивалась, но она была, конечно, на стороне Алмазова и Саланова. Ее радовало, что влюбленный в свое дело садовод так хорошо знает и ценит родную литературу.

Ланкин начал критиковать революционные стихи Михаила Сеспеля и музыкальные произведения Федора Павлова. Тогда Саланов презрительно сказал ему:

— Солнце не виновато в том, что совы днем не видят!

Ланкин рассвирепел.

Но тут к их столику подлетела какая-то сухопарая женщина и, не долго думая, с ходу, треснула Ланкина по щеке и принялась ругать «профессора»:

— Шалопай! Бездельник! Чушка!

Затем она схватила Ланкина за руку и поволокла его к лестнице.

Чушков сразу же потерял всю напыщенность. Он трусливо заморгал своими маленькими свиными глазами и пробормотал:

— Вот она, Железная мялка¹!

— А кто она ему, жена? — улыбаясь, спросил Алмазов.

— Домашняя милиция — вот кто! — прохрипел Чушков. — Погодите, она скоро и за вас возьмется.

— Почему? — спросил Алмазов.

— Как это почему? Она норовит всюду пробраться и всюду выступить. Вы музыкант? Ну, и до вас она доберется, начнет шуметь: «Непонятная музыка! Я несколько раз слушала, ничего не поняла!» — и так далее в этом роде.

— Человек с насморком не может слышать запаха цветов, — пошутил Алмазов.

— Но это не мешает ему рвать цветы, — угрожающе произнес Чушков.

— Зачем?

— Конечно, не для того, чтобы наслаждаться их красотой, — философствовал он. — Цветы можно продать. Они, брат, ухитряются за каждое свое выступление кое-что схватить.

Что все это значило, трудно было определить. То ли бред пьяного, то ли, «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке»?

Алмазов, Саланов и Саламби оставили Чушкова и Вирьялова.

— Что это за типы? Ты, кажется, знаешь их? — спросил друга Саланов.

— Встречал раза два, на городском собрании работников искусств, — ответил Алмазов. — Чушков хвастается какими-то открытиями в области чувашской грамматики. Его в шутку прозвали профессором, и он охотно принимает это звание. Нигде не работает, живет на пенсию как инвалид. А Ланкин называет себя человеком

¹ Персонаж из одноименной сказки чувашского классика-поэта К. Иванова.

искусства, но на самом деле—коммерсант, живет за счет начинающих литераторов. В общем, пустой бубен.

— А почему он все время говорит о каком-то пятом номере? — спросила Саламби.

Алмазов усмехнулся.

— В пятом номере одного журнала была, кажется, напечатана его заметка. Вот он и хвастается ею.

— О, как я ненавижу таких людей! — гневно произнес Саланов. — Они не раз попадались на моем пути. Смотри, Толя, что-то они больно ласковы с тобой.

В глазах Алмазова зажглись злые огоньки:

— Знаю, — медленно произнес он. — Они жужжат и кусаются, как осенние мухи. Но мухи к зиме, как известно, дохнут.

— Иная муха найдет теплое местечко и спокойненько перезимует, — поправил его Саланов. — А весной оживет и снова зажужжит да начнет кусаться. Нужно быть начеку.

— Напрасно тебя это беспокоит, — нервничал Алмазов. — Я не Вирьялов.

— А Вирьялов действительно дружен с ними? — спросила Саламби, желая проверить свое впечатление.

— С ними на одной тележке едет, — махнул рукой Саланов.

— Но ведь он не похож на них, — пыталась смягчить она.

— Это снаружи. А начинка у них одна, — убежденно сказал Саланов. — Слава богу, знаю его с детства. Рос он баловнем, был единственным сыном. С детства ему внушили, что он-де особенный, будет знаменитым и к нему поплывут большие деньги. Отец умер от запоя, а этот продал последнюю коровенку, бросил учиться, работать и решил, что он, видите ли, непризнанный гений. На самом же деле он неудачник, тунеядец. Потому-то ему с ними и по дороге.

«Саланов, конечно, прав, — думала Саламби. — Осенние мухи живучи».

*

Началось третье отделение концерта. Саламби сидела уже с Салановым.

— Выступает студентка музыкального училища Муза

Любимова! — торжественно объявил конференсье. — Анатолий Алмазов, «Песня любви». Аккомпанирует на рояле автор.

Муза смело вышла на сцену, словно привыкшая к успехам актриса. На ней было черное платье с короткими рукавами. На груди сверкала брошь. Брови были подведены, лицо напудрено, волосы искусно причесаны. Муза грациозно поклонилась публике и застыла в ожидании, скрестив на груди оголенные руки.

— Правда, красивая? — прошептала Саламби, наклоняясь к Саланову. Тот не ответил.

Торопливой твердой походкой вышел на сцену Алмазов. Не взглянув в сторону зрителей, он сел за рояль, раскрыл ноты и кивнул Музе. Прядь волос упала на его широкий лоб. В ту же минуту Алмазов заиграл. Муза умиленно взглянула вверх своими синими глазами и запела:

Звезды мигают — манят с вышины,
Словно твои глаза сияющие;
Меж камней журчит родник,
Звения словно твой смех веселый.

В памяти Саламби ожили и жаркие летние дни сенокоса, и теплые июньские ночи, и веселый девичий хоровод... Где, когда, в чьем сердце впервые родились эти слова и звуки? Какая девушка пела эту песню в томительном ожидании встречи с возлюбленным?

Роса светлая падает на сады,
На землю спускается ночная прохлада;
Где же ты, милый, где же ты?
Мне бы с тобой встретиться надо.

И почему же не сумел он прийти на свидание? Может быть, ее оклеветали перед ним? Или появилась другая? Ах, как нежно и страстно зовет она его:

Звезды, мигая, гаснут в вышине,
Радостный день настает для всех;
Только не гаснет в моей душе огонь,
Это ты зажег во мне такой огонь.

Саламби забыла, что сидит в театре. Это она была тоскующей девушкой из той песни, это она сидела у реки, в прохладном от росы саду...

Она любила эту песню и по просьбе Алмазова однажды спела ее ему. Он записал слова и мелодию. И вот эта песня, обновленная мастером, звучит уже со сцены.

Вместе со всеми Саламби долго аплодировала Музе и Алмазову.

*

— Поздравляю с успехом! — сказал Саланов после концерта, крепко пожимая руку друга. — И обрадовал же ты меня!

— Спасибо. А знаешь, ведь эту песню Ланкин и Чушков грозились разнести в пух и прах.

— Не вспоминай, пожалуйста, сейчас о них, не порть мне настроения, — ответил Саланов. — Слышишь, студенты уже подхватили ее. Только смотри, дорогой, чтобы первые успехи не вскружили тебе голову. Ну, не сердись, не сердись...

Алмазов молчал. Саламби сердцем поняла его обиду. Неприятно, когда тебе так часто напоминают об одном и том же, да еще в присутствии девушки. Саланов почувствовал, что он несколько переборщил.

— Постой-ка, Анатолий, — сказал он, чтобы отвлечь его от неприятных дум. — Ты как-то обещал показать подарки, которые тебе преподнесли. Я ведь завтра уезжаю домой.

— Сходим тогда в училище, — вздохнул с облегчением Алмазов.

По дороге он рассказывал Саламби:

— Только приехал я в консерваторию, мне передали, что хочет меня видеть композитор Соловьев. Откуда, думаю, знает он про меня, неизвестного студента? И радостно и боязно.

Прихожу к нему. «В библиотеке», — говорят мне и показывают на боковую дверь. Стучусь. «Да, да, да!» — доносится из комнаты слабый голос. Вхожу. Маленькая комната вся заполнена книгами и нотами. На постели, у самого стола, лежит изнуренный болезнью старик. Я сразу узнал его. Говорили, что его разбил паралич. Я, разумеется, назвал себя. И тогда его лицо озарилось слабой улыбкой, глаза оживились: «Да, да, да!» — повторил он, протянул мне дрожащую руку и попросил

помочь ему присесть. Потом он дал мне нотный альбом. Я открываю его, и — представьте мое изумление — на первой же странице вижу свою «Песню любви»! Хозяин молча указал мне на скрипку. «Сыграть вам?» — спрашиваю. «Да, да, да», — подтвердил он.

Никогда я, пожалуй, не играл с таким волнением! В альбоме было записано только начало песни, но я сыграл ее всю, по памяти. Старик даже прослезился. В альбоме под нотами, по-видимому, он сам сделал такую надпись: «Эту песню я услышал ночью и не успел, к сожалению, записать полностью. Ее пел кто-то вдали, в поле. Песни верховых чувашей очень мелодичны. Их нужно собрать как можно больше». И дата «1943 год, август».

— Точно, в этот год и я слышала, что какой-то известный композитор ездит по нашему району, — сказала Саламби. — Значит, это он. А дальше что было?

— Он подарил мне книгу своих песен. Ему трудно было говорить. Сильно заикаясь, он сказал тогда: «Возьми и скрипку. Хотел было оставить сыну, но он ушел раньше меня... Смерть не выбирает по зубам. Пусть звучит в твоих руках и никогда не умолкает». Потом он лег и закрыл глаза. Я долго стоял перед ним с подарками в руках, ожидая, когда он, наконец, откроет глаза или заговорит. Но он лежал неподвижно. Я пожал ему руку. Он открыл глаза, слабо улыбнулся, пробормотал: «Да, да, да», — и затих.

*

В музыкальном училище, у вешалки, сидела старушка и вязала.

— Добрый вечер, Анна Матвеевна! — поздоровался с ней Алмазов. — Ну как, слушали концерт по радио? Познакомьтесь, это мои близкие друзья.

— Слушала, слушала, сынок. Интересно, кто это так хорошо пел твою песню? Не ты ли, доченька?

— О нет, я не пою, — смутилась Саламби. — Пела Муза Любимова, ваша студентка. Вы ее, наверное, знаете.

— Как ее не знать! — недовольно ответила старушка.

Алмазов и Саланов поднялись в класс, а Саламби осталась перед зеркалом у вешалки.

— Из каких краев будешь, доченька? — спросила ее старушка.

— Про Выла-базар слышали? Вот из тех краев и буду.

— Не только слышала, но и бывала там, в прежние времена, когда еще в невестах ходила. С отцом за покупками ездили. Девушки там, запомнила, одеваются во все белое, с вышивками на платьях. Сама-то я буду из низовых чувашей, из одной деревни с Толей. А здесь работаю с тех пор, когда еще сам Хведор Павлыч¹ был директором училища. Все наши артисты, песельники на моих глазах, можно сказать, выучились тут.

Старушка пристально взглянула на Саламби.

— Ты, доченька, не осуди, — сказала она. — У Толи, говорят, есть девушка из вирьял²? Уж не ты ли это? Саламби зарделась.

— Ой, нет!

Старушка взглянула на нее доверчиво.

— Толю я с детства самого знаю. Из него выйдет толк. Ему и шести лет еще не было, а его заметил Хведор Павлыч, наказывал учить музыке. Толя уже тогда удивлял народ игрой на балалайке. А здесь, в училище, он был одним из лучших учеников. Сиротой рос, а старательный. В лаптях и лохмотьях, бедняжка, в школу бегал. Летом в подпасках ходил, голодал, а книжки покупал... Как тебя звать-то, доченька?

— Саламби.

— Хорошее имя. Теперь все какие-то непонятные выдумывают... А где тут живешь? Хозяева хорошие люди?

— На краю города, у одной женщины живу. Добрая она, словно мать родная.

— Это уж не Анна ли Ивановна? Да ведь я ее, милую, как себя, знаю. Мы с ней в одно время в город приехали. Хведор Павлыч открыл музыкальную школу, и мы обе поступили сюда на работу. Анна Ивановна с давних пор пускает к себе на квартиру студенток. Раньше она

¹ Ф. П. Павлов, первый чувашский композитор и основатель чувашской музыкальной школы в Чебоксарах.

² Верховые чувашаи.

приходила ко мне, а тепер, видать, некогда. И сама не могу ее навестить. Мы очень дружно с ней жили. Потому нас и звали «две Анюк». Красавица была она, Анюк, вроде тебя. Но ведь счастье-то не глядит в лицо: в девках прожила она свой век. Не могла выйти за любимого, так решила совсем замуж не идти. А сватались многие. Любила она одного музыканта, что здесь учился, да он оказался несерьезным...

Старушка сдвинула брови и тяжело вздохнула.

Сверху, из класса, донеслись звуки скрипки. Лицо ее посветлело.

— На скрипке играет,— сказала она, указав пальцем.— Только вчера напела ему эту песню, а он уже успел ее по-своему переделать. Любит он старинные песни. Хведор Павлыч был тоже такой. Все заставлял нас с Аннушкой петь ему наши песни. Теперь уж не тот у меня голос, что и говорить! Ты не осуди меня, старую, еще спрошу: давно знаешь Толю?

— Три года, как познакомились.

— Мать-то все хочет женить его, а он и в мыслях того не держит... Муза увивается вокруг парня. Но она, скажу тебе прямо, мне не нравится.

У Саламби защемило сердце. Что бы это могло значить?..

Старушка ласково посмотрела на нее и тихо, как бы про себя, сказала:

— Жаль, что нет у меня сына.

*

Сперва Алмазов и Саламби проводили Саланова до гостиницы, потом Алмазов пошел провожать девушку. Накапывал дождик. Но они его не замечали, как, впрочем, не заметили и того, что уже прошли мимо дома Анны Ивановны...

Уже три года знали они друг друга. Три года Саламби встречалась с Алмазовым, и чем больше узнавала его, тем ближе он ей становился. Алмазову она тоже была самым близким человеком. Но ни он, ни она не заговаривали о том, что чувствовали.

А как хотелось ей услышать слова любви!

Дождь усиливался. Они укрылись под старой ветлой, взявшись за руки, глядя друг другу в глаза.

Девушка видела радость в его больших карих глазах и была счастлива.

Алмазов робко потянул ее к себе. Она не противилась. Он обнял девушку и поцеловал в губы.

„М А М А!“

Перед отъездом в Казань Алмазов решил повидаться с матерью и на следующий день отправился в родную деревню.

В воскресенье Саламби неожиданно встретила в библиотеке с Музой. Подруги вышли на набережную.

— Какой счастливый у тебя вид, Саламби! Я никогда еще не видела тебя такой, правда! — сказала Муза. — Даже встречные парни заглядываются. Переменилась ты что-то в последнее время. По вечерам тебя дома не застанешь. Где пропадаешь?

— Вчера вечером в институте стенгазету выпускали, я же член редколлегии. А позавчера была на ученом совете.

— Да? — недовольно переспросила Муза.

Она бросила взгляд на мутные волны реки и вздохнула:

— Ах, как трудно учиться в музыкальном училище! Попробуй усвой такие премудрости — гармонии, сольфеджио... Надоело мне все это.

— Но ведь у тебя чудесный голос, — пыталась ободрить ее Саламби. — Анатолий хвалил тебя, говорил, что у тебя талант.

— Да, многие восхищаются моим голосом. Но если бы ты знала, сколько времени уходит на занятия и каких усилий это стоит.

— Мне бы твои способности! Я бы не так старалась. Муза промолчала.

Клонившееся к вечеру солнце уже не грело, а только напоминало об уходящем лете. На той стороне реки волшебными цветами пестрел лес. Ветер гнал по реке против течения мелкие кудрявые волны.

— Когда это говорил тебе Анатолий о моем талан-

те? — встрепенулась вдруг Муза, напирая на слово «талант».

— На вечере, недавно...

— Я уже устала от комплиментов, — жеманно процедила она. И как бы невзначай добавила: — Поговаривают, будто бы Алмазов влюблен в тебя. Правда?

В голосе ее звучали металлические нотки. О том же она спрашивала уже сегодня одну студентку музыкального училища. Та успокоила ее: «Пока ты существуешь, Анатолий ни на кого из нас не взглянет даже». Такого же ответа ждала она сейчас и от Саламби. Но, увы, не услышала.

Саламби густо покраснела. И этого было достаточно, чтобы Муза рассердилась.

Раньше Муза чувствовала свое превосходство перед Саламби: она лучше ее одевалась, знала секреты косметики. Саламби в сравнении с нею — простая и наивная деревенская девчонка. И Муза смотрела на нее свысока. Она искала в ней прежние черты. И, как это ни странно, не находила их. Рядом стояла другая девушка. В ней было что-то недоступное. И это «что-то» пугало и бесило Музу.

— Не очень-то доверяйся людям искусства, можешь ни с чем остаться, — сказала она недружелюбно.

— Твое предостережение ни к чему! — сухо ответила Саламби, вспомнив, что говорила о Музе Анна Матвеевна.

Муза попыталась свести все к шутке:

— Не сердись, милая! Я ведь пошутила. Здесь, на ветру, прохладно. Пошли в городской парк. Там, как в осеннем лесу, очень романтично, — повторила она слова Вирьялова (вчера вечером он, приглашая ее в парк, говорил точно так же).

— Что ж, пойдем, — согласилась Саламби. — Я устала за день в библиотеке.

Она шла и думала: «Да, мы с тобой разные, как день и ночь».

В парке было тихо. Под ногами шуршали листья.

Но вот на аллею высыпали ребяташки. Все они были одного роста, в красных пальто с капюшонами.

— Эвакуированные, с запада, — сказала Муза, заметив, что Саламби с любовью смотрит на них. — Роди-

тели погибли на фронте. Некоторые дети не знают ни своего имени, ни фамилии.

Девушки проходили мимо детей, когда один из них уставился на Саламби и крикнул:

— Мама!

— Пошли быстрее, а то и не отвяжешься от него, — сказала Муза и схватила Саламби за руку. Но ребенок протянул ручонки и побежал за ними.

— Мама! Мама! Мама!

Саламби остановилась. Ребенок подбежал к ней, схватился обеими руками за ее пальто и заплакал.

— Мама! Мама!

Из-за кустов раздался женский крик:

— Валерик! Валерик!

Подошла воспитательница и хотела увести ребенка. Но тот еще сильнее вцепился в «мамино» пальто и заплакал громче.

Саламби взяла ребенка на руки, погладила по головке.

— Не плачь, милый! Не плачь, Валерик!

Мальчик сразу же успокоился и крепко обнял ее за шею.

— Мама...

Воспитательница кое-как оторвала его от Саламби и унесла.

Саламби поторопилась уйти из парка, чтобы не слышать крика ребенка.

*

Всю ночь ей снился плачущий ребенок. Утром по дороге в институт она встретила воспитательницу детского дома. Та заговорила, как давняя знакомая:

— Знаете, Валерик вчера совсем не спал и другим не давал спать, все звал вас: «Мама! Мама!»

На лекции Саламби не перестала думать о ребенке. «Мама! Мама!» — звучало в ее ушах. Перед глазами стоял плачущий мальчик с протянутыми к ней ручонками.

Вечером она дождалась Нину, вместе с ней поужинала и легла спать. В темноте Нина, чтобы не слышала за стеной Анна Ивановна, сказала:

— Слух плохой идет.

Саламби насторожилась.

— Какой?

— Вирьялов говорил, что у тебя есть ребенок и ты держишь его в детдоме.

«Вон, оказывается, почему он не заглянул сегодня», — с усмешкой подумала девушка и поведала подруге о случившемся.

— Но кто же мог так бессовестно оклеветать меня? Ведь никого, кроме Музы, со мной не было, — возмущалась и удивлялась Саламби.

— А ты напрасно доверяешься ей, — ответила Нина. — Слово у нее, что слабо скрученная нитка. Я бы никогда не подружилась с такой. У них с Вирьяловым на языке мед, а под языком лед.

Утром Саламби снова встретила с воспитательницей. Та, оказывается, жила неподалеку.

— Валерик и вчера не спал, все вас звал, — передала она.

Саламби узнала у нее адрес детдома.

*

Возвращаясь из института, она встретила Музу. Та сделала вид, что не замечает Саламби, и хотела пройти мимо.

— Разбогатела? — окликнула ее Саламби.

— Прости, не заметила, — спокойно ответила Муза. — Какой чудесный голубой песец, — улыбнулась она, показывая на витрину магазина, у которого они остановились. — Может быть, купишь?

— Мне и в этом неплохо, — сказала Саламби, оглядывая свое потертое пальто.

— А меня интересует вот тот десятитысячный каракуль. Волнуюсь: вдруг купит его кто-нибудь, пока папочка в командировке.

Саламби перебила ее:

— Одолжи до стипендии рублей десять.

— На что они тебе? Даже плохие духи — и те стоят дороже. Если нужно, дам пятьсот. Я тебе доверяю, потом вернешь.

— Нет, только десять рублей. И за это спасибо.

Муза вытаращила глаза, увидев, что продавец завернул Саламби детскую гармошку.

— Давай зайдем сюда на минутку,— предложила Саламби, когда они поравнялись с детдомом.

— Ой, что ты? В уме ли? — испугалась Муза.— Нас могут увидеть знакомые. Что подумают? Зайди одна, если тебе нужно, а я лучше здесь подожду.

Сквозь решетчатую ограду Муза наблюдала за тем, как во двор детдома вошла Саламби. Она о чем-то говорила с дежурной. Потом выбежал тот самый мальчик, который в парке принял ее за маму. «Мама! Мама!» — кричал он. Саламби поцеловала его и сунула ему в руки игрушку.

Муза, не дождавшись возвращения Саламби, ушла. А Саламби после этого стала ходить сюда ежедневно.

*

Сегодня должен вернуться из деревни Алмазов, а завтра рано утром уехать в Казань. Остановится он, вероятно, как всегда, в общежитии музыкального училища. Саламби обула сапожки, выпустила поверх пальто бахрому шелковой шали и пошла к училищу.

По дороге она встретила Музу, которая шла под руку с женой Ланкина. Муза, притворно улыбаясь, протянула ей руку, а жена Ланкина, похожая на облинявшую борзую, окинула ее недобрый взглядом.

— Ты идешь в училище? — спросила Саламби Музу.

— Да.

— Сегодня должен вернуться из деревни Алмазов.

— Он уже приехал, я имела удовольствие его видеть,— вызывающе произнесла Муза.— Он тебе нужен? Могу вызвать,— сказала она снисходительно. И, не дождавшись ответа, добавила: — Жди здесь, на набережной, вон у того тополя.

Она поспешила догнать Ланкину; концы ее белого шарфа трепетали на ветру, как крылья.

*

Прошло около часа, но Алмазов не приходил. «Может быть, отдыхает с дороги? — думала Саламби.— Или Муза не застала его?»

Саламби продолжала прохаживаться по набережной. Рядом появилась какая-то девушка в белом платке. Она нетерпеливо поглядывала на ручные часки. У Са-

ламби не было часов, и она не знала, сколько уже прошло времени. На столбах зажглись фонари. Вот торопливо поднимается снизу какой-то парень. Нет, это не Анатолий! Девушка в белом платке кинулась ему навстречу. Они обнялись и пошли вниз по набережной. Саламби даже позавидовала счастью этой девушки. И снова забеспокоилась: «Почему не идет Анатолий? Неужели что-нибудь случилось?» Вспомнилась любимая песня:

Грустно и тяжело мне одной,
Я боюсь одиночества и темноты,
Что же случилось, друг мой, с тобой,
Где ты? С кем ты?

Кончился сеанс в кино, и оттуда повалил народ.

Вдруг она увидела то, чему нельзя было поверить. Из кино вышли Муза и Алмазов. Он вел ее под руку, любезничал с нею, и она, довольная, смеялась на всю улицу.

*

— Что с тобой, милая, на тебе лица нет? — встревоженно спросила Анна Ивановна.

Саламби молча прошла в комнату, разделась. Нина не спала, ждала ее.

— Ну, поговорила?

— Нет, видать — видела, а говорить не удалось, — ответила Саламби, кусая губы.

Не поужинав, она легла в постель.

— Предупреждала тебя, неводись с Музой. Взгляни на такую и отвернись, — ворчала Анна Ивановна. — С лица она, словно солнышко красное, а нутро у ней, что дегтярница, черное. Я давно замечала это, да молчала. Бела береста, говорят, да деготь из нее черен. Так-то, детки мои.

*

В один из вечеров Саламби призналась Анне Ивановне:

— Хочу взять из детдома ребенка на воспитание. Мама сильно захворала, зовет домой. А Валерика, о котором я вам рассказывала, жаль оставлять...

Анна Ивановна разинула рот и даже суп из ложки вылила обратно в миску.

— Ты что, милая, шутишь?

— Правду говорю.

— Чужого ребенка возьмешь?

— Привыкну — будет родным.

— Да ведь ты девушка на выданье, студентка. И дома-то у тебя небогато: мать еле-еле концы с концами сводит. Как же будешь содержать ребенка. Думала об этом? Посоветовалась с матерью? Разрешит ли она?

— Знаю, не разрешит. Но будет так, как я задумала.

— Я не пугаю тебя, — сердечно сказала старушка. — Воспитывать сироту — дело святое. Но не станет ли тебе этот ребенок колодой поперек дороги? Ведь тебе замуж выходить пора...

— Кто полюбит — и с ребенком возьмет, — твердо ответила Саламби. — А за нелюбимого я никогда не пойду.

*

Ребенок быстро привык к новой обстановке. Анна Ивановна души в нем не чаяла; она кормила мальчика так, что Саламби вынуждена была вмешаться и несколько оградить его от бабушкиной щедрости. Приходили с подарками студенты. Каждый старался чем-нибудь помочь Саламби. Для нее и мальчика нашли комнату в центре города, но Анна Ивановна упростила ее остаться.

Девушка радовалась маленькому Валерику. Но жить ей стало труднее. Мать все звала домой.

В город приехала сноха Маши Степановой. Здесь она встретилась со своей племянницей, женой Ланкина, и узнала от нее, будто ребенок у Саламби не чужой, не детдомовский, а свой собственный...

И вот один волк подал голос, а другие завывали...

Сноха Степановой вернулась в деревню и поведала «тайну» матери Саламби. Та, и так часто хворавшая, от горя слегла в постель и написала дочери, что умирает.

Саламби вынуждена была немедленно ехать домой. Она взяла с собой и мальчика.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОДНОСЕЛЬЧАНЕ

Недаром говорят: худая слава ветром носится, мчится на аргамаке, в окно влезает. Не успела еще Саламби переступить порог родного дома, как о ней засудачили на все лады, перемыли все ее косточки. Даже те, кто ее совсем не знал, спешили осудить девушку, которая-де прижила ребенка. Особенно усердствовали тетки, собиравшиеся по утрам у колодца.

«Валерик не должен знать, пока не подрастет, что он сирота,— напутст-

вовали Саламби в детдоме.— Пусть он считает вас родной матерью».

Она так себя и вела. Но ребенка нужно было зарегистрировать в сельсовете. И Саламби не могла не сказать там правду. Случилось так, что в это самое время в сельсовет по своим делам зашел Коля Семенов. Он слушал и радовался. «Я всегда верил в тебя»,— говорили его карие глаза.

А дома он восторженно рассказывал:

— Саламби взяла на воспитание сироту. Родители погибли на фронте.

Колина мать сидела у окна и подтачивала старые ножницы.

— Вот и я думала: тут что-то не так,— сказала она.— Разве мой Валерий полюбил бы плохую девушку?! Хорошая будет у меня сноха, когда вернется Валерий. А он приедет, пожалуй, к Новому году. Сон так подсказывает. Был у нас когда-то конь игреневой масти. И приснилось мне, будто он прискакал к нашему дому, стоит под ветлой. Уздечка на нем есть, а повода нет. Не к добру, конечно, что уздечка без повода. Я взяла его за гриву и завела во двор...

Весть о том, что Саламби усыновила чужого ребенка, облетела все село. Те самые люди, которые вчера осуждали ее, сегодня одобряли поступок девушки.

У колодца можно было услышать уже другое:

— Мальчонка-то у Саламби чужой, круглый сирота. Она взяла его из детдома на воспитание. Какая добрая девушка!

— Вчера я его своими глазами видела. Красивый малыш: русый, кудрявенький, здоровый. Я молочка ему принесла.

— А я было собрала для продажи масло, да узнала, что корова-то у них яловая, и отнесла масло им. Лицо у мальчика — ну прямо ясное солнышко. А глаза большие, голубые. Он все лопочет с Саламби по-русски, зовет ее мамой.

— Сами-то в нужде живут, а чужого ребенка взяли. Но тут раздавался и другой голос:

— Не надо было все-таки ей этого делать. В невестах ведь ходит. За самого лучшего на селе парня могла бы замуж выйти. А теперь попробуй.

Кто-то возразил:

— Для такой девицы, как Саламби, никогда не поздно выйти замуж: жемчужная бусина долго на земле не валяется. В наше время таких девушек летом на санях катали. А ежели выдавали замуж на сторону, то все деревенские парни выходили отбивать ее от чужих — резали сбрую, ломали телеги. Так было. Ты, кума, за Саламби не беспокойся, своя сестрица, как говорится, в невестах!

— Эх, и душа у нее, у Саламби! — проговорила одна из тетушек. — И в кого она такая уродилась! Мать скупая, и отец тоже был не того...

— Говори, да не заговаривайся, — не согласилась с ней другая. — Как это не того? А кто колхоз наш организовал? И почему это мать у Саламби скупая? Сколько эвакуированных в войну людей она у себя приютила? А яблоко, как известно, не далеко от яблони падает. В плохой семье не выросла бы такая девушка, как Саламби.

*

Не раз вспоминала Саламби институтские дни: лекции, спектакли, лыжные кроссы. А как хорошо было гулять с Алмазовым по набережной Волги! Он совсем не походил на других юношей, которые пытались поухаживать за ней, восторгались ее именем, признавались даже в любви.

Анатолий представлялся ей прямодушным и настойчивым человеком, который добьется того, к чему стремится. Недаром он сказал однажды: «Хочу схватить судьбу за горло!» Саламби верила в то, что он успешно закончит консерваторию, одолеет «осенних мух».

Правда, Маленькая Нина писала, что часто встречается его с Музой. Почему же он, такой сильный в жизни, оказывается таким слабым в любви? Ведь он, казалось, презирает девушек-побрякушек?

Неожиданно Саламби получила письмо от Алмазова.

Долго вертела она его, всматриваясь в каждую букву обратного адреса. Наконец, распечатала конверт. Сердце ее сжалось, когда она увидела только несколько строк, написанных на большом листе бумаги.

«Саламби! Очень жаль, что нам не пришлось встретиться. Я только теперь случайно от Маленькой Нины узнал, что ты ожидала меня на берегу Волги. Она же мне объяснила твой уход из института. А в тот злополучный вечер меня встретила Муза и пригласила в кино. Она не передала, что ты ждешь меня. Она сказала, что Вирьялов якобы сделал тебе предложение, что у тебя есть какой-то ребенок и что ты на два дня уехала в деревню. Эти вести, не скрою, очень огорчили меня, и я тогда старался ни с кем о них не разговаривать. На следующий день я выехал в Казань. Теперь раскаиваюсь. Очень хочется встретиться с тобой. Буду ждать твоего ответа.

От души уважающий тебя А. А.»

Саламби несколько раз перечитала письмо. Холодом веяло от этих «А. А.» и слова «уважающий». Не того ждала она.

«Нет, не любит он меня, — вздохнула девушка. — Ни слова о Валерике. Как же он относится к моему поступку? Пошел с Музой в кино. Допустим, что это случайность. Почему же он так долго мне не писал?»

Саламби сунула письмо в карман и вышла в сад.

Холодный осенний дождь хлестал по голым деревьям. Под ногами хлюпали лужи.

Его письмо походило на этот ненастный день.

«Ведь ни одного теплого слова! — говорила она себе. И тут же ее сердце смягчалось. — Но ведь он не Вирьялов. Он не так-то легко признается в любви. Такой будет умирать от сердечных ран, а скажет, что зубы болят. Он ведь пишет, что раскаивается, что очень хочет встретиться со мной».

Продрогшей от холода вернулась она в дом. Валерик кинулся ей навстречу, повис у нее на руках.

*

Через несколько дней Саламби вызвали в правление колхоза.

Секретарь партийной организации Григорий Петрович Борисов предложил ей свой стул, а сам прислонился к подоконнику. Взглянув на девушку своими черными немигающими глазами, он застегнул верхнюю пуго-

вицу потертого кителя и повернулся к председателю колхоза.

Председатель, Федор Иванович Яшманов, безбородый старик с седыми волосами и румяным полным лицом, почтительно поднялся и торопливо заговорил, словно боясь, что его остановят в самом важном месте. В первую мировую войну он был контужен и с тех пор немного заикался.

— Мы решили с тобой побеседовать. Ты как теперь, в институт не вернешься? — спросил он.

— Мама болеет, еле-еле ходит, — ответила Саламби, глядя на председателя. Потом, посмотрев на Борисова, добавила: — Трудно будет мне нынче одной, да и Валерик...

— Как он себя чувствует? — спросил Борисов.

— Хорошо.

— А как с молоком? Корова-то у вас недойная?

— Пока помогают соседи.

— Мог бы и колхоз помочь, — обратился он к председателю.

— За этим дело не станет, сейчас же распорядимся, — ответил Яшманов и энергично провел руками по волосам. — Так ты, значит, решила зиму провести дома?

— Да, придется жить дома до следующей осени, а там с нового учебного года поглядим. Поработаю в колхозе.

Федор Иванович бодро выпрямился.

— Вот об этом мы и хотели с тобой поговорить. Где будешь работать?

— Если можно, снова телятницей. Ферма недалеко от дома.

— Лена Михайлова говорила нам об этом. Телятницей, телятницей, — весело повторил Яшманов. — А не обидно тебе будет?

— Чего же обидного? Я ведь учусь на зоотехническом отделении. Мне будет очень полезно поработать на ферме.

Федор Иванович хитро взглянул на Борисова.

— Мы тоже так думаем, — заметил Борисов. — Конечно, товарная наша ферма — отстающий участок. Идем тебя на место Маши Степановой.

— А что она?

— Да очень разленилась. Пусть немножко поработает твоей помощницей, подучится.

Борисов взял свое пальто, перекинутое через спинку стула.

— Когда, значит, выходишь на работу? — спросил председатель.

— Готова хоть завтра.

— Узнаю род Акрамовых! Да ты там, смотри, не давай спуску этим Машам-Дашам! Завфермой Шамбулкин тоже хорош — что ни день, то у него праздник, под хмельком ходит.

*

Саламби и Борисов пошли на ферму.

Григорий Петрович еще до войны был одним из лучших в колхозе работников. Его не раз премировали в дни акатуя¹. Тогда Борисова, бойкого черноглазого парня, все звали просто Гришей. Никто не мог догнать его в беге или переплясать в праздничных соревнованиях. Он был комсомольцем-активистом, селькором. Играл в местных спектаклях.

До войны Борисов заведовал молочнотоварной фермой в колхозе. В сорок втором его тяжело ранило под Сталинградом. Он вернулся домой и работал кладовщиком. Недавно Григория Петровича выбрали секретарем партийной организации.

— С животноводством мы отстали, — говорил он, тяжело волоча раненую левую ногу. — Построили в этом году новый телятник, а телятницы работают с ленцой. Одна Лена Михайлова старается. Предупреждения и выговоры тут мало помогут. Нужно зажечь людей хорошим примером. Ты, Акрамова, комсомолка. На тебя надеемся.

— Буду стараться по мере своих сил.

— Надо, чтобы все старались по мере своих сил, — улыбнулся Борисов. — Нелегко будет тебе.

— Знаю, что нелегко, — ответила Саламби.

Коровник и телятник были отделены от деревни оврагом, у колодца и корыт для водопоя толпилась, меся грязь, скотина.

— Мученье, что нет на ферме водопровода, — заметил Борисов. — Хотели нынче начать строительство, да не су-

¹ Национальный праздник.

мели. В день на каждую корову надо по пять-шесть ведер воды — и поить и мыть. Попробуй-ка натаскать столько!

У телятника они встретили Лену Михайлову, сгребавшую в кучу навоз.

— Здравствуйте! — улыбнулась она, встречая гостей, подтянула широкий солдатский ремень, поправила выбившиеся из-под платка русые волосы.

— Салам, Михайлова! Одна работаешь! А где Маша с Дашей? — спросил Борисов.

— Ушли на обед.

— Почему не закончили уборку?

— Я говорила Маше, чтобы не уходили.

— А она?

— Она, как всегда: «Проголодаюсь — и соринку не подыму». Уговорами ее не проймешь.

— Обедают, значит... А Шамбулкин здесь?

— Павел в общежитии. Недавно откуда-то вернулся. Муху, говорит, раздавил...

— Сильно пьян?

— Да разве разберешь?! Был у Машиной снохи. Позвать, что ли?

— Не надо. Сами к нему зайдем. А теперь принимай новую телятницу.

— Правда? — Лена бросила радостный взгляд на Саламби. — На место Павла или старшей доярки?

— Телятницей. Говорила же тебе раньше, — ответила Саламби.

— Вместе, значит, будем работать!

*

Борисов и Саламби заглянули в общежитие. Шамбулкин, храпевший на лавке, мгновенно вскочил, поправил на себе гимнастерку.

— Здравия желаем, Григорий Петрович! Салам, Саламби! Из-за дождя, наверное, сон одолел меня. Вон как льет. Видно, сам господь хватил стакана два первача. Прошу присесть.

— Дождя-то давно уже нет, — строго посмотрел на него Борисов. — Зря свою вину на бога валишь. Да и присесть-то у тебя не на что, нечисто живешь.

— Приказывал девочкам, чтобы тут был порядок, как в танковых частях,— пытался замять неприятный разговор Шамбулкин,— да они куда-то ушли. Одна Лена, как пчела, трудится.

— Об этом поговорим вечером, на людях,— оборвал его Борисов.— А пока принимай новую работницу. Познакомь ее с обязанностями, с порядком на ферме.

Шамбулкин изменился в лице, растерянно погладил рыжие волосы.

— Разве меня уже сняли?

— Я к вам телятницей,— сказала Саламби.

— А-а-а,— посветлел Шамбулкин.— Очень рад! С чем же тебя знакомить? Выделим тебе, значит, двадцать пять телят. По уставу положена помощница. Маша будет, да? А когда их поить, кормить, чистить — вон на стене распорядок, можешь прочитать.

— Ты сначала покажи ей ферму, телят,— вмешался Борисов.

— Ферму? Телят? Пожалуйста!

Шамбулкин решил показать сначала телят, закрепленных за Михайловой.

— Вон они, ее воспитанники,— не без хвастовства произнес он, показывая на чисто убранные клетушки, в которых содержались телята. У телят Маши Степановой было по-другому: навоз не убран, телята грязные, на полу валялась дощечка с кличкой телки.

— Скоро же ты, товарищ ефрейтор, забыл порядок танковых частей,— упрекнул его Борисов.

Шамбулкин защищался:

— Сколько раз я говорил ей, чтобы не уходила на обед, пока не кончит уборку. Не слушается.

— Эх, танкист, танкист! Муху, значит, раздавил?

Шамбулкин покраснел, как вареный рак. Опустив голову, он ковырнул носком сапога ком навоза. Теперь Павел походил на рассвирепевшего быка, который собрался боднуть своего противника.

Они вышли из телятника и остановились у высокой навозной кучи.

— Что же до сих пор в поле не вывезли? — спросил Борисов.— Или ждешь, когда председатель колхоза напомнит?

— Просто рук не хватает,— оправдывался Шамбулкин.— Завтра все очистим.

— А как у вас с механизацией? — спросила Саламби Павла.

— Какая тут механизация? Будто не знаешь. Водопровода нет, автопоилок нет, воду таскаем ведрами, корм с гумна доставляем на тачках или тележках. Корнерезка, жмыходробилка, тачки — вот и вся механизация. Многое приходится делать вручную. И за все с меня спрашивают,— запальчиво произнес он.

— Но разве нужна картофелемялка, чтобы вычистить телятник и двор? — заметил Борисов.— Знаешь ведь, сколько новых построек поднял колхоз в этом году? Всего сразу не сделаешь! Наш колхоз еще не миллионер. Придет время — все приобретем. А вот навозные кучи, которые высятся на твоей ферме, как египетские пирамиды, нужно немедленно убрать.

— Затра же вывезем, Григорий Петрович.

— У «завтра» нет конца, говорят русские. Лучше собери-ка вечером народ, побеседуем. И ты, Саламби, постарайся прийти... Ну, как теперь — не отпало желание работать телятницей? Ведь здесь не совсем так, как написано в учебниках.

— Завтра выйду на работу,— ответила Саламби.

*

Вечерняя беседа на ферме длилась часа три.

Председатель колхоза, заикаясь сильнее обычного, отчитывал Шамбулкина. Тот безнадежно махал рукой:

— Один в поле не воин. Я старался, вся деревня знает...

— Разрешите мне,— слышался голос Пети Казакова, который после окончания института был направлен в этот район в качестве участкового зоотехника. Поправив черный галстук, Казаков обвел всех испытующим взглядом.

— Я думаю, что неправильно обвинять во всем одного Шамбулкина,— сказал он.

Яшманову это явно не понравилось. Он насторожился: «Уж не вздумал ли ты учить меня уму-разуму».

— Да, не один Шамбулкин виноват! — продолжал

Казаков, дерзко смотря на председателя.— Почему у вас в «Звезде» плохо, а в соседнем колхозе «Вперед» хорошо?

— У них лугов сколько! Да и в лесу скотина пасется,— раздраженно бросил Яшманов.

— А почему мы не можем пасти скотину в лесу? — наседал Казаков.— Тут, товарищ Яшманов,— произнес он спокойно,— дело в том, что ваш колхоз неправильно использует луговые угодья, неэкономно расходует корма. С самого начала лета пастбища затаптываются скотом. В июне, июле коровы ходят еще сытые, а в августе, сентябре уже недоедают, оттого и худеют, снижается удой. Не так ли?

— Правильно,— поддержал кто-то из доярок.

— Плохо организована заготовка кормов,— не унимался участковый агроном.— Особенно плохо — сочных кормов. Сажаем корнеплоды, а о прополке, рыхлении почвы забываем. Говорим, руки не доходят, на божью милость надеемся. А как идет заготовка силоса? В прошлом году много силоса испортили потому, что плохо ямы укрыли, плохо силос утрамбовали.

— Правильно! Правильно! — раздалось несколько голосов. Громче других кричала Лена. Яшманов бросил не нее недовольный взгляд. Борисов, не поднимая головы, записывал что-то в блокнот. Шамбулкин слушал зоотехника с явным удовольствием; он самодовольно поглаживал свои короткие волосы.

— Стога сена и нынче находятся далеко от фермы. Вокруг стогов нет оград,— продолжал Казаков.— Часто можно видеть, как к стогам подбирается скотина. А мало ли сена пропадает по дороге, когда возят его зимой с поля на ферму? Бывает так, что иной возчик забудет захватить с собой притужину, сам ляжет на сено и гонит лошадь. А сено охапками падает с воза. Да и скармливается оно без учета. Говорим: «кормовой баланс», «план». А есть они у вас? Составлены для виду, по требованию районных организаций. В начале зимы корма расходуются на глаз, а к весне коровы вынуждены «читать газеты»...

Саламби привыкла видеть Казакова в городе, среди студентов. Сейчас он открылся ей с новой стороны. Слушая его, она думала: «Молодец Петя!»

— Вы все знаете установленный порядок дня на ферме — вот он перед вами. — Казаков указал на прикрепленную к столбу доску. — Корова, приученная к точному режиму, дает высокий удой. А если этот режим нарушен? А вы часто его нарушаете. Да посмотрите, сколько тут грязи. В колхозе «Вперед» больше порядка, потому у них и удой выше. Вы соревнуетесь с ними, но ни разу у них не были, не познакомились с их опытом. Опять руки не дошли?

— Режим, чистота, порядок, — повторил Шамбулкин. — Я старался, вся деревня знает. Попробуй заставь таких, как Маша Степанова. Гнать их надо!

— Гнать? — возмутился Борисов. — Но с кем же мы будем работать? Людей нужно воспитывать, учить, а не гнать.

Борисов хотел было напомнить, как хорошо работала та же ферма до войны, но умолчал об этом: тогда ведь он сам заведовал фермой...

— Вам известно, что в годы Отечественной войны, — напомнил Григорий Петрович, — мы дважды удостоились переходящего Красного знамени Государственного комитета обороны?

Он медленно оглядел всех и обратился к Шамбулкину.

— А тебя, Павел, похвалить сейчас не за что. Ты валишь всю вину на Степанову. Но разве одна Степанова виновата в том, что на ферме нет порядка? Ты ходишь по деревне да «наступаешь на муху». И за это, по-твоему, тоже отвечает Маша?

Шамбулкин распахнул от жары шинель, рукавом вытирал катившийся по лицу пот.

Борисов между тем говорил:

— Казаков, конечно, прав, что виноват не один Шамбулкин, но и парторганизация, правление колхоза. Мы больше боролись за хлеб, чем за подъем животноводства. Так дальше продолжаться не может.

После Борисова выступили доярки. Взяла слово и Лена. Она пристыдила своих подруг — Машу и Дашу.

С того вечера между ними пробежала черная кошка.

В жизни далеко не все так, как в театре. В ином спектакле за три-четыре часа перед тобой пройдут такие события! Что ни минута — то актеры радуются или плачут, любят или ненавидят, восхищаются или проклинают, спасают или убивают. Видишь целую человеческую жизнь. Да не одну! Но настоящая жизнь человека длится не три-четыре часа. И случается так, что проходят дни, недели, месяцы, а то и годы, и человек никого не проклинает и не любит, не спасает и не ненавидит.

Три месяца проработала уже Саламби на ферме. Можно ли назвать какое-нибудь событие, происшедшее за это время в ее жизни, которое она надолго сохранила бы в памяти?

Когда подморозило, Саламби продала свои новые чешанки и два ношенных платья, чтобы приобрести Валерику теплое пальтишко; продала и собранную себе на валенки шерсть, чтобы купить ему санки и лыжи.

Не останется, пожалуй, в памяти то, что она изо дня в день трудилась, радовалась, печалилась. Так ведь всегда и со всеми бывает. Один день был похож на другой.

Но приходят порой неожиданные горести и радости. Приходят не так быстро, как на сцене. И похожи они на тучу, плывущую из-за горизонта к жаждущей ниве, несущую ей то ли желанный дождь, то ли непрошенный град.

НЕЗАЖИВШАЯ РАНА

Саламби сидела дома, обедала и одновременно листала книгу.

Прибежала Лена. Вместе с ней в комнату ворвались клубы морозного воздуха. Лицо девушки покраснелось, словно спелая калина, а из-под заиндеветых ресниц светились озорные глаза. Она, как ребенок, зубами стянула свои перчатки и, дуя на окоченевшие пальцы, начала их растирать.

— Где, Валерик, Саламби?

— У соседей. Скоро, наверное, придет! Раздевайся, присаживайся. Вот книга, которую нам из района прислали.

— Почему один экземпляр?

— И за это благодари Казакова. Да раздевайся, чего стоишь, как на чужой свадьбе?

Лена сняла пальто и, присев у стола, стала торопливо перелистывать книгу.

— Хороша,— сказала она, просматривая оглавление.— Очень ценная книжка для нас, телятниц. Тут есть даже последние постановления о развитии общественно-го животноводства.

Саламби убрала посуду, протерла пол мокрой тряпкой, натопила в другой комнате маленькую железную печку.

Лена, держа в руках снятые валенки, в одних шерстяных носках пошла за ней и положила валенки сушиться. Потом она села на плетеный стул возле столика, заваленного стопками книг, и осмотрелась.

За печкой, рядом с книжным шкафчиком, виднелась постель со взбитыми подушками. Правее стояли три чемодана, положенные друг на друга, и сундук старинного образца. «Невестин сундук»,— решила Лена. Постель была застлана белоснежным покрывалом с узорами; белоснежны, узорчаты были и занавески и скатерть. Листья фикуса блестели, точно умытые дождем. Веяло теплом и уютом.

На стене между двумя окнами висели фотографии. Лена принялась их рассматривать: она любила рассматривать незнакомые фотографии, стараясь разгадать образ жизни, характер неизвестных ей людей.

Вот большая фотокарточка студентов сельхозинститута. Рядышком — друзья Саламби; Лена знает их по ее рассказам. С фотографии смеется Казаков; Большая Нина смотрит прямо вперед; по-солдатски вскинув голову, застенчиво улыбается Маленькая Нина; задумчив Саламов; сердито, исподлобья, смотрит Алмазов. У фонтана стоят четверо: Саламби, Алмазов, Вирьялов и Муза; двое последних улыбаются друг другу.

... С треском горят дрова в железной печке, бока ее раскалились докрасна; на полу, наслаждаясь теплом, растянулась мохнатая серая кошка. Она помахивает от удовольствия хвостом.

В сенях сильно хлопнула дверь, а затем с грохотом упало со скамейки пустое ведро.

В комнату вошла Маша. Снимая с головы теплый платок, она затараторила.

— Ой, Саламби! К вам гость! Своими глазами видела. Ослепнуть мне, если вру!

— Какой гость? Где видела?

— Да вот шла я к Даше и увидела. И сразу побежала к вам...

— Кто же это?

— Откуда мне знать!.. Только я своими глазами видела, как он на лыжах прямо к вам в сад заехал...

— Может быть, Саланов из Турикаса? Он постоянно ездит на лыжах,— подсказала Лена, быстро надевая валенки.

— Нет, Семен недавно приезжал на занятия кружка. Теперь у него здесь и дела будто бы нет.

— Да я знаю Саланова. Этот никак на него не похож. Совсем чужой,— настаивала Маша.— Я забежала предупредить. И скрылась за дверью.

Саламби схватила валенок, хотела его надеть. В это время в сенях раздался мужской голос:

— Здравствуйте! Дома хозяева?

— Дома, дома! Все дома!—шумела уходящая Маша. Саламби застыла у печки с валенком в руке.

— Можно? — Кто-то постучался в дверь...

— Можно,— ответила Саламби.— Войдите...

Девушки насторожились.

У открытой двери появился Алмазов.

Брови и ресницы его заиндевели и казались серебряными, такими же, как и опущенные уши каракулевой шапки и каракулевый воротник пальто.

— Привет вам! — Он снял шапку и, улыбнувшись, кивнул головой.

Саламби растерялась.

— Добро пожаловать.

Она пошла ему навстречу, не бросая валенка и не протягивая руки.

— Проходите... раздевайтесь!..

Ее волнение невольно передалось Алмазову. Он еще в дороге придумал было все слова, которые должен был сказать здесь, но теперь все вдруг вылетело из головы.

— Я, пожалуй, не буду раздеваться,— сказал он, не отдавая себе отчета в том, что говорит.

— Проходите,— повторила Саламби, из-за растерянности не найдя других слов, чувствуя, как кровь приливает к ее щекам. Рука с валенком, сразу как-то отяжелев, опустилась.

Алмазов перешагнул порог.

— Познакомьтесь, это моя подруга Лена.

— Анатолий,— протянул он руку. Только тогда Саламби вспомнила, что она-то не подала ему руки.

— Простите, я сию минуту,— сказала она, схватив второй валенок, и выбежала в соседнюю комнату.

«Вот и снова пришлось встретиться! — старалась успокоить себя Саламби.— Я думала, что все кончено, забыто, а костер еще не погас».

Алмазов тем временем присел и увидел на стене свою фотографию. «Значит, прав Семен: не забыла»,— с радостью подумал он. Но радость эта была мгновенной. Рядом он разглядел Музу и Вирьялова. Мелькнула мысль: «Значит, она хранит мою фотографию просто как память о прошедшем».

Вошла Саламби, стала у книжной полки.

— Вы давно в наших краях? — спросила она и потерла правую бровь.

— Четвертый день. Я записываю песни верховых чувашей. Остановился у Саланова. Скоро снова уеду в консерваторию. Решил заглянуть в вашу деревню.

Саламби слушала и думала: «Не до конца угасла любовь. Под золой еще тлеют угли».

— Я хотел бы увидеть мать Валерия Семенова,— сказал вдруг Алмазов.— Где она живет?

Саламби не могла и слова проронить.

— Они живут на Верхней улице,— ответила за нее Лена.

Алмазов спросил:

— Саламби, вы могли бы проводить меня к ней?

— Могу,— ответила она, овладев собой.— Сейчас оденусь.— И вышла в другую комнату.

— Вы, кажется, были фронтовым товарищем Валерия? — спросила Лена, поправляя волосы и платок.

— Да, он был моим лучшим другом.

— Я много о вас слышала.

— От кого?

— Валерий мне часто писал с фронта. Он очень хорошо отзывался о вас. А после Саламби рассказывала...

Лена не договорила. Вошла Саламби.

«В новогоднюю ночь там, на площади, она была одета точно так же», — вспомнил Алмазов.

Иней на его бровях и ресницах растаял, и по щекам покатались капли. Он вытер лицо платком.

— Лена, — сказала Саламби подруге, — ты посиди, пока не прогорят дрова в печке. Скоро должна вернуться мама с Валериком. Мы вместе потом пойдем на ферму.

*

Они шли рядом. Каждый думал о своем, но нельзя было молчать.

— Не скучно в деревне?

— Некогда на работе скучать.

— Переписываетесь с институтскими друзьями?

— Маленькая Нина пишет частенько, а с другими встречаюсь: Саланов, как вы знаете, живет в соседней деревне, Казаков у нас участковый зоотехник, Большая Нина была недавно у меня в гостях. Все они очень любят Валерика, балуют...

Саламби почувствовала себя обиженной: «Почему он не заговорит о мальчике?»

— Получили мое письмо? — осторожно спросил Алмазов.

— Да, получила.

Его задело за живое, что она с ним так сухо разговаривает. Он не догадывался о ее волнении и не мог представить себе, каких усилий ей стоило это внешнее хладнокровие.

— А как с институтом? Не собираетесь вернуться? — спросил он.

— Осенью обязательно вернусь. А пока поработаю в колхозе, обеспечу семью. Мама болеет, все хозяйство держится на мне.

Потрескивали от мороза старые ветлы, поскрипывали на дороге санные полозья, на деревьях сверкали снежинки, словно маленькие лампочки на новогодней елке. Де-

вушка ничего этого не замечала. Она была поглощена одним: «Зола разворошена. Тлеющие угли горят последним жаром...»

*

Мать Валерия растерянно встретила Саламби и незнакомого юношу.

— Уж и не знаю, чем могу служить вам... Колюшка еще не вернулся из школы. Мороз крепкий. Может, и заночует в Турикасе.

— Я пришла с фронтовым другом Валерия, — ласково ответила Саламби, — с тем самым, который прислал вам письмо. Вот, познакомьтесь.

... Тяжело было Алмазову рассказывать матери о гибели ее сына. Тяжело было видеть материнские слезы.

— Посидите, посидите еще, — говорила она, всхлипывая. — Никакими слезами уже не вернешь его. Жаль, что нет Коли. Он очень хотел повидать вас...

*

Саламби было приятно, что Алмазов с таким душевным участием относится к памяти Валерия. Так сердечно рассказывал о нем. Анатолий был, несомненно, его верным другом. Может быть, за это и полюбила его Саламби?..

— Зайдем к нам, — сказала девушка, когда они вышли во двор. — Валерика увидите. Он, наверное, теперь дома.

— Уже поздно. Да и выюга, кажется, собирается, — ответил Алмазов.

— Ну, если уж так торопитесь, провожу вас до околицы.

Тихо было кругом. Под толстым слоем снега тяжело свешивались ветви деревьев.

Алмазов взял прислоненные к сараю лыжи.

У Саламби язык словно прилип к гортани. Она хотела остановить Алмазова, задержать его. Ведь нельзя было так просто расстаться с ним. Но она лишь спросила:

— Кто помог вам найти мой дом?

— Семен сказал, что на самом краю вашего участка стоит одинокая яблонька. Вот по ней я вас и нашел.

Она грустно улыбнулась.

— Это моя любимая яблоня.

Слово «любимая» Саламби произнесла как-то особенно ласково, тепло, и Алмазов вдруг почувствовал, что это относится не только к яблоне, но и к нему...

Они взглянули друг на друга. В голубых грустных глазах Саламби заблестели слезы. Из-под платка выбились пряди волос. Они заиндевели, и девушка казалась седой.

— Прощайте! — сдержанно говорили они друг другу, но в душе у каждого было другое: «Не забывай меня... Мой дорогой... Моя любимая...»

В эту минуту Саламби казалось, что от нее уходит ее молодость, ее счастье.

«Уходит... ушел...»

«Чьювк! Чьювк!» — втыкаются в снег лыжные палки с железными наконечниками.

Гордый! Он, конечно, не оглянется назад. Вот он скатился в овраг, вот уже выехал в поле...

Через поле прошел след: две линии тянутся рядом, не расходятся и не сходятся.

«И любовь наша подобна этой лыжне», — подумала Саламби.

Вскоре поднялась вьюга и стала заметать лыжный след.

ДАЛЕКОЕ

В воскресный вечер после очередного занятия зоокружка Саламби пригласила Саланова к себе.

Услышав знакомый мужской голос, Валерик выбежал в сени, повис у Саланова на руках. Тот посадил мальчика на плечи и вошел в комнату.

Раздевшись, он забавлялся с Валериком, беседовал с матерью Саламби о колхозных делах, об общих знакомых. Девушка затопила железную печку, поставила на нее чайник с пивом. Потом позвала Саланова в свою комнату.

Саланов сразу же обратил внимание на фотографию Алмазова. «Трудно, говорят, сойтись с человеком, но еще труднее, видно, разойтись, с ним», — подумал он.

— Можешь курить, — сказала девушка, ставя на стол пепельницу.

— А я вот здесь, по-солдатски,— Семен подсел к железной печке.

— Из города пишут? — спросил он.

— Одно время Нина писала, да и та что-то замолкла. Саланов вытащил головешку из печки и прикурил.

— Был у меня Алмазов,— снова заговорил он.— А я возьми да и скажи ему, что видел у тебя его фотографию. Он тут же на лыжи — и полетел к тебе...

Саламби словно пробудилась ото сна. Глаза ее заискрились. Чтобы не выдать своего волнения, она повернулась к гостью боком и склонила голову на ладонь.

— А возвратился он вечером, в самую выюгу,— продолжал Саланов, делая вид, что не замечает замешательства Саламби.— Я лежал в своей комнате и что-то читал. Вошел он ко мне и говорит: «Завтра уезжаю в Казань». Я попытался его удержать: «Ты же хотел еще поездить по району. Я обещал свести тебя со здешними Гавриилами Федоровыми»¹. А он ничего не ответил. Выпил только стакан водки и лег спать. А ведь он и в рот ее, водку, не брал. Я несколько раз хотел его угостить, он все отказывался: «Не надо,— говорит,— я пью только пиво. Оно у вас замечательное. Недаром сам Пугачев хвалил пиво верховых чувашей...» Так он ничего и не сказал. Гордый, черт! А рано утром поднялся и, не разбудив меня, уехал. Если бы я проснулся, я не отпустил бы его, силой затащил бы к тебе.

— Силой? — вырвалось у Саламби. — Зачем же? На силу мил не будешь...

Помолчав, Саланов словно спохватился и продолжал:

— Я не рассказывал тебе, как познакомился с ним?.. Это было осенью, в год победы. Мы, демобилизованные, ждали в Порт-Артуре транспортного парохода, чтобы ехать домой. Недалеко от порта был большой фруктовый сад, а в середине сада — роскошный особняк, принадлежавший, видимо, какому-то богатому самураю. Хозяева покинули дом, и он стал необитаемым. Вдруг оттуда послышалась музыка. Солдаты побежали к дому. Я тоже побежал.

На открытой веранде стоял рояль, у рояля сидел наш солдат и наигрывал. Музыка была довольно необычная.

¹ Г. Федоров, известный чувашский певец-импровизатор.

Проиграет солдат отрывок из одного произведения, потом принимается за другое, из другого тоже небольшой отрывок играет. И так без конца.

Подхожу я к пианисту и вижу: перед ним куча нотных альбомов. Откроет он страничку, проиграет кусочек и листает дальше.

Играл он, ни на кого не глядя, с какой-то жадностью, будто боялся, что ему не дадут проиграть все мелодии, собранные в этих альбомах: Бетховен, Чайковский, Шопен, Рахманинов. Слышалась и новая для нашего слуха музыка: китайская, японская.

Пианист перелистал все ноты и начал играть без нот.

И тут я сразу узнал чувашские мелодии. Зазвучала наша «Пчелка золотая». Я заговорил с музыкантом почувашски. Он, конечно, обрадовался встрече с земляком. Весь вечер потом бродили мы с ним по городу. О чем только не рассказывал он мне! И об Иване Яковлеве¹, и об Иакинфе Бичурине², и о Михаиле Сеспеле³...

Саланов, увлекшись, вспомнил, как Алмазов посвятил его тогда в историю любви Валерия и Саламби.

Алмазов не подозревал, конечно, тогда, что он встретится с этой девушкой и влюбится в нее и что ее сердце откликнется на его зов... С тех пор прошло уже больше трех лет. Не погиб ли теперь для нее Алмазов, как и Валерий! Нужно ли ей так много говорить о нем.

— Ну и засиделся я у тебя, словно корни пустил,— поднялся Саланов.— Надо торопиться домой.

— Что ж, иди, если дело какое есть. Я провожу тебя до околицы. Вечерний гость, говорят, сон с собой унесет, если не проводишь его до ворот. Не спеши, успеешь. Выпей вот пива. Это то самое, что Пугачев когда-то хвалил.

Под ногами звонко хрустел снег. Стояла звездная ночь.

Они расстались у крайнего дома.

— Счастливого пути, Семен! Хорошо с тобой, как с родным братом. Поговорю, и легче становится на душе. Уж какую девушку осчастливишь, не знаю...

¹ Педагог, писатель, просветитель.

² Известный синолог (китаист) XIX века

³ Основоположник советской чувашской поэзии.

Саланов засмеялся. Ему хотелось сказать: «Саламби! Скоро я женюсь! Беру девушку такую же замечательную, как ты!» Но он постеснялся своего счастья и промолчал.

БЕСПОКОЙНАЯ ЗИМА

Целыми днями Саламби пропадала на ферме. Она уже успела завести там свои порядки. Все были довольны ее работой. Только Маша продолжала дуться на свою «старшую».

— Все носят Саламби на руках, и в газете, и на собраниях хвалят, — с завистью говорила Маша. — А она ничего еще не сделала. На чужое, готовенькое, пришла. Немало мы здесь до нее трудились, не одну пару сапог износили.

— Не одну, — поддакивала ей Даша, но про себя все же думала о Саламби другое.

Конечно, ничего особенного Саламби не сделала. Но кое-чему у нее можно поучиться.

До ее прихода на ферму молодняк, например, брали в телятник лишь на двадцатый день после отела. Телята болели, даже погибали. Саламби бережно ухаживала за молодняком и уже через неделю переводила телят в телятник. Двадцать дней поила она их молоком, а иных, слабых, и дольше.

Маша сперва ворчала, но, увидев, что телята у Саламби растут быстрее, смирилась.

Раньше новорожденных телят поили разным молоком: и прокисшим, и от чужой матери. Саламби стала давать им только свежее молоко.

— Все по-книжному делает. А как же, ведь в институте училась. Научная девица, — ехидничала Маша. Но вскоре сама начала поить телят парным молоком.

В прошлом, когда Шамбулкин только приступил к работе на ферме, все здесь ходили в белых халатах. Он ведь заводил порядок, «как в танковых частях». Вскоре, однако, эти халаты застряли в общежитии, а люди работали в чем попало. Саламби ежедневно появлялась на ферме в белом халате. Это восприняли, как укор. Пришлось всем надеть белые халаты.

Тормозил, конечно, Шамбулкин. Его как бы тащили на аркане.

— Совсем не узнаю Павлушу, воду, и ту пьет по сто грамм,— жаловалась соседкам его мать.— И пошто надо было делать его начальником? Взялся было поставить новый сруб, а бревна теперь вон под снегом валяются. В гнилой избушке живем, перед людьми стыдно.

На ферме только и слышно было: «Того нет, другого нет».

— Все будет, девицы-красавицы,— утешал Шамбулкин.— Вот пойду и все устрою.

Он действительно уходил, но возвращался к вечеру «под мухой».

— Ты опять угорел в нетопленном магазине? — сказала ему однажды Саламби.

— Попал случайно «под муху», — виновато улыбнулся он в ответ, тормоша свои рыжие волосы.

— Эх, Павлуша! Ты где-то погрелся, а телята мерзнут.

— Когда мне тепло, и телятам не холодно,— сострил Шамбулкин.— Не люблю московскую сорокаградусную,— разоткровенничался он.— От нее сердце у меня болит. А как дернешь стакана два первача, так будто бы в бане попарился. Сразу на душе веселее.

Саламби смотрела на него строго, осуждающе.

— Теперь мне все равно! — выкрикнул он.— Слышишь? Все равно. Снимают меня с работы. Я это знаю. Борисова назначают вместо меня. Хватит! Работал — вся деревня знает! Коровы после войны на своих ногах не могли стоять, а я их поднял. Собрал было себе деньгу на постройку дома, да все колхозу отдал. Тогда кричали: «Шамбулкин патриот!» А теперь... Пусть поработают без меня! Все на словах молодцы. Посмотрим, как оно на деле получится.

Послышались голоса Маши и Даши. Саламби ушла к телятам. Шамбулкин растянулся на лавке и притворился спящим.

— Это все Саламби устроила,— говорила Маша.— Она добилась того, что Шамбулкина сняли. Это она сделала его посмешищем. Это Саламби...

Маша не успела договорить, как вскочил Шамбулкин.

— Заткнись! — заорал он.— Слышишь? Чтобы ни одного больше худого слова о Саламби. Вы готовы соринку заметить в чужом глазу, а в своем и бревна не увидите.

Шамбулкин запнулся, сел на лавку и низко опустил голову.

— Эх, девушки,— сказал он уже добродушно.— Не знаете вы Саламби. Душа-то у нее какая! Во всем виноват я сам. Разве Шамбулкин был раньше таким?!

*

Павел и в самом деле был другим.

Его назначили заведующим фермой в то тяжелое послевоенное время, когда, чтобы прокормить скотину, приходилось снимать с крыш солому, рубить ветки ветел. Павел отдал тогда колхозу три воза собственного сена. Он ничего не жалел для колхоза. Об этом несколько раз писали в районной газете.

Но парень постепенно стал зазнаваться, не обращать внимания на добрые советы товарищей, пристрастился к водке. Его не раз критиковали на собраниях. Он обещал исправиться. И в самом деле, две-три недели после этого усердно работал, не пил. Но потом снова срывался.

Раньше он любил почитать интересную книжку. Теперь даже газету не просматривал. В клуб заглядывал только для того, чтобы встретить кого-нибудь из собутельников.

... На столе у Марусиной снохи появлялись четверть аршали¹, лук и соль. Пили, ругались, хвастались умом и удалью.

Шамбулкин затягивал свою любимую песню.

И сова во лесу —
Да не птица ли?
И коза во хлеву —
Не скотина ли?..

Наутро Павел стыдился самого себя, не смел показаться на глаза родной матери.

Он отправлялся на ферму. Но как на грех по дороге встречал вчерашних друзей, и у него не хватало сил устоять перед искушением пойти «причаститься».

На ферму он приходил поздно. Голова гудела. Не до работы было. Он брел в общежитие и засыпал, примостившись у печки.

¹ Чувашский самогон.

В этот последний день своей работы заведующим Шамбулкин явился на ферму совершенно трезвым. Он ходил по двору, глубоко засунув руки в карманы черного дубленого полушубка и передавал Борисову хозяйство.

Даша с грустью следила за своим возлюбленным. Хотя Павел давно уже не обращал на нее внимания, она все сильнее и мучительнее любила его.

Доярки и телятницы по-разному отнеслись к тому, что сняли Шамбулкина. Одних радовало назначение Борисова: раньше, до войны, когда он был заведующим, ферма занимала первое место в районе. Другим было жаль Павла: как-никак, при нем вольготно жилось.

— Вот так, Григорий Петрович, — расслышала Даша последние слова Шамбулкина, обращенные к Борисову.

«Что они могли бы значить?» — подумала она.

Борисов, волоча раненую ногу, подошел к девушкам, тепло им улыбнулся:

— Ну, друзья, отныне будем работать вместе.

Он посмотрел на стенные часы-ходики, которые давно уже стояли, подвесил гирьку, что-то подкрутил, смазал и водворил их на место. Часы бойко затикали.

На другой день разнесся слух, что Шамбулкин не вернулся домой, а, мертвецки пьяный, заночевал у Марусиной снохи.

Худая слава скачет резвее коня, ее не взнуздать конопляным удилом: выпорхнет утром к колодцу вместе с пустыми ведрами и войдет во все дома вместе с полными; к вечеру она, стоустая, облетит всю деревню.

Даша, услышав у колодца, что говорили о Павле, опустила голову, надвинула на самые глаза платок, подняла ведра и заспешила домой. Она испытывала такое ощущение, будто в нее бросили камень. Поставив ведра у заднего крыльца, Даша побежала во двор, к куче соломы, уткнулась в нее головой и горько заплакала. Она вспомнила фронтовые его письма, осенние вечеринки. А сейчас... Было очень досадно.

Поскрипывал снег под санными полозьями; по улице, взвизгивая от мороза, металась с клоком соломы в зубах чья-то свинья. Из труб поднимался столбом к небу белый дым.

Почувствовав холод, Даша вошла в избу.

Она вспомнила все обидные слова, которые говорила о Саламби, и ей стало совестно: «Как я виновата перед ней!»

*

Борисов решил познакомить своих телятниц с делами турикаских животноводов. В Турикас посылали Лену с Машей.

— Да ведь все это нам известно,—заметила Маша— после того как Лена рассказала Борисову обо всем увиденном на турикаской ферме.

— А вы вот поделитесь своим опытом,—мягко предложил ей Борисов.

— Как это? — испугалась Маша.— Сейчас?

— Не сейчас, а хотя бы завтра. Соберем в клубе людей, вы и расскажете. Давно ведь работаете на ферме и опыт у вас богатый.

Девушка и испугалась и обрадовалась. Немало, конечно, она поработала, немало телят вырастила колхозу. Об этом действительно можно рассказать. Но как? Она ни разу еще не выступала перед народом. Кто мог бы помочь? Саламби! Она не откажет.

И вот, забыв прошлое, Маша делает первый шаг к примирению. Она берет тетрадку и вместе с Саламби до полуночи набрасывает конспект.

— Ну как, получилось? — беспокойно спрашивала она подруг после своего выступления.

— Хорошо, молодчина.

— Семь потов с меня сошло. Спасибо Саламби.

Маша в тот вечер танцевала дольше обычного: трех гармонистов утомила. А утром раньше всех взялась за работу.

Она стремилась уже сдружиться с Саламби.

Между девушками началось соревнование. Телятник преобразился. До чего скуп был на похвалы Казаков, но и тот не удержался:

— Давно бы пора, девушки. Скоро вы турикасцев за пояс заткнете.

— Если этого не добьемся, то недорого мы стоим!— бойко ответила Маша.

— Ну, смотри! Если отстанешь, замуж никто тебя не возьмет, скажет — дешево стоит,— пошутил зоотехник.— А в колхозе-то нет, пожалуй, невест дороже вас. Свахи, наверное, не дают покоя?

Казаков не зря упомянул о свахах. В тот день из Турикаса в Анаткас действительно приезжала сваха.

*

Валерик катался на салазках. Еще издали он увидел Саламби и с криком «мама! мама!» побежал ей навстречу.

— Мама, садись, я прокачу тебя.

И вот она, подобрав полы шубы и взяв на колени ребенка, покатила с ним с горки. На самом дне оврага они перевернулись и полетели в сугроб. Громко смеясь, вскочили на ноги, стряхнули друг с друга снег.

— Мама, садись, я довезу тебя до дому,— визжал Валерик.— Ты устала? Бабушка говорит, что ты много работаешь. Летом и я пойду с тобой в поле, буду помогать пасти маленьких телушек. Да, мама?

— Да, да, сынок, летом я обязательно возьму тебя с собой. А теперь садись на санки.

Мальчик послушался.

— Мама, а тебя хотят увезти в чужую деревню. Ты не уедешь? У бабушки хорошо, правда? Не уезжай, мама.

Саламби не сразу поняла, о чем речь.

— Кто хочет увезти?

— Приходила к нам одна нехорошая тетка, красная, как бурак, что у нас под печкой. Бабушка ей сказала: «Уходи!» И я тоже крикнул: «Уходи!»

Саламби задумалась: кто это мог быть?

Дома она спросила мать:

— Что за женщина была у нас сегодня?

Мать, накрывая на стол, неохотно ответила:

— Шляются по миру!.. Из Турикаса Варя, Марусиной снохи сестра.

— Каким ветром ее занесло к нам?

— Сватать тебя приходила. И рубашку надела наизнанку, как положено по обычаю.

— А парень что, разве немой? — усмехнулась Саламби.

— Недаром говорят: «Бесстыжая, как сваха», — ответила старушка. — Такого будто бы жениха во всей округе не сыскать: «Одевается, как министр, говорит только по-русски, а поет, как патефон». — «Чей же это такой министр?» — спрашиваю. «Да сын Кирилла Вирьялова — Левен. Он бесприменно, — говорит, — через два-три года, как окончит институт, будет получать большие деньги». — «Сына-то Кириллова знаю, — отвечаю ей. — И мать хорошо знаю: она тоже всегда, как и я, хворает. Бедняжка, все жалуется на него. Какая же девушка решится выйти за такого?». Но сваху разве смутить: даже бровью не повела. «И-и, — говорит, — если и такого парня не взлюбить! Разборчивой девке всегда достается вдовец. Нам, бабам, перед мужиками надо быть поласковой да попослушней, не осуждать их. Ведь и девица ваша не ахти. В институте, болтают, жила с каким-то артистом. Опять же ребенок». — «Откуда знаешь об артисте?» — спрашиваю. — «Да мне передавала племянница, а ей же на какого-то Ланкина рассказала. Она не станет врать, она тоже институт кончала и вашу дочь знает самолично».

— Что же ты ее метлой не выгнала? — возмутилась Саламби.

— Да почти что выгнала. «Не гуди, — сказала, — как пожарный колокол. Теперь не прежнее время, молодые сами за себя решают».

... Девушка сняла со стены фотографию Алмазова. Она стерла с рамки пыль и долго рассматривала до мельчайшей черточки знакомое лицо.

*

Саламби и Лена сидели во время обеденного перерыва в общежитии и слушали радио: передавали песни чувашских композиторов. Вошли Борисов с Казаковым.

— Салам, девушки! Вас-то мы ищем, — сказал Казаков.

Лена, показывая на приемник, приложила палец к губам!

— Есть серьезное дело,— прошептал Борисов.— Думаю, что вас не надо долго агитировать, сами все поймете. По удою молока мы должны догнать наших соседей.

— А мы здесь при чем? — удивилась Лена.

— Подожди, Михайлова,— остановил ее Борисов.— Знаю о чем думаешь. Вы, мол, телятницы, и вам нет дела до удоев? Как раз об этом мы и решили поговорить с вами. Вы не только телятницы. Вы прежде всего комсомолки. И кому как не вам решать трудную задачу. Вы должны быть впереди других. Вот мы и подумали: а что если к вам, двум телятницам, прикрепить по дойной корове? Справитесь?

— А как телята? — спросила Саламби.

— За телят, Акрамова, мы уж не беспокоимся. Им, ей-богу, неплохо... К тому же коровник-то рядом, в том же дворе.

— Не думал, что Саламби испугается,— поддел ее Казаков.

— Да я не с испугу спрашиваю.

— Значит, слушайте дальше. Вы возьмете на себя по одной корове и будете три недели их кормить, поить выводить на прогулку, доить. Все делать строго по-научному. Ежедневно будем следить за результатами. За три недели эти коровы должны повысить удои. Как думаете?

Девушки переглянулись.

— А согласятся ли доярки отдать нам своих коров? Ведь у них уменьшится заработок,— сказала Лена.

— Вот тут-то и загвоздка. Они, действительно, не захотят отдавать своих коров, то есть свои трудодни. «Что мы, сами не сможем?» — скажут они. Но у каждой доярки по десять коров. А нам нужно на двух подопытных коровах доказать, что можно в короткий срок поднять удои. В колхозе «Вперед» так и сделали. Результаты, как вы знаете, налицо.

— Но за этих коров мы вам не будем дополнительно начислять трудодни,— предупредил Борисов.— Имейте в виду.

— О чем тут говорить?! Я возьму одну корову,— объявила Саламби.

Не могла же Лена отстать от подруги.

*

Вскоре по деревне разнесся слух, что две коровы, над которыми шефствуют Акрамова и Михайлова, резко снизили удои. Первым зашумел об этом Шамбулкин, а за ним и другие.

— Нашлись ученые пастушки! — чесала у колодца язык Машина сноха. — Одна десять лет проучилась, а другая, кажись, лет пятнадцать? Коровьи учительницы!

— Пусть тешатся, — успокаивал девушек Казаков. — Через недельку увидим, кто прав. Коровы снизили удои потому, что изменился режим. Они к нему еще не привыкли. А через недельку привыкнут.

На второй неделе коровы и в самом деле прибавили молока. А на третьей обогнали рекордисток, хотя и считались по удою средними.

— Вот так нужно ухаживать за каждой коровой! — наставлял доярок Борисов. — И тогда, нет сомнения, через месяц мы обязательно догоним колхоз «Вперед».

*

Комсомольцы организовали воскресник, чтобы вывезти из лесу дрова для школы.

— Виктор, — обратилась мать Саламби к Мурзаеву, разгружавшему с Колей дрова на школьном дворе, — в лесу у нас тоже заготовлены дрова, воза два будет. Не дашь ли лошадь, чтобы их привезти?

— Сейчас сам привезу, — ответил Виктор. — Чурбаки большие. Вы с Саламби их не поднимете. Вот с Колей поедем и привезем. Коля, поворачивай лошадь!

— А где дрова, в каком месте? — спросил Коля.

— Я и сама не знаю, надо у Саламби спросить, — ответила старушка.

— Она, наверное, на ферме? — спросил Виктор и, не дожидаясь ответа, погнал туда лошадь.

Не прошло и двух часов, как дрова были привезены.

— Дубовые, хороши, чтобы блины печь, пиво варить, — радовался Виктор. — Есть вот и горькая осина, чтобы печную трубу прочищать. А еще осинное полешко полезно класть в кадушку, чтобы в ней капуста не пере-

кисала. Саламби, дай нам пилу, сейчас же, быстренько перепилим.

— Не надо, не беспокойтесь, сами сделаем. И за это спасибо!

Но ребята настояли на своем.

Пришли Лена с Дашей и взялись помогать им. Сюда же случайно заглянул и Казаков. Пошучивая, он начал колоть дрова. Работа кипела.

— Эй, комсомолия! Воскресник, что ли? — раздался вдруг пьяный голос. Все обернулись. Даша потемнела в лице.

Во двор через плетень лез Шамбулкин.

— Ты что же это, точно волк, скачешь через плетень, а не ходишь через калитку? — сказала ему старушка.

Павел, увидев ее, опешил.

— Виноват, не ругайте, мамаша.

— Не то что ругать, а бить надо, да поздно. Коли не били маленького, когда можно было еще поперек лавки положить, то теперь уж, когда и вдоль лавки не уместишься, бить бесполезно. И что ты, как уличная гармошка, горланишь? Эх, сынок, сынок! Поглядел бы ты на себя.

— А что, мамаша, чем плох?

— Надо работать, а ты...

— А что? Я минимум выполнил? Выполнил. И вообще...

— Девушек постеснялся бы.

— Вы, мамаша, не очень-то ругайте его, а дайте ему топор — пусть поколет дрова,— посоветовал Казаков.

Виктор молча протянул своему другу колун. Тот скинул шубу и, плюнув на ладони, взял топор в руки.

— Эх! Дайте мне чурку покряжистей! Отойдите в сторонку! Эх! Если бы все мои беды были на месте этой чурки! — крикнул Шамбулкин и со всего размаха ударил топором. Чурка разлетелась пополам.

Саламби с матерью складывали дрова под навесом. Тут же крутился Валерик.

— Порядок в танковых частях! — выкрикнул Шамбулкин, раскалывая последнюю чурку. — Гвардейцы, устроим перекур. Сила появилась в руках, еще бы поколол, некуда силушку девать.

— А вот поедем завтра в лес дрова для фермы вывозить, там как раз сила твоя и пригодится,— заметил Виктор. — Норовистый конь на пашне умирается.

— Ну, ты, брат, сказал, словно в бочку выстрелил. Знайте навсегда: для фермы я больше ни шагу не сделаю, хватит! И вообще... не вспоминайте при мне ферму.

— Да не спорьте! — остановила их старушка. — Приходите лучше к нам вечером на беседу. Саламби будет рада.

Молодежь приняла приглашение. Договорились собираться у Саламби в семь часов.

Лена с Дашей решили заглянуть на ферму. Парни покурили и разошлись.

*

Даша пришла одна, принаряженная: из-под полы черной шубы с белыми оторочками виднелся подол красного шелкового платья.

Виктор и Шамбулкин были уже здесь. Пришел на вечеринку и Борисов. Он положил руку на плечо Шамбулкину и сказал:

— Была твоя мать, говорила, что собираешься в город, хочешь устроиться там на работу. Будто даже бревна, приготовленные для сруба, хочешь продать.

Шамбулкин огрызнулся:

— Сам готовил.

— А мало ли колхоз помогал? — резко спросил Борисов. — А кто вывез бревна из лесу? Мало ли старался для тебя Мурзаев?

— Это друг.

— Если друг, то посоветовался бы ты с ним, стоит ли переезжать в город?

— Мне у него разрешения не спрашивать. Подумаешь, начальство.

— Эх, танкист, танкист!.. А у своей совести спрашивал? В трудное время ты хочешь оставить колхоз? Вся деревня взялась по-настоящему за работу. А ты день и ночь «под мухой». Ни свадьбы, ни праздника, а ты пьян. Ведь по кривой тропинке бредешь, Павлуша.

Пот пронял его, но он старался оправдаться. А про себя подумал: «Эх, солдат, солдат! Люди заняты делом.

Кто заготавливает лес, кто вывозит жмых, кто на ферме. Все работают, а ты?»

Но тут же успокоил себя: «Конь о четырех ногах, и тот спотыкается. Ничего, все обойдется...»

Когда все собрались, мать Саламби поставила на стол кувшин пива.

— Эх, была бы здесь сорокаградусная! Бесстыжего гостя пивом из избы не выгонишь,— начал было Павел, но тут же его пристыдили товарищи.

Выпили медового пива.

— Коля, не поленись, сбегай за гармонью,— сказал Виктор.

Повеселевшие гости начали петь. Казаков, держа полный стакан, дирижировал:

Пусть дни нашей жизни, как волны, бегут,—
Мы знаем, что счастье нас ждет впереди.
Порукой в том юность и радостный труд,
И жаркое сердце в груди.

Песня напомнила Саламби о студенческой жизни. Вспомнились новогодняя ночь, институтские друзья, собиравшиеся у Анны Ивановны.

Коля играл, как всегда, с чувством. Первым пустился в пляс Валерик. Над ним все от души хохотали. Потом плясала незаметно вошедшая в круг Лена. Навстречу ей вылетела, развевая широкий подол красного платья, Даша. Она плясала с припевками, попрекая своего возлюбленного. Казаков вытащил в круг Виктора, и тот, никогда не плясавший, смешил девушек своими неловкими движениями.

Натанцевавшись, веселая компания, распевая под гармонь, отправилась в кино. Один Шамбулкин задержался у старой ветлы, постоял, пока не умолкла песня, и побрел домой.

— Разбуди меня рано,— сказал он матери,— поеду в лес вывозить дрова для фермы.

*

На крыльях звонкого жаворонка прилетает запоздалая весна и уже не дает житья деду-морозу. С каждым днем небо становится ясней и выше, а солнце жарче. Размяг-

ший снег оседает целыми пластами. Холмы выглядят черными заплатками на белом пологе полей. Набухают и краснеют почки черемух, вишен, сирени. А вербные сережки белы и пушисты, как вата. Целыми днями не умолкает в деревне карканье грачей, блеяние овец, кудахтанье кур. В реках бурлят вешние воды.

В один из таких теплых весенних дней Саламби получила два письма: от Маленькой Нины и из Владивостока — адресат на конверте расписался неразборчиво.

Девушка распечатала первое письмо. Подруга сообщала городские новости, писала об общих знакомых и навчавшихся в институте экзаменах. Были строки и об Алмазове:

«...Анатолий во время зимних каникул, катаясь на лыжах, повредил ногу и долго пролежал здесь в больнице. Меня повела к нему Муза. Но она к нему больше не ходила, а я ходила часто. Он очень похудел. Я приносила ему гостинцы, но он строго запретил мне это делать: «Приходи просто так, посидеть, а то мне очень скучно», — сказал он. Я никому не говорила об этом, только тебе одной признаюсь, ради бога, не передавай никому: я давно люблю Алмазова. Он, конечно, ничего об этом не знает! Ты ведь тоже не догадывалась. Сколько я перестрадала из-за него! Больше его мне, наверное, не увидеть. Он уехал на Алтай.

Однажды он заявился к нам на квартиру нетрезвый и выпрашивал о тебе. Анна Ивановна обругала его: «Ты не оправдал, — сказала она ему, — моих надежд. Думала, что станешь знаменитым композитором, а ты, говорят, начал халтурить». А он отвечает: «Мне теперь все равно, Анна Ивановна. Я завтра уезжаю на Алтай, там в одном театре работает мой друг-однополчанин. К нему еду, приглашает». С тех пор я его не видела, и никто о нем ничего не знает. Приходила как-то Муза, спрашивала, не знаем ли мы его адрес. Анна Ивановна почти выгнала ее из дома...»

Душно стало Саламби в избе. Она вышла в сад.

На снегу сохранилась еще лыжня. Саламби долго смотрела на нее. В душе девушки проснулась обида и грусть. «Бедняжка, — думала она о Маленькой Нине. — Вот почему Нина краснела при одном упоминании имени

Алмазова, а в его присутствии не знала куда деться. Неужели нас ждет судьба Анны Ивановны?»

Саламби прошла вдоль лыжни и остановилась у плетня под одинокой яблоней. Хорошо отсюда смотреть на деревню, поле, лес... В стороне, на берегу реки Была, возвышался курган Улыпа. По преданию, курган этот возник от того, что великан Улып отряхнул здесь землю со своих лаптей. На вершине кургана уже растаял снег.

Весна!.. Теплый ветер играет двумя косами Саламби, треплет ее голубую юбку, сыплет с сосны прошлогоднюю сухую хвою.

Саламби вспомнила про второе письмо и вытащила его из кармана. Оно было написано по-русски. Девушка пробежала первые строки и замерла. Разве можно было этому поверить?

Писал... отец Валерика!

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ТЕПЛЫЙ ВЕТЕР

Колина мать готовила ужин. Она вымыла липовый чиряс¹, подоила корову. В этот момент щелкнула калитка, и во двор вбежал русокудрый Валерик.

— Бабушка! Бабушка! — радостно закричал он. — Папа идет! Папа из армии идет!

У старушки потемнело в глазах, опрокинулся чиряс с молоком, задрожали ноги...

¹ Посуда, выдолбленная из ствола липы.

И ей почудилось: вот широко открылась калитка, вошел Валерий, первым делом оглядел двор и, поставив на землю чемодан, приблизился к матери.

— Как ты поседела, мама! Здорова ли ты? Где Коля?

Через правую руку его перекинута шинель; он точь-в-точь как на карточке: аккуратно застегнутая гимнастерка и пилотка, заломленная набок.

— Сын! — вырвалось из самого сердца матери, но вдруг у нее пропал голос, и она не могла сдвинуться с места. Овладев собой, мать зашептала: — Я ведь знала, что ты обязательно вернешься. Никто не верил, а я верила. Говорили о твоей гибели. Даже пенсию выдали. А я ждала тебя и дождалась. Все хранила для тебя в погребе под-снежное пиво¹.

Она хотела прижать его к своей груди, но руки почему-то не слушались.

Валерий уронил шинель, подошел к матери, взял ее за плечо...

— Мама! Вставай!

...Она открыла глаза и с удивлением увидела, что находится не на дворе, а в избе, лежит на кровати, и перед ней стоит не Валерий, а младший ее сын Коля.

— Что с тобой, мама? — испуганно смотрит он на нее.

— Валерия видела во сне, — еле-еле произнесла она и рукавом вытерла со лба холодный пот.

*

Начался новый трудовой день.

Мать погнала в стадо корову и овец, потом пошла в огород, чтобы нарвать капусты для щей.

Она думала все о Валерии.

На траве, на листьях деревьев, как бусы, сверкали капли росы. Прожорливые воробьи жадно клевали оставшиеся вишни. Ссохлись, сморщились ягоды черемухи. Валерий когда-то любил их. Скоро поспеют рябина и калина. Валерий хвалил ее пирожки с калиной. Почернели и лопаются с треском, далеко выбрасывая свои семена, стручки акаций. Валерия в детстве забавляло, что ака-

¹ Лучшее чувашское пиво. Его варят в конце марта и хранят в бочках под снегом в погребе.

ции «стреляют горошинами». Уже начинают желтеть антоновские яблоки. Их нужно будет приберечь для него. Созрел хмель. Пора его убирать и обновить подснежное пиво: сны подсказывают, что Валерий все-таки не погиб, что он вернется к Новому году. Мало ли что люди говорят...

Отломив несколько листьев капусты и положив их на покосившийся плетень, она принялась осматривать картофель.

Этим летом было мало дождей. Дни стояли сухие, как порох. Речушка высохла до того, что ее вброд переходили куры. Картофель зацвел совсем недавно. «Почему цветки картофеля всегда бывают пятиконечными?» — интересовался в детстве Валерий. Старушка сорвала цветок. Да, действительно, пятиконечный. Плохой будет нынче урожай. А вот в том году, когда Валерий уходил в армию, урожай был хороший.

— Мама, я пошел в поле за лошадьё! — слышалось вблизи.

Из-за яблонь вышел Коля. Он был в белой вышитой рубашке, в сапогах, начищенных до блеска. В руке держал кожаную узду. Мать подумала: «Вырядился на работу, как на праздник. Из-за нее, видно...»

Она ласково посмотрела ему вслед.

И тут будто впервые заметила, что ее младший сын вырос. Еще недавно он был школьником, читал ей вслух зимними вечерами. Она пряла шерсть или что-то вязала и вместе с ним переживала то, о чем рассказывалось в книгах.

Помнится, был такой юноша Павка, который участвовал в гражданской войне, потом тяжело заболел, ослеп, много лет лежал в постели, но все же не унывал, не сдавался смерти. Он написал книгу и победил смерть...

«Вот таким бы мне быть!» — завидовал тогда ему Коля.

В войну фашисты сбили одного нашего летчика. Он упал в лес. Раненый пополз к своим. В госпитале ему отрезали обе ноги. Но он научился ходить на протезах и возвратился в строй действующей армии.

«Вот это герой!» — восторгался Коля, читая о его подвиге.

Да еще где-то на западе, в одном русском городе, занятном немецкими войсками, тайно действовали герои

«Молодой гвардии». И Коля жалел, что был не с ними.

Часто он вспоминал своего старшего брата и жаловался: «Теперь-то, конечно, другое время. Никакого подвига не совершишь».

Мать как-то к слову сказала об этом Борисову. Григорий Петрович пришел к Коле и завел с ним разговор, умышленно, конечно, об одном своем однополчанине, который вернулся с войны без ног, но научился ходить на протезах и стал работать трактористом.

Коля внимательно слушал его. Все больше и больше думал он о своем будущем.

Юноша успешно закончил десятый класс и однажды удивил мать новостью:

— Мама, я буду трактористом. Осенью поеду на курсы.

— Что же, тебе виднее, — ответила она.

Сейчас он еще возле нее работает в колхозе. Но вскоре она расстанется и со вторым сыном. Тяжело...

Пока Коля привел и запряг лошадь, мать приготовила завтрак. Потом выехали в поле убирать коноплю.

Проезжая дом Лены, Коля натянул вожжи и прикрикнул на лошадь. Он оглянулся затем раза два и, никого не увидев, поехал дальше...

Матери невольно вспомнился случай, происшедший во время сенокоса.

Она сгребала сено в кучу, а молодежь таскала его вилами в копны. Коля работал рядом с Леной. Девушка была в белом легком платье с короткими рукавами, в белом платке.

«Какая пригожая! — думала тогда мать о девушке. — Давно ей перевалило за двадцать, а она — что семнадцатилетняя. В войну Лена часто помогала мне по хозяйству. Добрая и работающая. На жатве не станет жаловаться на боль в пояснице и не скажет, что серп плохо режет, а на сенокосе не пожалуется на косу, не станет глазеть на небо. Руки в работе ловки, ноги в пляске бойки. Ладная невеста».

К полудню привезли воду. Все бросились к бочке. Мать Коли села передохнуть в тени у копен. Кто-то плеснул из ковша на соседа. И началась игра: догоняя друг друга, парни и девушки плескались водой. Зачерпнув из

бочки ковш воды, Лена подкралась к Коле, облила его и, хохоча, убежала.

Коля погнался за ней и, догнав, поднял ее на руки. Девушка билась в его руках, как рыба в сетях. Прямо на них бежал с ведром воды Виктор. Заметив его, Коля еще сильнее прижал к себе девушку и кинулся к ближайшей копне сена.

Здесь он увидел мать. Сын виновато взглянул на нее и бережно опустил Лену на землю. Этим воспользовался Виктор и окатил их водой. Но они словно того не заметили. И мать тогда чутьем поняла, что отныне их никакой водой не разольешь.

*

До конопляного загона было недалеко. Мать Коли, чтобы не трястись, слезла с подводы и на нижнем конце деревни встретилась с матерью Саламби; та выгоняла со двора бурую телку.

— Откуда она у вас, кума? Своя-то не отелилась...

— Колхоз дал. Наша совсем плоха. Корова красна удоем, а на что она без молока? Осенью думаем ее продать и купить другую. Без коровы не жизнь, кума, замаялась.

— Ты коноплю дергать идешь? Там еще нет никого, рано. Заходи к нам.

— Ну что ж, пойдем, на внука твоего погляжу.

— Ты, чай, слыхала уже: отец Валерика нашелся! Прислал посылку. И чего только в ней нет! А сам он офицер, на Дальнем Востоке служит. Надо бы радоваться, если подумать, а Саламби все вздыхает: «Вот приедет отец и увезет ребенка». Мне и самой тяжело будет остаться без него, ведь привыкли-то к нему как!

*

Валерик, одетый в матросскую форму, возился во дворе у широкого деревянного корыта: он пускал по воде кораблик. «И кораблик, и фуражку с лентами, видеть, отец прислал», — подумала мать Коли, подходя к ребенку.

Она осторожно присела на край корыта.

— Как звать тебя, сыночек?

— Валерик, — живо ответил он.

— Валерик? У меня тоже старший сын Валерик.

— А где он теперь? Почему он не приходит к нам?

— Далеко он, сыночек, в армии.

— И мой папа в армии, очень-очень далеко, за тысячи верст отсюда, мама так говорит. Я умею считать только до десяти. Тысяча верст — сколько это будет?

— Много, сыночек. Вот вырастешь большой, узнаешь.

— Когда я вырасту большой, как папа, пойду в армию. Наш папа и на войне был, и раненый был. А ваш Валерик был на войне?

— Был, был, сыночек.

— И он тоже раненый был?

— Был, сыночек.

— И он был храбрым, как мой папа?

— Храбрым...

— А почему же ты плачешь, бабушка?

— Это я напротив солнца сижу, от солнца и слезы... Вот я тебе гостинчик принесла, — сказала она и достала из-за пазухи завернутый в платочек кусок сахара. — Возьми, не стесняйся.

— Нет, я не ем сахара. Бабушка говорит, что от него зубы болят. А папа мне вот что прислал, — он достал из грудного кармашка плиточку шоколада и протянул ее старушке. — Возьми, бабушка, у меня еще есть.

Крупная слеза выкатилась из ее глаз, упала на сахар и расплылась.

— Бабушка, а ты не гляди на солнце, — ласково сказал Валерик. — Папа мне еще прислал губную гармошку. Есть и книжки с картинками. Показать тебе?

— Не сейчас, не сейчас, сыночек, в другой раз.

Сухой, дрожащей рукой она нежно погладила его кудрявую головку.

— Папа скоро привезет мне много игрушек, и маленькое ружье привезет. А ваш Валерик тоже привезет?

По ее морщинистым щекам катились слезы. Она уже не в силах была их сдержать.

*

День выдался ясный.

Осеннее солнце шагнуло своими длинными лучами-ножищами к закату. Вдали пестрел лес. Он выглядел теперь зеленым пологом с ярко-желтыми заплатками.

На пригорках махали крыльями ветряные мельницы — дул теплый ветер. Поля давно были убраны, и там теперь паслось стадо; лишь на овсяном все еще торчали, словно бородавки на лице, невывезенные копны снопов. Возле них белела рубашка Коли: парень поставил телегу между двух копен и накладывал на нее снопы.

Женщины дергали коноплю. Конопля выдалась славная: стебли высокие, как на подбор, а отбросов так мало, что их только и хватало на связку снопов. Знающие люди говорили, что нынче, пожалуй, с гектара выйдет по двенадцать-четырнадцать центнеров семян.

Лена пасла колхозных телят. Вот она подошла к Коле и начала помогать ему подавать снопы на телегу. А когда воз был нагружен, помогла накинуть на снопы пригужину, плотно придавить их и завязать веревкой. Девушка долго глядела из-под ладони вслед удаляющейся телеге.

Телега выехала на большую дорогу. По ней когда-то ушел на войну Валерий. Долгим взглядом старушка провожала сейчас своего младшего сына и думала все о том же: ее старший сын непременно вернется по этой же дороге! Он должен будет прийти именно в это время — поезд прибывает в четыре часа, ну, со станции еще часа три ходьбы...

Старушке что-то померещилось. Она протерла глаза. Но нет, это было, кажется, не во сне, а наяву.

— Марфа,— обратилась она к соседке. — Глянь-ка, будто какой-то солдат идет со стороны леса.

— И правда, какой-то солдатик идет,— подтвердила та.

На дорогу посмотрели и другие.

— Так точно, должно быть, какой-то гвардеец домой возвращается! — выкрикнул Виктор. — Неужто односельчанин?

— Тогда бы вы с Шамбулкиным загуляли, «убили бы муху», — пошутила тетя Марфа.

Женщины засмеялись, а Виктор ответил:

— Уже сколько месяцев, как Шамбулкин не пьет! Побольше бы нашему колхозу таких молодцов, как он.

Старушка тем временем торопливо завязала неполный сноп и, держа его под мышкой, поспешила на дорогу.

Человек шел стрелитальной, легкой походкой. На нем была гимнастерка и пилотка. В одной руке он нес чемодан, а через другую перекинул шинель. Все точно так же, как было недавно во сне.

Она затрусилась ему навстречу. Заметив старушку, солдат остановился, поставил чемодан и, отвернувшись от ветра, закурил.

«Мой Валерий не курил», — вспомнила мать, приближаясь к солдату.

— Домой возвращаешься, сынок? — спросила она по-чуваши.

Военный обернулся на голос.

И тут словно кто-то толкнул ее в грудь: она отшатнулась.

Перед ней стоял незнакомый человек лет тридцати, среднего роста. Из-под светло-каштановых бровей улыбались голубые ласковые глаза. Но лицо было сумрачным. Правую щеку пересекал шрам.

— По-чуваши ни бельмеса, мамаша, — ответил он, сверкая ровными зубами.

Старушка говорила и по-русски: в дни войны у нее жили эвакуированные из Ленинграда, у них-то она и научилась.

— На родную сторонку со службы идешь, сынок? — спросила она с чувашским мягким акцентом.

Человек доверчиво улыбнулся.

— Из армии, мамаша. А родимая моя сторонка далеко отсюда, две тысячи верст будет, — сказал он, показывая на запад. — Иду я сейчас в вашу деревню, в Анаткас. На станции сказали, что прямо по этой дороге идти.

— Если в Анаткас, то к кому? — насторожилась она.

— Акрамовых знаете? Вот к ним. Там у них живет мой сын.

Слово «сын» он произнес громко, торжественно.

Старушка взяла военного за руку.

— Отдохни здесь, сынок, минутку, не спеши: Акрамовы теперь все равно на работе.

Они присели на траву, у края канавы.

— О тебе мы не раз вспоминали. И сегодня тоже. Говорили, что ты на Дальнем Востоке служишь. Правда? Может, встречал ты там моего сына, Валерия? Семенова Валерия?

Она смотрела на него, как верующий на икону, с мольбой и надеждой.

— Нет, мамаша, не встречал,— медленно ответил он.— Много ведь там солдат. А кой-кого из здешних ребят, чувашей, приходилось встречать.

Старушка умолкла: знать, затерялись на чужбине стежки-дорожки ее старшего сына, и не узнать их ни по звездам, ни по луне...

— Сынок-то мой как, мамаша, жив-здоров? — волнуясь, спросил он.

— Жив-здоров. Научился даже говорить по-чувашски. Ждет не дожидется тебя. Мать-то его, родная мать, где?

Он ответил не сразу:

— Нет у него матери. Война отняла... Все, что было, война отняла... Фашисты сожгли мой дом, жена умерла в эвакуации. Валерика подобрали чужие люди, отдали в детский дом.

— А как же разыскал его, как напал на след?

— Через Москву разыскал. А потом из детского дома написали, что его взяла на воспитание девушка из вашей деревни... Саламби Акрамова... Они-то не знали, что отец жив. Я вот и приехал сюда. Скорей бы повидать его!

— Повидаешь, сейчас повидаешь,— прослезилась старушка.— Сынишка твой жив и здоров. Всем колхозом, можно сказать, его выращивают. Славный он, ласковый.

— Спасибо, мамаша. Век буду помнить.

— Разве можно человека в беде оставить? А русские нам — издавна родные братья.— Она обратила внимание на его погоны.— Прости меня, сынок, ты, видно, не простой солдат, вроде старший?

— Командир я, мамаша, капитаном зовут.

— А как величать тебя?

— Андрей.

— Эндри, значит, по-нашему. Так ты насовсем возвращаешься?

— Насовсем, мамаша, демобилизовался. Соскучился по крестьянской работе. Хочу в колхозе поработать. До войны я трактористом был.

— Работы сейчас всем найдется. Приходи к нам вечером. Спроси, где Семеновы, покажут. Слов-то у меня,

старой, много. Хочется обо всем расспросить, да нехорошо тебя задерживать. Иди скорей к сыну, порадууй.

— Спасибо, мамаша!

Вечером, вернувшись с поля и загнав скотину, она достала из погреба ведро подснежного пива, которое берегла для старшего сына, взяла с собой кое-какие гостинцы и пошла к Акрамовым.

СЕМЬЯ

Саламби знала, что должен приехать отец Валерика, но она не предполагала, что это случится сегодня.

Рано утром она, как всегда, ушла на ферму.

— Лена-то как нынче разоделась,— подмигнула ей Даша.— Будто артистка филармонии.

— Она всегда хорошо одевается,— ответила Саламби.

— Как это — всегда? А вот вчера приходила в простом платье.

— Так вчера она работала в телятнике. А сегодня — в поле.

— Да не поэтому,— возразила Даша.— Ты такая недогадливая! Вон Николай снопы возит с овсяного поля. Поняла? — И Даша голосисто запела:

Эх, любовь ты, любовь!
Ярка и сильна, как молния,
Но молния сверкнет и угаснет,
А большая любовь — никогда...

С тех пор как Шамбулкин бросил пить и по-настоящему взялся за работу, у Даши всегда какое-то праздничное настроение. Она и сама стала работать лучше.

Управившись с делами, Саламби в оставшееся до обеда время решила позаниматься и зашла в общежитие. Она собиралась во что бы то ни стало в сентябре снова поступить в институт. Нынешним летом девушка хорошо поработала, на трудодни получит столько, что всем троим хватит одеться и обуться, да еще и подремонтировать дом и сарай. К тому же теперь она стала куда более опытным животноводом. Год в колхозе — это не то что месяц-другой на практике в учебном хозяйстве.

— Павлик, а Павлик! Глянь-ка на шоссе, какой-то солдат идет! — донесся с улицы голос Даши.

Саламби выглянула в окошко.

— Где? — равнодушно спросил Шамбулкин, мастеривший неподалеку клетки для новорожденных телят.

— Да вон, у конопляного загона. Идет в нашу деревню.

Саламби выбежала на улицу.

— Глянь-ка, солдат какой-то идет, — сказала ей Даша, указывая на дорогу. — Кто же это может быть? Телеграммы вроде никто не присылал.

— Ты думаешь, все такие, как я, — вставил Шамбулкин. — Я за три дня вперед дал телеграмму и заставил тебя трое суток ждать на станции. — Он засмеялся.

Саламби молчала. Но вот она вновь вбежала в общежитие, бросила на тумбочку тетради, скинула белый халат, поправила волосы и огородами умчалась домой.

Несколько минут девушка постояла в саду, чтобы унять сердце. Со двора до нее донесся незнакомый голос:

— Сынок! Сынок!

Сквозь щель в двери сарая она разглядела военного с Валериком на руках. Ребенок крепко прижался к его груди.

Саламби до того растерялась, что попятилась назад и убежала в поле.

Вернулась она домой, когда уже в их доме шумели гости.

— Мама! Мама! — радовался Валерик. — Папа приехал!

— Вот и сама пришла. Порядок в танковых частях! — выкрикнул Шамбулкин.

— Устали ждать тебя, — сказал Яшманов.

— Где пропадала так долго, доченька? — спросила мать.

Саламби остановилась у двери, стесняясь пройти к столу.

Гость быстро подошел к девушке и протянул ей руку.

— Здравствуйте! Андрей Иванович Прохоров! — представился он.

— Мама! Мама! — суетился Валерик, дергая ее за платье.

— Знаешь, что привез мне папа? Показать тебе, показать?

— Ну, Саламби,— обратился к ней Яшманов, подводя ее к столу и подавая рюмочку вина.— Со счастливым днем тебя! Выпей, выпей полностью, чтобы счастье было полное.

— Простите, Федор Иванович, я прямо с работы... Сейчас,— сказала девушка и убежала переодеваться. Она выбрала голубое платье, которое когда-то очень нравилось Анне Ивановне. Затем долго разыскивала брошку.

— Сколько же прикажете ждать? Пока ты соберешься, бесплодная и та, пожалуй, родить успеет,— грубо пошутил Шамбулкин, приоткрыв дверь в ее комнату.— Иди скорее, без тебя мать не открывает пивную бочку.

Саламби хотела было заново переплести косу, но парень силком потащил ее к гостям и усадил за стол рядом с Андреем. Валерик втиснулся между ними. Федор Иванович занял место хозяина. Мать Коли и мать Саламби сели напротив. Шамбулкин устроился возле Андрея: «Танкистам положено и за столом быть рядом».

— Добру — изобилие, а нам — счастье! — провозгласил Яшманов.

После нескольких рюмок он размяк, стал еще больше запинаться.

— Люблю Саламби. Первая невеста в колхозе. Отличная работница. Свой человек,— говорил он Андрею.— Двадцать пять телок вырастила. Второе место по животноводству в районе заняли. А вот погоди, через год догоним соседний колхоз-миллионер.

Андрей больше слушал, чем говорил. Отвлекал Валерик. Его занимали ордена и медали отца, и тот не успевал отвечать на вопросы мальчика: «За что?», «Как называется?»

Мать Коли не сводила глаз с гостя. Он ей понравился.

— Степенно держится, разумно говорит,— шепнула она матери Саламби.— Хорош был бы жених для твоей дочки.

— Андрей Иваныч! — шумел захмелевший Шамбулкин, продолжая свой рассказ.— Подъехали мы, значит, к этому Фиш-Хаузену, так? Порядок! Генерал нам гово-

рит: «Обойдя Кенигсберг с севера, надо выйти к Балтийскому морю. Выйдем, товарищи гвардейцы-танкисты?» — «Выйдем, товарищ генерал!» — отвечаем мы.

А Колина мать все шептала:

— Подземный родник, которому суждено выбиться наружу, выбьется даже на перекрестке дорог. Как знать, может быть, и... Дай бог счастья Саламби.— И чтобы исполнилось это ее желание, она, следуя примете, аккуратно капала из рюмки на стол.

— Мама! Мама! Знаешь, почему папе дали этот орден и как он называется? — не унимался Валерик.— Я знаю, за отвагу!

— Андрей Иваныч! — орал Шамбулкин.— За один час, значит, мы должны были выйти за Кенигсберг. Танки у нас в полной боевой готовности — грохочут, аж земля дрожит. Порядок! Так, значит, вызывает меня генерал: «Гвардии ефрейтор Шамбулкин!» — «Я гвардии ефрейтор Шамбулкин!»

Шамбулкин вскочил и застыл, как по команде «смирно».

«От лица службы объявляю вам благодарность, гвардии ефрейтор Шамбулкин!» — говорит мне генерал.— «Служу Советскому Союзу!»

— Да потише ты, Павел,— пытался унять его Яшманов.— Андрей Иваныч, вы хотите уехать отсюда? А чем здесь плохо? Нынче на трудовень перепадает по четыре кило хлеба. Хорошие работники, такие хотя бы, как Саламби, получают возы хлеба. А такие специалисты, как вы, нам вот как нужны,— он провел рукой поперек горла.

— Я еще ничего не решил,— ответил Андрей.

— Не уезжай, папа! — вмешался Валерик.— Мы тебя больше никуда непустим. У бабушки хорошо, вместе с мамой очень-очень хорошо!

Все засмеялись. Но Саламби даже не улыбнулась.

Будто бы ничего не зная о госте, прибежали Маша с Дашей. Обе вырядились в белые платья с вышивкой на подоле, в зеленые фартуки и белые платки. Поздоровавшись за руку с Андреем, они присели у самых дверей. Мать Саламби налила им по кружке пива. Подружки перемолвились несколькими словами и исчезли так же торопливо, как и появились.

За ними последовал Шамбулкин: он вспомнил, что утром нужно ехать на элеватор.

Попрощался со всеми и Яшманов.

— Вот и собралась ваша семья! — сказал он почувашски. — Чем не семья?

«Хорошо, что Андрей его не понял», — подумала Саламби и пошла готовить гостю постель.

*

Солнечные лучи сквозь окно упали на лицо Андрея. Он открыл глаза и с удивлением огляделся: где он? Но тут же вспомнил про сына, быстро натянул брюки, сапоги и заглянул в соседнюю комнату. Саламби в ней уже не было, она ушла на ферму. Валерик спал, раскинув руки и ноги, одеяло его сползло на пол.

— Сынок, — тихо позвал Андрей, дотронувшись до его лица.

Ребенок сладко потянулся, сжимая кулачки и жмуря глаза, увидев отца, он улыбнулся и прижался щекой к его руке.

— Папа!

— Ну, вставай, герой! Физзарядку сделаем.

Валерик встал рядом с отцом.

Вошла бабушка.

— Надо бы зарезать барана, — попросила она Андрея. — От стада отбивается. Того и гляди волки задерут.

Андрей помог ей снять с барана шкуру. Разрубили тушу на мелкие куски. Мясо уложили в кадушку и посолили. Кадушку поставили в погреб.

Мать Саламби опалила бараньи ноги, голову и сварила их.

К завтраку пришла Саламби.

Старушка положила баранью голову на тарелку Андрея.

— Не побрезгуй, у нас обычай такой: бараньей головой угощают дорогого гостя или главу семьи. У меня не ладно выходит по-русски. А что языком не расскажешь, то пальцами не растычешь. Ты растолкуй ему, Саламби.

Девушка перевела Андрею слова матери, но умолча-

ла о «главе семьи». «Почему они превращают Андрея в главу семьи, даже не спросив меня? И Яшманов, и мать Коли, и подруги — все считают меня почти невестой Андрея. Мама, видно, думает так же».

Саламби молча поела и вышла из-за стола.

— Простите, меня ждут на ферме, зоотехник из района приехал, — сказала она Андрею и ушла.

*

Прошло два дня. Ни Андрей, ни Саламби не заговаривали о дальнейшей судьбе Валерика.

... Разве можно отнимать у ребенка мать?! Недаром говорят, что ребенок без отца — полсироты, а без матери — круглый сирота. Но как устроить дальнейшую жизнь Валерика? О, если б это зависело теперь только от Андрея!

С тех пор как ему удалось узнать, что Валерик жив, он думал, конечно, о той девушке, которая добровольно стала матерью его сынишки. Не раз он мысленно произносил ее имя и пытался представить себе ее облик. Познакомившись с Саламби, Андрей нашел, что она красивее и лучше той девушки, которую он рисовал в своем воображении.

Вечером, во время ужина, Андрей, не глядя на Саламби, сказал:

— Решил остаться в вашей МТС. С дирекцией договорился. Трактористом буду. Комнату обещали дать...

— А куда же вам ехать-то? — обрадовалась старушка. — И здесь жить будете неплохо!

Дочь промолчала.

На другой день рано утром Андрей увидел старушку во дворе с косой в руках.

— Куда это вы, мамаша, с косой?

— Отаву косить. Весной я хоть и прихварывала, да все же ходила в лес, ухаживала за молодыми дубками. Вот и разрешил мне лесник скосить там отаву. Она хоть и мелкая, но скотине скормить можно.

— Возьмите меня с собой, — предложил Андрей. — Давно не косил.

Старушка согласилась,

Лес был недалеко от деревни. Она показала Андрею место косьбы и вернулась домой: коса-то на двоих одна.

— Попозже приедем с подводой,— пообещала она.— Сама или Саламби — там видно будет.

Когда в полдень Саламби пришла домой, мать сказала:

— Доченька, Андрей с полудня косит отаву в лесу, на месте старой пасеки. Поезжай-ка к нему, привезите сено. Если оно очень сырое, то пусть там подсохнет. Да еще захватите хворосту. А я вместо тебя на ферму схожу.

— Хорошо,— согласилась дочь.— Валерика оставь у соседей.

*

Далеко были слышны в лесу грохот телеги и фыркание лошади. В глубине леса пела какая-то девушка, то ли собиравшая орехи, то ли косившая отаву; от ее песни веяло грустью. Эта песня напомнила Саламби об Алмазове...

На поляне, где раньше была пасека, Андрея не оказалось; скошенная трава лежала ровными рядами. Саламби потрогала ее — сырая. Где же он? Может быть, вернулся домой?

— Андрей! — крикнула Саламби.

— Э-эй! — ответило девичьим голосом эхо. На память пришел рассказ матери. Если в старину невеста из-за скромности и робости перед будущим мужем стеснялась назвать своего жениха по имени, то жених заводил ее в чащу леса и там оставлял одну. И испуганная невеста вынуждена была кричать, звать жениха по имени.

— Андре-ей!

— Э-э-эй! — ответил темный бор.

В этот момент из-за кустов орешника появился Андрей. Она почуяла его сердцем, прежде чем увидела.

— А я собирал валежник. Здравствуйте! — крепко пожал он ее руку.

Девушка, преодолевая волнение, сказала:

— Сено сырое. Рано везти его домой.

— Что же, пусть подсохнет,— согласился он.

День клонился уже к вечеру, когда они отправились домой. Лесная дорога была плохая. Андрей вел лошадь под уздцы. Потом, когда выехали на большак, он сел на воз сена, а Саламби пошла к дому пешком по прямой тропинке.

— Саламби-и! Акрамова! — донесся до нее крик.

Она обернулась и увидела Саланова, бегущего к ней через поле и размахивающего фуражкой.

Он был в гимнастерке, сапогах, с маленьким топориком за поясом. Прядь черных волос прилипла к потному лбу.

— Еле-еле докричался. Откуда идешь? Салам! — протянул он ей руку.

— Салам! Сено из лесу вывозим, — ответила она. — А ты куда с топориком?

— Я в лес, ивняку нарубить: ограда колхозного сада обветшала, нужно подремонтировать. Где же ваша подвода?

— Да вон по большаку катится, не видишь?

— Вижу. А кто на возу? Шамбулкин?

— Нет, отец Валерика. Разве ты не слышал, что он приехал?

Саланов сдвинул брови.

— Слышал. Борисов сказал, что он устроился в нашей МТС.

— И ты бежал через поле, чтобы сообщить мне об этом? — пошутила она.

— Нет, Саламби. Я хотел сообщить тебе нечто другое. Может быть, теперь это и не нужно...

Девушка насторожилась.

— Что там еще стряслось? Говори быстрее. Об Анатолии, да? Он здесь? Говори, не томи!

— Письмо получил. Он... любит тебя! Все эти годы любил... Очень хочет с тобой увидеться.

— Семен! — вскрикнула Саламби, обеими руками схватив его за локоть. В ее голосе слышались и радость и отчаяние.

— Откуда писал? Где он?

— Из Барнаула. Руководит там коллективом художественной самодеятельности на крупном заводе...

Силанов еще что-то говорил, но Саламби не слушала. «Зачем знать, кем и чем он там руководит? — думала она. — Не все ли равно? Главное — он не забыл меня, тоскует обо мне. Больше ничего мне не нужно...»

Девушка легко побежала по тропинке. Саланов удивленно смотрел ей вслед.

«Почему у человека нет крыльев? — ликовала Саламби. — Летать бы, летать бы в такие минуты! А быть может, я сейчас и лечу? Ведь не чую же ног под собой. Вон там женщины убирают коноплю, мужчины возят снопы. И им ничего неизвестно о моей радости. Они не знают, что Анатолий любит меня. Если бы я могла, я бы всех людей осчастливила!»

А через несколько дней Саламби уехала в город заканчивать институт. Она надеялась, что скоро встретится там с Алмазовым.

ГОД СПУСТЯ

Стоял месяц серпа¹. Поля пестрели скирдами соломы, стогами сена. В садах наливались соком яблоки. В огородах созревала капуста. Подсолнух надел на голову венки из ярко-желтых цветов...

Напряженно занимаясь, наверстывая упущенное, Саламби не заметила, как пролетел год.

Алмазов пока так и не вернулся с Алтая. Она получила от него еще два письма. В последнем Анатолий сообщал, что очень увлечен какой-то большой работой.

Окончив институт, Саламби возвратилась в родной Анаткас. Ее назначили участковым зоотехником вместо Казакова, который переселился в соседний район — к Соловьевой: они недавно поженились.

Андрей работал в МТС бригадиром тракторной бригады. Жил он в Турикесе, а свободное время проводил в селе, у Акрамовых. Мать Саламби очень привыкла к своему «будущему зятю», приготовила ему лучший холст — «на рубаху жениху». Но она никак не могла понять намерений дочери.

Валерику пошел шестой годик. Он вытянулся, похудел, стал еще больше похож на отца: сине-голубые глаза

¹ Так называют чуваша август — время уборки хлебов.

посерели, заметнее стала ямочка на подбородке. Он говорил по-чувашски так же легко, как и по-русски.

Возвращению Саламби все были рады.

— Будем трудиться вместе! — расцеловала ее Лена.

Борисов предложил ей пройти с ним во вторую бригаду.

— Сегодня комбайн заканчивает уборку ржи, — сказал он. — Работают старательно. Обещают дать с гектара по четырнадцать центнеров. Там такие орлы: Шамбулкин, Коля Семенов, Андрей Иванович.

— Салам, Саламби! Поздравляю тебя с новой работой! — приветствовал ее Шамбулкин. На нем была белая вышитая рубашка, повязанная шелковым поясом с бахромой. Через плечо — полевая сумка. Оттого, вероятно, что он целое лето жарился на солнце, волосы его стали еще рыжее.

— Салам! С возвращением в родные края! — произнес по-чувашски и Андрей. Он не мог подать ей руки: она была в масле. Но девушка сама ее пожала.

— Спасибо, Андрей Иванович! — сказала она по-русски и улыбнулась. — Заходите почаще к нам. Мы всегда будем рады вас видеть. И Валерика уже несколько дней не было дома...

Лицо Андрея посветлело.

— Сегодня вот закончим уборку ржи, а завтра обязательно приду.

*

Домой Саламби вернулась лишь к закату солнца. Мать варила во дворе молодую картошку.

— Доченька, — сказала она, — в комнате радио все еще, кажется, говорит, скорее выключи: будет гроза. Закрой окна и выюшку.

Порывистый ветер срывал листья с деревьев. С запада двигалась и росла черная туча. Ее рассекали, словно ударом огненного кнута, молнии. И тогда с грохотом прокатывалась по небу невидимая телега грома.

Передавали какую-то музыку. В едином страстном порыве пели скрипки. В дружный строй их голосов вплелись нежные звуки флейты. О чем поют они? Не песня

ли это первой любви? Вот повела печальную мелодию одинокая виолончель, протестующе загудел контрабас. Его голосу вняли кларнеты. Их поддержали трубы. Снова ожили скрипки. И весь оркестр, вплоть до барабана, как бы согласился с ними и подхватил их бодрую мелодию.

«Какая знакомая музыка! — подумала Саламби. — Но когда и где я могла ее слышать?»

Сверкнула молния. Приемник затрещал. Девушка поспешила его выключить.

ВОЗВРАЩЕНИЕ АЛМАЗОВА

Алмазов возвращался в родные места. Он горел нетерпением как можно скорее увидеть то, что было дорого его сердцу.

Поезд не успел еще остановиться, как он спрыгнул с подножки вагона и выбежал за вокзал.

Некогда прятавшийся в ложбине, город разросся и вылез на холмы. Появилось много новых больших домов. «Родной город! О тебе уже слагали песни! Вот рождается еще одна в моей душе», — мысленно произнес он, тихо напевая новую песню.

Прежде всего Алмазов решил зайти к Анне Ивановне.

У Дома печати он остановился перед газетной витриной, вспомнил, что в прошлые годы и его имя появлялось на страницах газет. Его, молодого композитора, называли «талантливым». Потом это случалось все реже и реже. А однажды он даже услышал о себе: «Был талант, да вышел».

«Неужели это правда? Нет, я докажу другое! Обо мне еще заговорят!» — повторил он упрямо.

Его мысли перебросились к Анне Ивановне. Каково то живется ей теперь? Квартируют ли у нее по-прежнему студенты?..

Он шел и представлял себе встречу с доброй и гостеприимной Анной Ивановной. Она, конечно, как всегда, сразу же пригласит его за стол. Из кухни будет, как прежде, валить дым и доноситься запах жареного лука и подгоревшей каши...

Вот и домик Анны Ивановны. У домика росла высокая липа. Алмазов узнал ее и обрадовался, словно

встретил старого друга. Анна Ивановна говорила, что она посадила эту липу еще в свои девические годы, задумав: «Когда липа засохнет, тогда и мне придет пора «переселяться за гумно».

Липе уже недолго осталось жить: она стояла у края дороги, ее не раз задевали и телеги, и сани, и автомашины.

Дерево дышало теперь только одной уцелевшей ветвью, обращенной к солнцу.

Алмазов вошел в коридорчик дома и постучался.

Из комнаты донесся чей-то стон. Он постоял, надеясь, что кто-нибудь появится, потом приоткрыл дверь:

— Можно войти?

Хозяйка лежала в постели, укрывшись стеганым одеялом, обвязав голову полотенцем.

— А-а, Анатолий! — узнала она его сразу. — Войди, войди. Присаживайся на сундук. Возвратился, значит.

Алмазов пожал ее трясущуюся руку и устроился на том самом сундуке, на котором когда-то спала Маленькая Нина.

— Выходит, возвратился все-таки... Летать-то бывает вольно, но сесть — места нет. Так оно бывает всегда, коли жить не умеешь.

Ее полное лицо сморщилось, глаза запали, и она тяжело дышала.

«И вправду пришел ей срок «переселиться за гумно», — с горечью подумал Алмазов.

В комнате было холодно. Печь давно не топилась, и пахло сырыми кирпичами. Листья фикуса покрылись слоем пыли. Пожелтели и почернели вырезанные из бумаги занавески на окнах. Опустились книжные полки.

— Студентки уже не квартируют? — осторожно спросил он.

— Погромче говори, Толя, — напрягаясь, ответила она. — Туга стала я на ухо. Закрылись мои ушеньки, хоть под церковный колокол садись — не откроются. А-а? Что сказал? Нет, в этом году студенток не пускала. Одну было впустила, да и та не понравилась, на Музу похожа. Я ее и прогнала. Много ли нужно мне одной? Верно говорят: «И многое кончается и малого хватает». Живу на пенсию. До этого жили вдвоем с Саламби.

У Алмазова екнуло сердце.

— Такой девушки уж мне никогда не сыскать, — продолжала старушка. — А с теми, кто мне не нравится, не стоит, думаю, жить. Саламби мне за родную дочь была. А ты с Музой связался. Смотри, сынок, молодость может идти широкой дорогой и может пройти узенькой, такой, что самому потом стыдно будет. Дай-ка водички, вон оттуда, из самовара.

Алмазов налил ей кружку чаю.

— Гордый ты, сынок, — произнесла Анна Ивановна, возвращая ему пустую кружку. — Я примечала это, да не говорила. А знала бы, что так станет, давно бы крепко отругала. Оставил учебу, связался с этой вертушкой Музой, запропал куда-то. А я ожидала, что ты станешь настоящим музыкантом. Да не одна я...

Она говорила правду. Он чувствовал это и не знал, куда деваться от стыда. А она не щадила его:

— Из-за своей гордости оставил друзей, забыл, что старик Соловьев говорил: «Музыкант без родного народа, что соловей без песни». Он так и умер, не дождавшись тебя. Жаль. А ведь он верил в твой талант.

Сердце Алмазова переполнилось болью. Он вспомнил и то, как Саланов сказал ему при Саламби: «Смотри, Анатолий, не оберешься стыда, если не оправдаешь наших надежд».

Анна Ивановна продолжала беречь его раны:

— Каких друзей бросил! Чего только не претерпела из-за тебя Саламби! В старину, когда приближалась гроза, чтобы не побил хлеб градом, такую, как она, девушку наряжали в одежду из тонкого полотна, и она с хлебом-солью шла в поле, чтобы помолиться грозным тучам. Такую, сынок, редко встретишь... Теперь Саламби выходит замуж, — обрушила она на Алмазова внезапный удар. — Нашелся отец Валерика. Он работает в том же районе, в МТС. На прошлой неделе Саламби с ним приезжала в город, зашли они и ко мне. Его Андреем зовут. Понравился мне: толковый человек. Обрадовалась я за нее. А она что-то не очень рада...

Алмазов видел, что хозяйка хочет еще что-то сказать, но ей было тяжело говорить, и она умолкла.

Сердце Алмазова терзали и обида, и злость, и ревность. Он мучительно осмысливал сейчас свою жизнь.

Да, он неплохо начинал. Никто тогда не сомневался в его большом будущем. Товарищи относились к нему с почтительным уважением. Правда, Саланов предупреждал: «Как бы ранняя слава не вскружила тебе голову». Но он не хотел и слушать об этом, сердился. Он было начал писать оперу. Первую ее часть хвалили профессора консерватории, композиторы. Опера осталась незавершенной. Увлечение Музой, общение с Чушковым и Ланкиным, легко дававшиеся успехи в творчестве сделали свое дело. Новые песни Алмазова подверглись критике. Он обиделся, увидел в этом зависть недоброжелателей. Именно так его настраивали неудачники. Они твердили, что он «непризнанный гений». И он им поверил... Потом, катаясь с Музой на лыжах, повредил ногу, около месяца пролежал в больнице и не поехал в консерваторию.

«Как же случилось, что ты, простой чувашский паренек, бегавший когда-то в лаптях и холщовых штанах, так изменился?» — допрашивал себя Алмазов. Он вспомнил китайскую поговорку, услышанную им когда-то в Маньчжурии:

«Потерянное золото можно найти, но нельзя найти потерянное время».

Он шел по набережной и не узнавал ее. Вдоль всего обрывистого берега, который раньше обваливался, пролегла асфальтированная дорога. Вместо прежних деревянных перил — белокаменная балюстрада. На бульваре — цветочные клумбы. По обеим сторонам — молодые липы. Здесь было совсем по-другому, когда он встречался с Саламби.

Живо возник ее образ.

Он присел на скамью под молодой березой.

— Здорово, старик! — вдруг донесся откуда-то сбоку знакомый голос.

— Вирьялов!..

Он приближался к Алмазову с расprostертыми объятиями.

— Анатолий! Сколько лет, сколько зим! Давно приехал?

— Только с поезда.

— Значит, как Чацкий, с корабля на бал?

Вирьялов хотел обнять Алмазова, но тот не поднялся, с холодной усмешкой больно сжал руку Вирьялова.

Вирьялов мало изменился. Лицо только стало одутловатей.

«Значит, выпивает»,— решил Алмазов.

— Ну, расскажи, Леон, как вы здесь поживаете?

— О-о, если обо всем рассказывать, то получится целая Одиссея,— развязно ответил Вирьялов.— Я все учусь, а будем живы — посмотрим, что делать дальше.

— Разве ты еще не окончил пединститут?

Вирьялов поморщился и брезгливо скривил губы.

— Пединститут — пройденный этап. Сколько платят учителям? Гроши. Я поступил уже на агрономический факультет в сельхозинститут. Там есть возможности развернуться. А у тебя как? Два года не подавал весточки! — Он завистливо посмотрел на новый костюм Алмазова.

«Как ответить тебе? — думал Алмазов. — Сказать, что я соскучился по родным местам, хотел повидаться с друзьями, с Саламби? Но разве тебе понять мою тоску?»

— Возвращаюсь с Алтая. Буду снова учиться,— только и произнес он.

— Как там, ничего? — спросил Вирьялов.— Жить можно?

— Кому как,— посмотрел на него в упор Алмазов.

— Но по тебе не видать, что там хорошо,— съязвил Вирьялов.— Ты похудел и постарел малость.

«Еще бы! — усмехнулся Алмазов.— Разве можно было не похудеть и не постареть? Я ведь столько передумал, так истосковался. Тебе этого не понять. Мы с тобой разные и чужие друг другу люди».

— У дерева, сваленного бурей, больше ветвей, чем корней,— сказал он, думая о своем.

Вирьялов истолковал эти слова по-своему:

— О, искусство, музы! — он сделал ударение на слове

«музы». — Они действительно могут иссушить человека.

И тут же добавил:

— Да, кстати, тобой интересовалась Муза Любимова, все искала адрес.

— Где она, в консерватории? — спросил Алмазов.

— Сказал! — рассмеялся Вирьялов. — Она в кафе, вот в этом кафе, работает буфетчицей. Ее «папа» промышлял по торговой части, да угодил за растрату в тюрьму. С тех пор Муза и стала буфетчицей.

— Ты дружишь с ней?

— С кем? — презрительно произнес Вирьялов. — Да ведь ее, что горох у обочины, может сорвать каждый прохожий.

Алмазову будто в душу плюнули. Но он не подал виду.

— А стихи не забросил?

— Забросил. Подвели меня Чушков с Ланкиным, обещали исправить, протолкнуть в печать. Я их не раз угощал: несмазанная ведь телега скрипит, надо смазать. Но оба они сгнули. Чушков строил себе дом, и его посадили за какую-то денежную махинацию, а Ланкину, подлецу, удалось куда-то скрыться. Остался я с носом. Что поделаешь, чужое нутро не рукав тулупа, не вывернешь наизнанку и не посмотришь, что там. Вот и кончилась моя литературная карьера. Да и вообще я решил больше не заниматься этими детскими шалостями, писать стихи. Ведь памятника мне за них не поставят.

«До чего противен! — думал Алмазов. — Поздороваться с таким за руку, после этого руку надо как следует помыть».

Но он горел желанием как можно больше узнать о людях, которые его интересовали.

— А Саланов не женился?

— В этом году женился. Знаешь Лидию Филипповну, учительницу из нашей деревни? Все женятся, кроме нас с тобой. Казаков женился на Большой Нине. Про Маленькую Нину ничего не знаю. Муза болтала, что она была без памяти влюблена в тебя, а ты этого и не замечал. Но шут с ней... А знаешь, Саламби выходит замуж за отца того мальчика, которого она взяла из детдома. Она нас обоих оставила в дураках. Что поделаешь...

Алмазов покраснел от стыда и злости. А Вирьялов продолжал:

— Они с Салановым высоко взлетели. Читал, как хвалят их в газетах? Таланты! Новаторы!..

— Да, они действительно и трудолюбивы и талантливы,— резко оборвал его Алмазов.

Вирьялов попытался смягчить разговор:

— Не по сто лет нам жить на этой земле, Анатолий Александрович. Пойдем, выпьем по сто грамм в честь встречи.

— Благодарю, я спешу,— ответил Алмазов и, не прощаясь, ушел.

*

Весь день Алмазов не мог освободиться от мучительных воспоминаний: знакомые улицы, дома, деревья — все напоминало ему о прошлом, о Саламби...

Вот двухэтажное белокаменное здание музыкального училища. Здесь он познакомился с Федором Павловым, слышал виртуозную игру Геннадия Воробьева. В памяти всплыли слова старого учителя: «Истинный талант познается в труде, в умение преодолевать трудности. Если ты всего-навсего цыпленок, то ветер собьет тебя на лету, но если ты орленок, то ветер поднимет тебя еще выше».

Алмазов с волнением перешагнул порог училища.

— Толя! Сынок! Ты ли это? — радостно встретила его Анна Матвеевна. Она оставила свое вязанье.— Давеча была у Анны Ивановны, она сказала, что ты приехал. Неужели, думаю, не заглянет?

Он обнял ее за плечи.

— Да разве мог я вас забыть!

Старушка прослезилась, потом заулыбалась.

— Пойду, поиграю,— сказал Алмазов и поднялся в класс.

Комната была пуста. Он откинул крышку рояля, слегка тронул клавиши. И вот они запели, заговорили.

Веселое детство, юные дерзкие мечты, отчаяние и надежда — все слилось в его импровизации. Рояль то гремел, то звучал нежно, как гусли.

Раздался последний аккорд. Алмазов кивком головы откинул назад волосы и, обернувшись, неожиданно увидел, что он здесь не один. В дверях стояла Анна Матвеевна, студенты, преподаватели.

— Bravo, Анатолий! — крикнул оказавшийся тут знакомый композитор.

— Толя из нашей деревни, — объясняла молодым студентам Анна Матвеевна. Я его еще вот такого — от горшка два вершка — знала. Хведор Павлыч уже тогда хвалил его.

Принялись уговаривать еще что-нибудь сыграть!

— Немедленно дай мне ноты этих вещей! — обратился к нему композитор.

*

О чем бы он сейчас ни думал — о новых песнях, об опере — все было связано в его душе с Саламби...

Он не вытерпел, зашел на почтамт и написал несколько строк:

«Саламби! Без тебя и солнечный день кажется пасмурным. Ни на минуту не могу забыть тебя! Где бы и с кем бы я ни был, всю жизнь буду любить тебя. Будь счастлива! Прости, Анатолий».

На другой день, еще до восхода солнца, Алмазов сел на пароход, идущий в Казань, и уехал с твердым намерением продолжать учебу в консерватории.

Он стоял на палубе и прощался с родным городом до тех пор, пока город не скрылся за холмом.

ВСТРЕЧА У ПЕТУШИНОГО ЛОГА

Ласковый взгляд и улыбка любимой окрыляли Андрея. «Завтра воскресенье, — радовался он, — завтра я снова увижу Саламби».

За этот год, пока она училась, Андрей не раз мысленно с нею встречался, беседовал. И, конечно, не мог забыть того дня, когда они вдвоем были в лесу. Все, до мельчайших подробностей, жило в его памяти и не давало ему покоя... Что же сообщил ей Саланов тогда, на тропинке? Не весть ли от Алмазова? Андрей уже знал, что

Саламби любит Алмазова. Об этом проговорила как-то ее мать. «Зачем ждать его? — сетовала она. — Он, наверное, и не помнит уже ее, а она, бедняжка, дни и ночи страдает».

Работающий Андрей был ей куда ближе какого-то композитора. И она не раз говорила об Алмазове: «Ведь он за всю свою жизнь, должно быть, и топорщица не вытесал и веревки не свил».

Чем больше она благоволила к Андрею, тем лучше он понимал, что между ним и Саламби стоит Алмазов. Он еще раз убедился в этом, увидев в комнате Саламби фотографию Анатолия.

«Хороший, должно быть, человек, — заключил Андрей. — Такая девушка, как Саламби, зря не полюбит». Его беспокоил лишь вопрос: «Любит ли эту девушку Алмазов? Может быть, он и в самом деле давно уже забыл ее? Обзавелся семьей? Никогда сюда не вернется?»

Это только и обнадеживало Андрея.

Он приближался уже к дому, когда разразилась гроза.

«Не помешала бы поехать завтра в Анаткас», — тревожно подумал он, входя в комнату.

Валерик, свернувшись, лежал на диване и спал.

Неожиданно землю потряс резкий удар грома. Мальчик в страхе проснулся и заплакал:

— Мама! Мама!

Андрей кинулся к нему, прижал к своей груди.

... Наутро он надел новый костюм, до блеска начистил ботинки.

— Куда идешь, папа? В клуб? — спросил мальчик.

— В Анаткас.

— И я пойду с тобой. Я хочу повидать маму и бабушку.

— Сейчас я схожу один, а завтра повезу тебя на мотоцикле. А ты пока сбегай с ребяташками в кино.

Андрей решил отправиться пешком, чтобы не привлекать к себе внимания людей и не ставить Саламби в неловкое положение: жених, мол, прикатил на мотоцикле...

Он шел к ней теперь с единственной целью: выяснить, как жить дальше, как поступить с Валериком.

Пройти незамеченным Андрею не удалось. Почти у дома Саламби его остановила девушка-почтальон:

— Андрей Иванович, вы не к Акрамовым?

— К ним.

— Передайте, пожалуйста, вот эти газеты. И еще — письмо Саламби.

На конверте Андрей заметил обратный адрес: Казань. Консерватория. У него от волнения задергался шрам на щеке. Нет никакого сомнения, что письмо от Алмазова.

Андрей понимал, что может принести это письмо ему, Саламби и Валерику. Он знал, что в этом маленьком конверте их будущее. Оно зависит сейчас от него. В его воле — отдать или не отдать письмо Саламби. Долго стоял Андрей у калитки, терзаемый мучительными думами, и, наконец, прошел к Акрамовым.

Саламби была одна в комнате. Она что-то писала. Ее длинная коса свесилась к табуретке. Услышав скрип двери, девушка повернула голову.

— Андрей Ивановыч! — шагнула она навстречу гостю.

— Салам, Саламби! — с трудом произнес он. — Попался на улице почтальон. Просил передать газеты и вот еще... письмо.

Девушка прежде всего схватила письмо и начала читать. Она побледнела, губы ее дрожали.

— От Толи! — крикнула она и обеими руками прижала письмо к груди.

Андрей застыл на месте. Ему показалось, что меркнет дневной свет.

Саламби несколько раз перечла коротенькое письмо. Ее лицо озарилось счастьем. Андрей видел это и понял, что он здесь сейчас лишний. Молча повернулся и тихо вышел...

Как болела его душа, когда он возвращался домой! Какая нужна была сила, чтобы совладать с собой?

*

Девушка со дня на день ждала Алмазова. Она не находила себе места: «Телеграмму он должен был уже получить. Поезд от Казани до нашей станции идет семь-восемь часов. Еще три, пока Анатолий пройдет от станции до нашей деревни. Теперь он должен был бы уже приехать...»

Саламби была на работе. Ее вызвали к телефону.

Алмазов, оказывается, дошел до Турикаса — к Саланову и звонил оттуда.

Саламби пошла к Петушиному логу.

Сердце ее билось так, будто собиралось выскочить из груди.

... Вот наконец-то из лесу появился человек в белом плаще. Он заметил ее, ускорил шаги и поднял руку. Она сорвалась с места и, словно подхваченная ветром, понеслась ему навстречу.

1950 — 1959

СОДЕРЖАНИЕ

[illegible]

Александр Спиридонович Артемьев

САЛАМБИ

*

Редактор М. Д. Карунный
Художественный редактор М. В. Таирова
Технический редактор М. П. Маракасова
Корректор И. П. Кошик

*

Сдано в набор 30.III 60 г.
Подписано к печати 7.VI 60 г.
Формат бум. $84 \times 108 \frac{1}{32}$. Физ. печ. л. 4,25.
Усл. печ. л. 6,97. Уч.-изд. л. 7,0. Изд. инд. ХЛ—236.
АО 6167. Тираж 30000 экз. Заказ № 454.
Цена 2 р. 10 к. С 1/I 1961 г. — 21 коп.

*

Издательство «Советская Россия»,
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

*

Книжная фабрика им. Фрунзе Главполиграфиздата
Министерства культуры УССР, Харьков, Донец-
Захаржевская, 6/8.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге, с указанием возраста и профессии читателя, присылать по адресу: Москва, Центр, проезд Сапунова, д. 13/15, издательство «Советская Россия», редакция художественной литературы.

В издательстве
«С О В Е Т С К А Я Р О С С И Я»
в ближайшее время выйдут в свет
и
поступят в продажу:

Г. Баширов. Сиваш. Повесть.
А. Борщаговский. Остров всех надежд. Повесть.
Г. Бовин. Дети Земли. Научно-фантастическая повесть.
Б. Евгеньев. Голос друга. Повесть.
И. Спирин. В голубом небе. Воспоминания летчика.
Сборник «О литературе и искусстве».
Ф. Власов. Поэзия жизни. (о творчестве Л. Леонова).
Сказания о нартских богатырях (осетинский эпос).

Книги, изданные «Советской Россией», продаются в магазинах книготоргов и потребительской кооперации.

0.85

Цена 2 р. 10 к.
С 1/1 1961 г.— 21 к.

